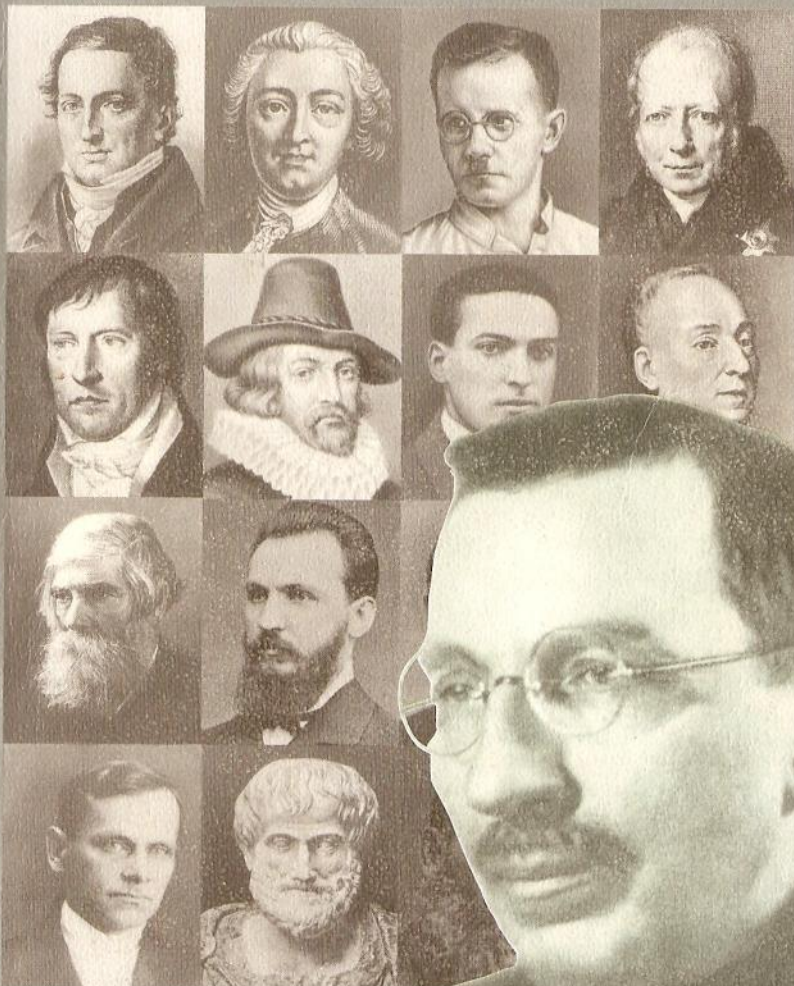

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ
МАКАРЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. — глава Издательского Дома

Асмолов А.Г.

Бордовский Г.А.

Гиршович В.С.

Давыдов В.В.

Загвязинский В.И.

Зуев Д.Д. — главный редактор

Кезина Л.П.

Матросов В.Л.

Никандров Н.Д.

Ниорадзе В.Г.

Петровский А.В.

Рябов В.В.

Сартания В.Ш.

Семашкин А.А.

Шадриков В.Д.

Щетинин М.П.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

СОСТАВИТЕЛЬ И
АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

**Коротов
Виктор
Михайлович**
доктор
педагогических
наук,
член кор. РАО
г. Москва

**Коровина
Светлана
Николаевна**
Заслуженный
учитель школы
Российской
Федерации
г. Москва

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

МАКАРЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
МОСКВА

УДК 159.8
ББК 88
М91

АНТАЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

От первого читателя

Возвращаясь к изучению педагогического наследия Анто-на Семеновича, делаешь вывод — необходимо новое прочте-ние его педагогической теории, предполагающее отрешение от привычных взглядов на его творчество и требующее объективного оценивания работы этого педагога-новатора.

Его педагогическая концепция пронизана заботой о судь-бе каждого ребенка, а развитие личности составляет со-держательную основу воспитания и обучения. Причем глав-ная задача в работе педагога определяется в его концепции не как воздействие на ребенка, а как содействие его разви-тию, стимулирование верного направления этого развития с целью раскрытия сил и способностей каждой личности.

«Человек должен быть счастливым», — утверждает педагогика А.С.Макаренко. Свыше трех тысяч детей с изло-манной судьбой прошли через его руки и сердце, и не было среди его выпускников ни трусов, ни изменников, ни подле-цов, ни просто плохих людей. Это говорит о многом.

С.Н.Коровина

Макаренко. — М.: Издательский Дом Шалвы Амонаш-
М91 вили, 1999. — с. 224 (Антология гуманной педагогики).
ISBN 5—89147—022—5

Задача книги — познакомить с тем, что является непреходящим в творчестве великого гуманиста, с тем, что при прошлом прочтении его творчества оставалось, по ряду причин, за скобками, но что является сегодня особенно актуальным.

ПЕДАГОГИКА ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ, ИЛИ ЕЩЕ НЕ ВОСТРЕБОВАННЫЙ МАКАРЕНКО

Заканчивается XX век. И как путник, взойдя на перевал, сперва оглядывается на пройденный путь, а уж потом бросает взгляд в неизведанные дали, так и мы на рубеже столетий пытаемся честно и взыскательно оценить содеянное и поразмыслить: что же возьмем с собой в грядущее столетие? Несомненно, среди величайших завоеваний нашей отечественной, а следовательно, и мировой культуры в XX столетии особо выделяется педагогическое творчество Антона Семеновича Макаренко.

Есть в истории науки имена, которые, как вехи, отмечают переход научного знания в качественно новое состояние. Великие труженики науки аккумулируют достижения своих предшественников и могучим порывом творческой мысли приближаются к истинному видению предмета, вскрывая существенные связи явлений в их развитии. Тем самым одновременно творят они и новый метод научного познания, сокращая и облегчая путь своим последователям. К числу подлинных первопроходцев науки принадлежит педагог А.С.Макаренко, 100-летие со дня рождения которого по решению ЮНЕСКО в 1988 г. широко отмечено прогрессивной общественностью во всем мире.

За эти пять лет много изменений произошло в нашей стране. И среди социальных и политических перемен по крайней мере одно можно определенно характеризовать как положительное. Это отказ от идеологической нетерпимости, зарождение здорового плюрализма мнений, снимающего шоры с одностороннего взгляда на многие вещи, в том числе на педагогическое наследие самого видного педагога XX века.

Да, сейчас, пожалуй, одной из важных задач педагогической науки является объективная оценка нашего прошлого педагогического опыта, самым значительным явлением которого является педагогическая система А.С.Макаренко. Вспомним: идеи Макаренко долгое время не признавались официальной педагогикой. Понадобились многие годы борьбы за их утверждение в науке. Мы сейчас с благодарностью вспоминаем усилия наших учителей, проделавших titаническую работу по пропаганде и дальнейшей разработке наследия Антона Семеновича. И все же сегодня должны констатировать, что концепции Макаренко бы-

ли приняты на вооружение в одностороннем виде, со значительным смещением акцентов вплоть до их искажения. Теперь, благодаря проведенным в последние годы исследованиям, мы можем довольно определенно судить, как и почему это произошло.

В 1936 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». К этому моменту педология сложилась как одна из педагогических наук, сделавшая предметом своего изучения возрастное развитие детей. Постановлением, в котором, справедливости ради следует признать, верно отмечались недостатки и ошибки в практической работе педологов, педология была объявлена лженаукой, запрещено ее преподавание в педагогических учебных заведениях, а педологические учебники были изъяты. Теперь можно смело утверждать: так произошла величайшая трагедия в истории педагогических наук в нашей стране. Педагогика с этого момента стала «бездетной», за что потом ее часто упрекали. Но факт остается фактом: проблемы развития детей, становления личности ребенка на долгие годы остались за пределами педагогической науки. Именно это, на наш взгляд, во многом определило односторонний подход к наследию Макаренко многих исследователей, включая и автора этой статьи, в чем надо честно признаться, и во многом — повлияло на «избирательное» отношение к системе Макаренко, когда те или иные ее части замалчивались, а другие подавались в искаженном виде. На наш взгляд, настала пора поправлять дело, и пусть эта первая попытка создания книги «Макаренко» положит начало исправлению допущенных нами ошибок.

* *

*

Тогда, в 30-е годы, некоторые педагоги и деятели народного образования говорили: «Макаренко хороший практик, но в теории...» И недоуменно пожимали плечами.

Одну из лучших своих статей, написанную для юбилейного сборника по поводу пятилетия коммуны имени Ф.Э.Дзержинского, Антон Семенович так и назвал «Педагоги пожимают плечами». Эти люди не понимали, что уже давно наступил момент, когда без теории нельзя стать хорошим практиком, и, главное, не понимали существа педагогического новаторства А.С.Макаренко.

История педагогики учит, что все великие педагогические учения вырастают из осмысления нового опыта, прежде всего своего собственного, той самой «хорошей практики»... Так складывались педагогические взгляды И.Г.Песталоцци, которого К.Д.Ушинский называл отцом современной педагогики, самого Константина Дмитриевича, заложившего фундамент педагогики как науки, и гениального Л.Н.Толстого, и искренне преданного детям С.Т.Шацкого, и великого педагога-гуманиста XX века Антона Семеновича Макаренко.

Педагогический опыт — неиссякаемый животворный источник и одновременно способ приращения научного знания, критерий его истинности. Для Макаренко таким источником стала его работа в колонии имени А.М.Горького и коммуне имени Ф.Э.Дзержинского. К этой работе, продолжавшейся около 16 лет, он приступил в 1920 г., будучи опытным и зрелым педагогом. Ему было тогда 32 года.

Вспомним... Родился Антон 1 марта 1888 г. в городе Белополье Харьковской губернии. Отец его, Семен Григорьевич, был высококвалифицированным маляром, работал в железнодорожном депо. Антон учился в железнодорожном училище и, когда семья переехала в Крюков, он продолжил обучение в таком же училище. Учился старательно и успешно. Очевидно, поэтому, когда закончил учебу, Семен Григорьевич сказал сыну: «Будешь учителем!» Стало слово отца делом всей жизни Антона Макаренко. После окончания педагогических курсов начал он в 17 лет работать в родном училище.

Огромное влияние на юношу оказало творчество А.М.Горького. Под его влиянием вершил он свои первые литературные опыты. Более того, Горький, по словам самого Макаренко, стал организатором его мироощущения реального гуманизма. «Моя жизнь прошла под знаком Горького», — напишет Антон Семенович в скорбные дни прощания с великим писателем [4, 18]*.

Работая учителем, Макаренко изучает педагогическую и философскую литературу. Его внимание привлекают труды А.И.Пирогова, В.Г.Белинского, Н.Г.Чернышевского, но особенно глубоко изучает он работы К.Д.Ушинского. После 9 лет педагогической деятельности Антон Семенович поступает в Полтавский учительский институт, который заканчивает, как и училище, только с отличными оценками по всем предметам. В характеристике, составленной педагогическим советом института, о нем сказано: «Макаренко А. — выдающийся воспитанник по своим способностям, знаниям, развитию и трудолюбию, особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представлял прекрасные сочинения» [8, 118].

За выпускную работу «Кризис современной педагогики» А.С.Макаренко получил золотую медаль.

Глубоко заблуждались те, кто утверждал, что Антон Семенович плохо разбирается в педагогической теории.

После окончания института он снова возвращается в Крюковское начальное железнодорожное училище, где работает сначала учителем, а потом директором до сентября 1920 г., когда принимает предложение Полтавского отдела народного образования стать заведующим детским домом для несовершеннолет-

* Здесь и далее ссылки по: Макаренко А.С. Пед.соч.: В 8 т. — М., 1983—1986. Цифра первая — номер тома, вторая — страницы.

них правонарушителей под Полтавой — впоследствии Детской трудовой колонией имени А.М.Горького.

Не случайно Макаренко отстаивал такое название руководимого им учебно-воспитательного учреждения. Дело в том, что в официальных документах Полтавского губернского отдела народного образования оно именовалось «Колония морально-дефективных детей». Педагог потратил немало усилий, доказывая, что малолетние преступники, из числа которых, особенно на первых порах, формировался коллектив воспитанников, не дефективные, а обыкновенные дети, только несчастные, с изломанной судьбой, и главную цель свою он видел в том, чтобы сделать их счастливыми. В практической реализации этой цели ему помогал жизненный пример Алексея Максимовича, прошедшего путь от беспризорного босняка до великого русского писателя.

Рассказывать о жизни горьковской колонии, о мучительных поисках самого Макаренко — неблагодарное занятие. Проще перечитать «Педагогическую поэму». Но о главном стоит сказать несколько слов.

Прежде всего, именно в эти годы сформировалось педагогическое кредо педагога. Макаренко потом вспоминал, что никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным, как в начале работы в колонии. Но переживать и размышлять было некогда: появились первые воспитанники. Все они сполна испили горькую чашу беспризорщины. Многие приходили озлобленными, голодными и оборванными. У части был значительный опыт уголовных преступлений. Всех надо было мыть, одевать, обувать и кормить, надо было наладить нормальную жизнь, учебу, труд, разумный досуг.

И именно тогда, сначала интуитивно, затем все более осмысленно Антон Семенович приходит к пониманию, что налаживание нормальной жизни детей составляет самую суть воспитательной работы. Все более глубоко осознает он основной закон педагогики: жизнь воспитывает. Причем не абстрактная жизнь вообще, а реальная жизнь каждого конкретного ребенка и есть его воспитание.

Любопытно отметить, что примерно в то же время к такому же выводу приходит другой замечательный педагог — Станислав Теофилович Шацкий. Выступая 17 декабря 1919 г. на собрании сотрудников Первой опытной станции, которую он возглавлял, Шацкий сказал: «Представление о школе, которое вырисовывается у нас, — это представление о правильно обдуманной и систематически проведенной организации детской жизни. К такой формуле приближается наше представление»*.

Но вспомним — первый основной закон воспитания открыл Песталоцци. В своей главной книге «Лебединая песня» он сформулировал великий и основной принцип — жизнь обра-

* Шацкий С.Т. Пед.соч.: В 4 т. — Т. 2. — М., 1964. — С. 416.

зовывает. И, поясняя это положение, говорил о том, что главный путь развития естественных сил ребенка — их упражнение и применение на практике. Именно так развиваются мыслительные способности детей, так овладевают они мастерством, так проходит становление их нравственных качеств — через упражнение.

Несколько отвлечемся и задумаемся: почему именно Песталлоцци, Шатский и Макаренко независимо друг от друга пришли к открытию и осмыслению основного закона воспитания?

Мне думается, это объясняется тем, что хотя творили педагоги в разное время и в разных условиях, педагогический опыт каждого из них сходен в главных чертах: это был опыт разумной организации детской жизни, включающей в себя заботу о судьбе каждого ребенка.

И все же Макаренко продвинулся дальше: он не только пошел по пути педагогически целесообразной организации жизни детей, но и открыл основную форму такой организации — воспитательный коллектив. Значительно позже, в 1932 г., в одном из своих художественных произведений он так сформулирует этот вывод: «...Наш путь единственный — упражнение в поведении, и наш коллектив — гимнастический зал для такой гимнастики» [2, 128]. А тогда, в 20-е годы, Антон Семенович со своими товарищами педагогами и лучшими воспитанниками не покладая рук, самоотверженно и упорно трудился над созданием такого коллектива. И результат не замедлил сказаться. Ребята работали в поле, начали учиться, старшие потянулись на рабфак, создали великолепный театр, куда по субботам съезжались жители окрестных сел... Но главное, в этой дружной работе, коллективных делах и увлечениях рос новый человек, все более сплачивался дружный коллектив горьковцев, представлявший собой могучую воспитательную силу. Так прошло 5 лет. И однажды, анализируя жизнь колонии, Макаренко сделал для себя еще одно открытие: кризисные явления в коллективе объясняются тем, что «допущена остановка в жизни коллектива». «Я обрадовался по-детски: какая прелесть! Какая чудесная, захватывающая диалектика! Свободный рабочий коллектив не способен стоять на месте. Всемирный закон всеобщего развития только теперь начинает показывать свои настоящие силы. Формы бытия свободного человеческого коллектива — движение вперед, форма смерти — остановка» [3, 267]. Так писал он о своем открытии в «Педагогической поэме».

Антон Семенович принимает предложение о переводе горьковской колонии под Харьков в Куряж. Это был очень рискованный шаг. Куряжская колония, в которой находилось 280 воспитанников, к тому моменту была в ужасном состоянии. Сказать, что она была развалена, значило сказать неправду. Это была беспризорщина и уголовщина под крышей колонии. Кроме небольшой группы девочек, ребята воровали и пьянствовали, в поножовщине сводили счеты, обижали и эксплуатировали малышей. Воспитате-

ли по ночам забирались в свои каморки, запираясь на всевозможные запоры. «Малина» да и только! Короче говоря, это, с позволения сказать, куряжское «сообщество» являло собой антипод слаженному и организованному коллективу горьковцев, которых, кстати, было всего-навсего 120 человек. Сравните: 280 и 120!..

«Куряжская операция» вошла в историю педагогики как разительный пример полного превосходства макаренковской воспитательной концепции. Буквально через несколько дней началось, говоря словами Антона Семеновича, «преображение». И скоро от «куряжской малины» не осталось и воспоминаний. Просто колония имени Горького зажила на новом месте. Теперь в ней было 400 воспитанников. Нельзя без слез и душевного волнения читать страницы «Педагогической поэмы», посвященные куряжской эпопее горьковцев! Начался новый подъем в жизни макаренковского коллектива.

Сейчас просто удивительно узнавать о том, что у Макаренко было немало противников среди деятелей «соцвоса» (социального воспитания) Украины, — но они были, ставили палки в колеса и ждали часа, чтобы нанести ему удар.

И такой час наступил.

В начале 1928 г. журнал «Народный учитель» опубликовал статью Н.Ф.Остроменцкой о колонии Горького. Надежда Феликсовна в 1926 г. три месяца работала в колонии клубным работником и воспитателем. Она восторженно писала о работе Антона Семеновича, но кое-что гиперболизировала и исказила. Горькому статья понравилась. Он писал Антону Семеновичу: «...письмо Ваше получил вместе со статьей Остроменцкой; читая статью, едва не разревелся от волнения, от радости. Какой Вы чудеснейший человек, какая хорошая, человечья сила» [1,245].

Макаренко, прочитав статью, написал автору: «...От Вашей статьи мне, пожалуй, здесь не поздоровится» [8,33]. И оказался прав.

Вскоре на VIII съезде комсомола выступила Н.К.Крупская. Она резко отреагировала на статью: «Я хотела бы, товарищи, обратить ваше внимание на то, до чего докатываются отдельные школы. В первой книжке журнала «Народный учитель» за нынешний год описаны воспитательные приемы, которые употребляет один Дом имени Горького на Украине. Там введена целая система наказаний — за один проступок меньше, за другой — больше. Там есть такие поступки, за которые полагается бить, и там создается такое положение, которое не может не возмущать до глубины души каждого, не только коммуниста, но и всякого гражданина Советского Союза. Там говорится, что воспитатель должен наказывать ученика, — он может бросить в него счетами или набрасываться на него с кулаками, может бить палкой, прутком. Там описывается сценка, как заведующий домом посылает провинившегося в лес для того, чтобы он принес прутья, которыми «воспитатель» будет его хлестать.

Дальше идти, товарищи, некуда. Это не только буржуазная школа — это школа рабская, школа крепостническая, и если даже только один такой факт есть, необходимо с ним тщательно бороться»*.

Оценка, как мы видим, уничтожающая, к тому же резко политизированная.

Антон Семенович был вынужден уйти из колонии. Но это было не самое страшное. Приближались годы массовых политических репрессий, и можно представить, чем грозила такая оценка из уст одного из ведущих деятелей педагогики страны.

Спасло Макаренко то, что его пригласили чекисты Украины руководить коммуной имени Ф.Э.Дзержинского — учебно-воспитательным учреждением, построенным на деньги сотрудников НКВД в память о Феликсе Эдмундовиче. И здесь А.С.Макаренко принимает поистине гениальное решение. Имея за плечами удачную куряжскую операцию, которую можно сравнить с прививкой, он организует перевод в коммуну пятидесяти воспитанников колонии имени Горького, ставших зрелым и опытным ядром нового коллектива, принесших в него все лучшие традиции горьковцев, организаторскую хватку и видение перспективы. Так коммуна имени Дзержинского сразу стала на ноги и продолжила поступательное движение макаренковского коллектива воспитанников. И это было еще одно замечательное открытие Макаренко...

Жизнь, быт, достижения коммуны имени Ф.Э.Дзержинского подробно описаны Антоном Семеновичем в повестях «Марш 30 года», «ФД-1» и «Флаги на башнях». Последняя книга получила более широкую известность. Почти 8 лет проработал Макаренко в коммуне имени Дзержинского, и сейчас можно смело утверждать: коллектив, руководимый им, являлся лучшим и высшим достижением практической педагогики в XX веке. Судите сами: уже тогда, в середине 30-х годов, фактически все коммунары получали полное среднее образование. Работая на первоклассном машиностроительном заводе, выпускавшем сначала электроинструменты, а затем и лучший в то время советский фотоаппарат «ФЭД» — лейку, они обеспечили перевод коммуны на хозрасчет и, кроме того, приобретали по три-четыре профессии на уровне высших разрядов. В коммуне была развернута содержательная клубная работа, душой которой стал другой талантливый педагог — Виктор Николаевич Терский, ученик и соратник Макаренко.

В эти годы Антон Семенович одновременно создает один из шедевров отечественной литературы — «Педагогическую поэму». Задумал он ее еще в середине 20-х годов, но, очевидно, важным толчком к работе послужил уже упомянутый очерк Н.Ф. Остроменцкой. Под впечатлением от этой публикации в одном из пи-

* Крупская Н.К. О работе ВЛКСМ среди детей // Пед.соч.: В 6 т. — Т. 3. — М., 1979. — С. 293.

сем своей будущей жене Галине Стахивне Салько Макаренко писал: «Вообще: если писать книгу, то только такую, чтобы сразу стать в центре общественного внимания, завертеть вокруг себя человеческую мысль и самому сказать нужное сильное слово» [8,32]. Он написал такую книгу. В «золотой» библиотеке педагогической литературы она всегда будет занимать первое место.

В 1935 г. Макаренко переводится в Киев на должность заместителя начальника отдела трудовых колоний НКВД УССР, а через два года переезжает в Москву, где целиком отдается литературной деятельности. Здесь он при участии жены создает «Книгу для родителей», удивительный симбиоз художественных очерков, публицистических эссе и педагогических раздумий. Антон Семенович пишет ряд статей, часто выступает с лекциями: вместе они составили основной фонд его научно-педагогических произведений.

О двойственном отношении к Макаренко в те годы свидетельствует много фактов. Об одном из них рассказал автору этой статьи видный советский педагог Эле Исаевич Монозон. Он работал тогда в Главном управлении школ Наркомата просвещения РСФСР и пригласил А.С.Макаренко прочитать несколько лекций сотрудникам. Антон Семенович в январе 1938 г. выступил с циклом лекций, известных теперь под названием «Проблемы школьного советского воспитания», благодаря чему мы имеем возможность изучать наиболее полное и систематическое изложение взглядов великого педагога. Весьма показательно, что инициатор приглашения вскоре получил разнос от самого наркомата просвещения, причем в довольно резкой форме: «— Ты зачем этого прожектера притащил?!»

Так было... И если одни восторженно принимали Макаренко и становились его последователями и учениками, то другие относились к нему просто враждебно. Что поделаешь? Такова, очевидно, судьба многих подлинных новаторов, тех, кто опережает свое время.

Тогда же примерно произошел и еще один эпизод, о котором вспоминал сам Макаренко.

Однажды у него произошел такой разговор с профессорами, которые предложили ему писать учебник педагогики.

«— Вы какую педагогику хотите писать: сегодняшнего или завтрашнего дня? — спросил Антон Семенович.

— Конечно — сегодняшнего. Мы не знаем, что будет завтра.

— Тогда я вам не помощник. Пока вы напишете, придет завтрашний день. И у вас получится педагогика вчерашнего дня...»

Сам он писал педагогику завтрашнего дня.

Работал он в те годы, как, впрочем, и всю жизнь, много, не жалея сил. Непомеренные нагрузки, незаслуженная травля сделали свое дело. 1 апреля 1939 г. Макаренко скоропостижно скончался в вагоне пригородного поезда на станции Голицино Белорусской железной дороги. Он прожил всего 51 год.

Редактор ряда литературных произведений Макаренко, писатель Юрий Борисович Лукин вспоминает о траурном митинге, когда с Антоном Семеновичем прощались его друзья, близкие и, конечно, воспитанники:

«...Объявили, что слово предоставляется воспитаннику Макаренко. Вышел человек в военной форме, с военной выправкой, но смятый страданием, о котором он сдержанно и честно говорил. Он начал так: совет командиров бывших воспитанников Антона Семеновича поручил ему — как старшему из собравшихся — сказать от их имени то, что они хотели бы сказать все. Привожу содержание его речи по памяти.

— Я потерял сегодня отца. Вы поймете, почему мне так трудно говорить, если представите, как трудно терять отца еще таким молодым. Ему был всего 51 год. Мой отец по крови бросил мою мать, когда мне было 4 года. Я его не помню, и я привык его ненавидеть. Моим настоящим отцом был Антон Семенович. Антон Семенович ни разу в жизни не похвалил меня, он всегда меня ругал, даже в своей книге — «Педагогической поэме» — он меня только ругает. Вы понимаете, как мне горько об этом говорить. Но именно потому, что он всегда меня ругал, я теперь стал инженером. Уже после выхода из коммуны, когда я перечитывал страницы «Педагогической поэмы», его слова продолжали корректировать мои поступки, мою жизнь. Вы же представляете себе, кем бы я был, если бы он меня не ругал. И он вообще никогда нас, коммунаров, не хвалил. Он требовал неукоснительного выполнения его распоряжений, но он и глубоко верил в каждого из нас. Он умел найти и раскрыть в человеке самое лучшее, что есть в нем. Он был великий гуманист. Он отстаивал свои идеи, не отступая ни на шаг, когда считал себя правым. К нам в колонию не один раз приезжали соцвосовские «работники» и всячески пытались восстановить нас против него, расколоть наш коллектив, его травили, нашего Антона травили!.. Макаренко воспитал тысячи граждан Советского Союза; его воспитанники работают на советских стройках, в научных институтах, дрались на Хасане с японскими самураями; среди них есть орденосцы, лучшие люди нашей страны. Вы знаете, каким почетом окружено имя Коробова, вырастившего сыновей — героев труда. Что же сказать об Антоне Семеновиче Макаренко, давшем стране тысячи ее достойных граждан, десятки героев... Вы понимаете, товарищи, что я испытываю сегодня, что значит потерять такого отца.

Он говорил, стыдясь несдержанных выражений, пафоса и мужественно не стыдясь слез, которые лились как-то сами собой, не меняя напряженного выражения его лица, не мешая ему говорить. Только сильно покрасневшие руки и их беспомощные, детские движения выдавали его состояние. Он говорил с предельной честностью, ни одно слово в его речи не прозвучало сколько-нибудь фальшиво или натянуто. В зале не было ни одного человека, который не плакал бы во время его речи. Люди видели насто-

ящее горе и в эти минуты до конца поняли, какой человек был Макаренко.

Впоследствии колонист, о котором идет здесь речь, отдал свою жизнь за Родину на одном из фронтов Великой Отечественной войны. Значение этого факта и сила сказанного им в момент последнего прощания со своим учителем станут еще разительнее, если добавить, что в «Педагогической поэме» он описан под фамилией Ужикова...»*.

Читавшие «Педагогическую поэму» помнят, кто такой Ужиков... А мы давайте еще раз задумаемся над парадоксами макаренковской педагогики. Вспомним: самую тяжелую, грязную работу поручают выполнять лучшему отряду; самым страшным наказанием становятся не арест, не наряд вне очереди, а выговор перед строем; строжайший спрос с лучших воспитанников, а новички вообще не наказываются... И вот в самый трагический момент расставания с любимым учителем воспитанники поручают произнести от их имени слово прощания «худшему».

Да, Антон Семенович имел полное право сказать о своей педагогической работе: «Ни одного процента брака!»

* *

*

Среди наиболее актуальных задач современного макаренковедения на первом месте, несомненно, новое прочтение А.С.Макаренко. Речь не идет, конечно, о том, чтобы в угоду политической конъюнктуре называть в содеянном нами прошлом «белое» «черным», а «черное» «белым». Хотя такая тенденция у некоторых авторов есть, о чем свидетельствуют попытки навесить на Макаренко ярлык творца «педагогики ГУЛАГа», «сталинщины» и т.п. К счастью, таких перевертышей в нашей среде считанные единицы. А научная несостоятельность подобных попыток очевидна.

Речь идет о другом. Перед нами встает сложнейшая задача отрешиться от привычных схем и взглядов на творчество Макаренко в целом и постараться объективно оценить новаторство педагога не в «свете постановлений» и железобетонных «методологических конструкций», а с позиций здорового научного плюрализма, т.е., если кратко сказать, увидеть его таким, каким оно было на самом деле. Задача эта исключительно сложная: ведь приходится преодолевать и собственные прочно сложившиеся взгляды. Тем не менее ее надо решать, и пусть эта, может быть, еще несовершенная попытка поможет нашей педагогической молодежи по-новому прочесть А.С.Макаренко.

Рассмотрим теперь основную проблематику теоретического наследия педагога-новатора.

На первом месте — проблема воспитания и развития личности. Из истории педагогики хорошо известно, что от

* Лукин Ю. Два портрета. — М., 1975. — С. 118—119.

здавать ему тепличные условия, пряча его от реальной действительности. Подлинный гуманизм не в этом. Сверхзадача каждого воспитателя — родителя, педагога и взрослых людей вообще — заключается в том, чтобы разумно вести детей по дороге жизни, ставя их в позицию борцов за лучшую жизнь на земле. И так во всем, в большом и в малом, никогда не забывая истины: «в воспитательной работе нет пустяков» [4,65]. Такова макаренковская философия воспитания. Осмыслить ее — значит понять главное в педагогическом новаторстве Антона Семеновича.

Далее. Ни современники Макаренко, ни более поздние его последователи не сумели понять и в должной мере оценить того, что составляло саму душу его воспитательной системы — педагогическую логику, а точнее сказать — технологическую логику нового педагогического мышления. С начала 30-х годов в художественных произведениях и других работах Антона Семеновича все чаще появляется непривычная для педагогики лексика: «педагогическое производство», «материал», «проектирование», «продукт», «педагогическое мастерство», «педагогическая техника». Проще всего предположить: работая в те годы в коммуне имени Ф.Э.Дзержинского, Макаренко лично возглавлял завод по производству электроинструментов и фотоаппаратов, где трудились его воспитанники, и поэтому использовал техническую терминологию в своих трудах в качестве своеобразных синонимов и художественной символики. Но не будем спешить.

Дело в том, что сама идея педагогической технологии выдвигалась в те годы и другими педагогами. Вот один пример. В 1927 г. в Москве была издана под весьма характерным названием «На путях к индустриализации школы» небольшая книжечка талантливого директора Шатурской школы, входившей в состав 2-й опытной станции Наркомпроса, М.Камшилова, который уже тогда писал, что школа должна «перейти в своей работе на принципы рационализированной фабрики, рационализированного завода». Макаренко шел по этому пути.

В развитии всех наук легко проследить тенденцию перехода от длительного периода сбора эмпирических данных к построению философии науки, ее методологических основ, а затем и к построению теории. Исподволь готовится переход к новому, высшему этапу развития научного знания — этапу технологическому. Возникновение и совершенствование различных технологий знаменует начало научно-технической революции. Быстрее этот процесс происходит в сфере материального производства. На наших глазах он охватывает медицину и педагогику. И непреходящее значение педагогического творчества А.С.Макаренко в том, что оно на деле знаменует переход педагогической науки в это новое состояние.

Величайшая заслуга Антона Семеновича в том, что он одним из первых сумел разглядеть рождение педагогических технологий

и сформулировал основные постулаты технологической педагогической логики.

Вот эти принципиальные положения:

— ни одно действие педагога не должно стоять в стороне от поставленных целей;

— никакое педагогическое средство не может быть объявлено раз и навсегда полезным либо вредным; отдельное средство может быть и положительным, и отрицательным; решающим является действие всей системы средств;

— никакая система воспитательных средств не может быть установлена раз и навсегда: она изменяется и совершенствуется в точном соответствии с развитием ребенка и поступательным движением общества;

— всякое средство должно быть педагогически целесообразным, что проверяется опытным путем.

Надо сказать, что мы еще только приступили к осмыслению этих постулатов и пока не научились использовать их при анализе конкретных педагогических фактов. Нам предстоит еще учиться мыслить по-макаренковски.

Антон Семенович ввел в педагогику целый ряд принципиально новых терминов. Среди них — «педагогическая техника», «мастерство», «проектировка или программа личности», «воспитательный коллектив», «тон и стиль жизни коллектива», «педагогический коллектив», «длительность педагогического коллектива», «педагогический центр», «ближняя, средняя и дальняя перспективы» и ряд других. Часть этих понятий уже прочно вошли в педагогику. Другие находятся в стадии осмысления. Но заметим — эти понятия не просто новые наименования для старых вещей. Они — отражение новых педагогических явлений, фактов, новых действий педагогов, направлений воспитательной работы.

Далее. Макаренко углубил значение, а во многих случаях дал новую трактовку большей части традиционных понятий теории воспитания, прежде всего таких, как «требование», «наказание», «поощрение», «дисциплина», «режим» и др. За этим переосмыслением также стоят принципиально новые педагогические решения, новые подходы к воспитанию.

Переосмысление и переработка понятийного аппарата педагогической науки, несомненно, составляет основу педагогической логики Макаренко.

Главный признак любой технологии можно определить достаточно просто: что задумал в начале работы, то и получил после ее окончания. И весь опыт А.С.Макаренко является прекрасным примером того, как поставленные им воспитательные цели, замыслы материализовывались в результате воспитательной работы в живые судьбы его воспитанников.

В своих работах Антон Семенович дал и характеристику наиболее типичных ошибок педагогической логики. Их три: дедуктивное предсказание, этический фетишизм, уединенное средство.

Кратко напомним, о чем идет речь.

Дедуктивное предсказание. Долгие годы утверждалось, что для образовательной школы политехнизм — это хорошо, а вот профессионализм — это плохо! В результате наносился огромный ущерб трудовому воспитанию школьников: из них формировали разносторонне образованных неумех. Но такова была сила магической формулы, да еще подкрепленной многочисленными ссылками на самого Маркса. Ратовали еще и за соединение обучения с производительным трудом, не задумываясь, можно ли профессионально не подготовленных детей допускать к труду. Подобных ошибок и по сей час немало в нашей теории. Кстати, Макаренко не отрицал политехнизма, но это не мешало ему давать своим воспитанникам по три и больше специальностей на высоком профессиональном уровне.

Этический фетишизм. Хрестоматийный пример: наказание — это плохо, потому что «наказание воспитывает раба», а труд — это хорошо, потому что «труд создал человека». Вот и сейчас. Рассуждаем мы о технологической логике в педагогике — и уже слышатся возгласы: «Дети — материал? Это бесчеловечно!» Но если не приписывать словам какого-то одного узкого значения и посмотреть на дело непредвзятым взглядом, станет ясно: да, для педагогического производства дети — материал, но материал особого рода, живые люди, самовоспроизводящие себя в своем поведении и деятельности. Макаренко, кстати, очень подробно оговаривал использование этого термина в своих работах, подробно характеризую новую педагогическую логику.

И еще одна типичная ошибка.

Уединенное педагогическое средство. Суть ошибки состоит в том, что какое-то одно педагогическое средство выхватывается из системы средств и объявляется либо очень хорошим, либо очень плохим. Оно действительно может быть и тем и иным, так как абсолютно не срабатывает вне системы средств.

В свое время «метод проектов» (обучение в процессе решения практических задач) был объявлен панацеей от всех бед. А потом, убедившись, что он не решает «всех» задач, его так же безоговорочно объявили методическим прожектерством. И то и другое плохо. В ряду других методов и метод проектов, и бригадно-лабораторный метод могут быть полезны и эффективны.

Таковы некоторые основные положения новой технологической логики, сформулированные А.С.Макаренко.

Использование новейших достижений педагогических наук, высокий профессионализм педагогов, что составляет самую суть педагогической технологии, обеспечивают наиболее благоприятные условия для развития личности каждого ребенка, его способностей и задатков, создают оптимальный психологический климат во взаимоотношениях воспитателей и воспитанников и на деле реализуют подлинную заботу о подрастающем поколении, подлинный гуманизм педагогики.

Сейчас, когда мы наблюдаем настоящий бум в процессе творчества и пропаганды «новых» и «новейших» педагогических технологий обучения и воспитания (хотя под таким названием протаскивается часто нечто, никакого отношения к технологиям не имеющее), особенно важно вооружить молодых учителей и воспитателей технологической логикой педагогического мышления. Вода чиста у истока — говорит народ. И знакомство с трудами А.С.Макаренко поможет решить эту задачу. Но дело не только в этом. Знакомство с макаренковской педагогической логикой совершенно необходимо еще и для того, чтобы понять и принять систему идей выдающегося педагога именно как сис-тему.

Не усвоив концепцию технологической педагогической логики, трудно правильно оценить и другие идеи Макаренко. Так произошло с его концепцией педагогического проектирования.

Справедливости ради следует отметить, что впервые идею программы воспитания выдвинул в отечественной педагогике еще К.Д.Ушинский. В предисловии к главному труду своей жизни «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» он писал: «Что сказали бы вы об архитекторе, который, закладывая новое здание, не сумел бы ответить вам на вопрос, что он хочет строить — храм ли, посвященный богу истины, любви и правды, просто ли дом, в котором жилось бы уютно, красивые ли, но бесполезные торжественные ворота, на которые заглядывались бы проезжающие, раззолоченную гостиницу для обирания нерасчетливых путешественников, кухню ли для переварки съестных припасов, музей ли для хранения редкостей или, наконец, сарай для складки туда всякого, никому уже в жизни не нужного хлама? То же самое должны вы сказать и о воспитателе, который не сумеет ясно и точно определить вам цели своей воспитательной деятельности»*.

Развивая эту идею, Макаренко разрабатывает стройную концепцию «проектировки» личности. Педагогика, утверждал Антон Семенович, наука целесообразная. Педагог должен ясно себе представлять, каким он видит своего воспитанника на выходе. Он должен проектировать личность. При этом должны быть две воспитательные программы. Одна общая, рассчитанная на всех детей. Все они, к примеру, должны быть трудолюбивыми, честными, образованными людьми. Но кроме этого нужна еще и программа, рассчитанная на конкретного ребенка, предусматривающая полное раскрытие его личных способностей и интересов. Последователи Макаренко о второй программе попросту забыли. Не повезло и первой. Антон Семенович предупреждал, что она должна быть предельно конкретна и точна. Он сформулировал ее в начале 30-х годов предельно просто и ясно: мы желаем воспитать культурного рабочего, дать ему образование, желатель-

* Ушинский К.Д. Избр.пед.соч.: В 2 т. — Т. I. — М., 1974. — С. 234.

но среднее, дать квалификацию... И заканчивал эту характеристику словами: «Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым... способным жить и любить жизнь, он должен быть счастливым. И таким он должен быть не только в будущем, но и в каждый свой нынешний день» [1,138]. Обратите внимание: «счастлив»! Может ли быть поставлена более гуманная задача, нежели воспитать счастливого человека?

Кроме того, Макаренко принадлежит удивительно лаконичная, но очень важная формула: «Человек не воспитывается по частям».

Кажется, Л.Н.Толстой сказал: все великие истины просты.

Вот так просто сформулировал Антон Семенович основной закон развития личности, исходя из которого он подошел к построению общей программы. Она представляет собой предельно лаконичную и в то же время конкретную характеристику личности воспитанника, причем личности в ее цельности. Однако последователи педагога-новатора этого не учли. Педагоги старшего поколения помнят, как родилась толстая книга «Примерное содержание воспитания школьников», в которой по полочкам раскладывались идейно-политическое, нравственное, физическое, правовое, экологическое и другие «воспитания». Давались абстрактные характеристики и рядом с ними конкретные формы работы, «мероприятия». И чем больше от издания к изданию «толстела» книга, тем меньше она работала в школе. Пропал проект личности, вместо него разворачивалась абстрактная модель «всесторонне развитой личности», против чего прямо предостерегал А.С.Макаренко.

Сейчас, когда наше общество и, соответственно, школа находятся на перепутье, особенно остро ощущается дефицит воспитательной программы. Ясно, что те конкретные рекомендации, которые конструировал Макаренко в 30-е годы, просто не соответствуют социально-экономическим условиям страны. Нельзя забывать сформулированного Антоном Семеновичем требования: «Проектировка личности как продукта воспитания должна производиться на основании заказа общества» [1,169].

Настала пора вернуться к первоисточнику, перечитать, что понимал А.С.Макаренко под программой личности, и серьезно задуматься над тем, кого мы хотим и будем воспитывать сегодня. Педагог не может, не имеет права работать вслепую.

Следующая концепция замечательного педагога — воспитательный коллектив. Казалось бы, здесь повезло. Сколько книг написано, сколько методик организации коллективов сочинено! А между тем и тут мы имели дело со значительным искажением идей Антона Семеновича. В этом стоит разобраться.

Еще на заре зарождения макаренковедения была изобретена и пущена в ход звонкая формула — воспитание в коллективе, для коллектива и через коллектив. Можно согласиться лишь с первой частью — воспитание в коллективе, да и то с большой натяжкой.

Макаренко утверждал, что сплоченный коллектив детей и педагогов (воспитательный коллектив) по мере своего развития становится активным и могущественным воспитателем личности. Но... «воспитание для коллектива»... Большой чепухи Антону Семеновичу приписать нельзя. Конечно, человек воспитывается и для людей, для своего народа и человечества. Но прежде всего он воспитывается для себя, для своего счастья. Не надо забывать эту деталь воспитательной программы, может быть, самую важную в ней. И все же самое опасное в этой формуле — «воспитание через коллектив». Во многих наших теориях и методиках она приобрела впоследствии такой вид: педагог создает коллектив, который становится в его руках средством, орудием воспитания личности. Педагог, таким образом, является творцом педагогического процесса, личность — целью, коллектив — средством. Здесь уже все поставлено с ног на голову. Во-первых, у Макаренко педагог не стоит над коллективом и личностью. Он равноправный член коллектива, связанный узами товарищества со всеми его членами. В этом деловом содружестве воспитатель, если и выделяется, то только своей педагогической квалификацией, мастерством. Во-вторых, творцом воспитательного процесса вместе с педагогами являются и дети, сам коллектив учебно-воспитательного учреждения. Наконец, коллектив — также цель воспитания. Об этом прямо говорит Антон Семенович.

Личность и коллектив — одна из важнейших проблем философии. Споры идут до сих пор. Совсем недавно, с началом социально-экономических преобразований в нашей стране, мы неоднократно слышали заявления о том, что личность — высшая ценность и в этом, дескать, и состоит гуманизм. А ведь никто из истинных гуманистов ничего подобного не говорил. Формула гуманизма: «Человек — высшая ценность». Но ведь человек — это не только личность. Человек — это и личность, и семья, и народ, и человечество, и, конечно, коллектив. «Человека вообще», вне сообщества людей, нет и не может быть. И все это те человеческие ценности, которые нельзя противопоставлять друг другу. Это было бы все равно что противопоставлять часть целому и наоборот. И когда некоторые авторы начинают утверждать, что Макаренко был апологетом «коллективистского» воспитания, хочется сказать им: «Полноте, откройте книги великого педагога. Вы увидите: для Макаренко нет дилеммы — личность или коллектив. Его идеал — гармония личности и коллектива. Коллектив не безликая серая масса, а живое развивающееся содружество товарищей, объединенных общим делом, живой организм, живущий по своим законам». Наш современник, философ, социолог и психолог Эрих Фромм задается вопросом: человек — волк или овца? Но вопрос так не стоит: либо стая, либо стадо... Человек — личность, но становится он ею только в семье, в коллективе, в своем народе. К пониманию этого Макаренко шел педагогическим путем, но он вернее и правильнее, чем кто-либо до него,

разрешил для себя и для нас эту философскую, а правильное сказать, общечеловеческую проблему.

Выхватывают у Макаренко его высказывание о том, что в случае конфликта интересы коллектива выше, чем интерес отдельной личности. Обратите внимание: в случае конфликта. А как же иначе? Ведь коллектив — это много личностей. Вообще же противопоставление коллектива и личности бессмысленно. И этому нам предстоит еще учиться у Антона Семеновича.

Создание сплоченного и работоспособного воспитательного коллектива как содружества педагогов и воспитанников, руководство его развитием составляет в логике технологии основной педагогический процесс, в котором реализуются цели воспитания, та самая программа личности, о которой речь шла выше. Начать этот процесс, направлять его развитие — вот главная задача любого педагога, воспитателя, директора школы, руководителя кружка и любого трудового и творческого объединения детей. А для этого нужно педагогическое мастерство.

А.С.Макаренко первым поставил в полном объеме вопрос о мастерстве в педагогике. Если бы он сделал одно только это, он навсегда остался бы в науке о воспитании значительной фигурой. Это особенно ясно в наши дни, когда в ряде педагогических вузов появились кафедры педагогического мастерства, а одноименные спецкурсы читаются чуть ли не во всех педагогических учебных заведениях.

И как символично, что первая кафедра педагогического мастерства была создана в Полтавском пединституте. В том самом, который прежде был учительским и который в июле 1817 г. окончил Антон Семенович, а через 21 год его выпускником стал другой выдающийся педагог-гуманист — Василий Александрович Сухомлинский.

И все же опять следует признать, что макаренковская концепция педагогического мастерства до сих пор не принята на вооружение в ее полном объеме, трактуется узко, сводится к так называемой «педагогической технике» или в лучшем случае к мастерству педагогического воздействия.

Выступая однажды перед учителями, Антон Семенович сказал, что стал настоящим воспитателем, когда научился простенькую фразу «иди сюда» произносить с 15—20 оттенками в голосе. Однако владение такой, с позволения сказать, актерской техникой не исчерпывает мастерства педагога, хотя и является одним из его элементов. Как мастерское владение напильником еще не делает слесаря, так и выразительная демонстрация своих чувств еще не делает педагога мастером.

Мастерство педагога в понимании Макаренко — это сложный комплекс знаний и умений. На первом месте в нем стоит мастерство организатора. Макаренко не раз подчеркивал, что воспитательная работа есть прежде всего работа организатора. И этот его вывод вытекает из верного понимания воспитания и

развития личности, из концепции воспитательного коллектива. Воспитатель, если он действительно хочет воспитывать, призван организовывать педагогически целесообразную жизнь детей, организовывать коллектив, руководить им. Для этого он должен быть хорошим организатором. Такова первая составная часть педагогического мастерства. Но этого мало.

Воспитатель — всегда учитель и наставник. Работая с детьми, он тоже вооружает их мастерством в том или ином конкретном деле, передает им свое мастерство, а это очень непросто. Причем одно дело — хорошо, мастерски выполнять какую-либо работу, и другое — уметь передать свое мастерство и сноровку другому человеку. Для этого нужно особое мастерство — мастерство наставника. Антон Семенович хорошо это понимал. Однажды, готовясь к педсовету, на котором обсуждался вопрос об организации клубной работы в коммуне имени Ф.Э.Дзержинского, он на машинке напечатал свои советы товарищам по работе, озаглавив их «Вроде методического плана клубной работы». Отрывок из этого замечательного документа включен в настоящий сборник (см. с. 97—101). Прочитав его, вы убедитесь, как непросто учить мастерству.

Но и этого мало. Любопытно, что свои советы, о которых только что шла речь, Антон Семенович заканчивает очень актуальным пожеланием: «Языком болтать надо умеренно и не больше примерно одной пятой всего времени занятий кружка» [1,67]. Какой хороший совет для не в меру говорливых педагогов! Макаренко всегда резко выступал против сведения воспитательной работы к воздействию на сознание учеников путем разного рода разъяснений и поучений, «моральных проповедей». Но это совсем не значит, что он не понимал великого значения слова учителя. Его соратники вспоминают, как страстно и убедительно умел говорить Антон Семенович, понимая, что воспитатель всегда пропагандист. И это еще одна составная часть мастерства педагога.

И, наконец, «педагогическая техника», или, как сейчас мы говорим, «мастерство педагогического стимулирования». Воспитатель должен уметь влиять на детей непосредственно. А для этого многое надо знать и уметь: надо верно оценивать ситуацию, принимать верное решение, владеть методами стимулирования, уметь потребовать, поощрить, а когда надо, и наказать, уметь увлечь перспективой и многое-многое другое, вплоть до подлинного артистизма в демонстрации своих чувств.

Таковы основные слагаемые педагогического мастерства.

А.С.Макаренко утверждал: мастерство — это то, чему можно научиться, и каждый педагог может стать большим мастером. Этот оптимистический завет педагогической молодежи несет большую гуманистическую нагрузку. Сколько изломанных педагогических судеб и несостоявшихся жизненных планов из-за того, что молодые педагоги на начальном этапе своей работы не

овладели мастерством! Можно смело сказать, что 99% всех наших неудач и просчетов на педагогическом поприще упираются в дефицит педагогического мастерства.

Совершенно ясно — из одних книг мастерства не почерпнешь. Для этого нужен упорный труд, самостоятельный поиск и сотрудничество с опытными педагогами. Но чтобы эти поиски и сотрудничество были успешными, надо знать, в каком направлении их следует развивать. В отборе верных направлений движения к мастерству книги Макаренко всегда будут добрым и незаменимым помощником молодого педагога. И никогда на этом пути не следует забывать мудрого замечания Антона Семеновича о том, что подлинный гуманизм в отношении людей, в отношении к детям состоит в том, что надо мастерски, «блистая удачей», делать свое дело.

Педагогическое творчество А.С.Макаренко — педагогика реального гуманизма. Имя его всегда будет стоять в ряду величайших педагогов-гуманистов прошлого, таких, как И.Г.Песталоцци и К.Д.Ушинский, Л.Н.Толстой и С.Т.Шацкий. И не лишне еще раз заметить: педагогический опыт каждого из них был стремлением помочь обездоленным детям. Сказано: по делам их узнаете их... На самый трудный участок педагогического фронта — на спасение беспризорных детей подвигла судьба Антона Семеновича Макаренко в годы гражданской войны и всеобщей разрухи в нашей стране. И он добился поразительных результатов.

В 1994 г. увидела свет удивительная книга «Макаренковцы (Что случилось с теми, кого воспитывал Макаренко)». Написал ее талантливый журналист Лев Алексеевич Чубаров, который много лет изучал судьбы воспитанников Антона Семеновича. Вот что он пишет: «Свыше трех тысяч детей, в том числе с изломанным детством, прошли через педагогические руки и человеческое сердце Антона Семеновича Макаренко, и ведь ни один из них не попал в тюрьму, не оказался полицаем в годы войны, не покинул Родину в трудное для нее время; нет среди них ни подлеца, ни труса, просто плохого человека.

Имею моральное право судить о том, ибо знал лично 700—800 из трех тысяч, общался с ними около сорока лет»*.

Это ли не реальный гуманизм?

Один штрих лучше всего иллюстрирует реализм макаренковского гуманизма. 1 марта 1939 г. Антон Семенович выступил с лекцией по проблемам воспитания в лектории Московского государственного университета. Начиная с 1948 г. текст этой лекции неоднократно печатался в сборнике работ педагога и в собраниях сочинений. И до последнего времени всегда стыдливо опускалась значительная часть текста, где Макаренко рассказы-

* Чубаров Л. Макаренковцы (Что случилось с теми, кого воспитывал Макаренко). — Ч. 1. — М., 1994. — С. 1.

вает, как он учил своих воспитанников... пить водку. Да-да. Именно так. Не всех, конечно, а тех, кто уже стал пьяницей. Делалось это по секрету... Впрочем, прочитайте сами этот отрывок на с.111—112 и поразмыслите над ним. Вы поймете, что из всех возможных решений в данной конкретной ситуации Макаренко выбрал единственно верное. А это и есть гуманизм.

Антон Семенович неоднократно подчеркивал, что Максим Горький был для него учителем жизни и что решающим в этом смысле стал для Макаренко горьковский оптимизм в отношении к Человеку. Макаренко писал: «Видеть хорошее в человеке всегда трудно. В живых будничных движениях людей, тем более в коллективе сколько-нибудь нездоровом, это хорошее видеть почти невозможно, оно слишком прикрыто мелкой повседневной борьбой, оно теряется в текущих конфликтах. Хорошее в человеке всегда приходится проектировать, и педагог обязан это делать. Он обязан подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже и с некоторым риском ошибиться. И вот этому умению проектировать в человеке лучшее, более сильное, более интересное нужно учиться у Горького. Особенно важно, что у Горького это умение не так просто реализуется. Горький умеет видеть в человеке положительные силы, но он никогда не умиляется перед ними, никогда не понижает своего требования к человеку и никогда не остановится перед самым суровым осуждением» [4, 13].

Макаренко всегда творил с оптимистической гипотезой. И в этом его подлинный гуманизм. «Педагогическую поэму» — вершину своего литературного творчества — он посвятил Максиму Горькому. Великий русский писатель в июле 1928 г. посетил колонию его имени. Дни, проведенные Горьким в Куряже, Антон Семенович назвал самыми счастливыми в его жизни, но в самой «Поэме» он упомянет о них очень скромно, уделив этому менее 10 строк. И тем более интересно читать о впечатлениях самого Алексея Максимовича. В очерках «По Союзу Советов» он пишет: «Кто мог столь неузнаваемо изменить, перевоспитать сотни детей, так жестоко и оскорбительно помятых жизнью? Организатором и заведующим колонией является А.С.Макаренко. Это бесспорно талантливый педагог. Колонисты действительно любят его и говорят о нем тоном такой гордости, как будто они сами создали его. Он — суровый по внешности, малословный человек лет за сорок, с большим носом, с умными и зоркими глазами, он похож на военного и на сельского учителя из «идейных». Говорит хрипло, сорванным или простуженным голосом, двигается медленно и всюду поспевает, все видит, знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, как будто делает моментальный фотографический снимок с его характера. У него, видимо, развита потребность мимоходом, незаметно, приласкать малыша, сказать каждому из них ласковое слово, погладить по стриженной голове.

На собраниях командиров, когда они деловито обсуждают ход работы в колонии, вопросы питания, указывают друг другу

на промахи в работе отрядов, на различные небрежности, ошибки, — Антон Семенович Макаренко сидит в стороне и лишь изредка вставляет в беседу два-три слова. Почти всегда это слова упрека, но он произносит их как старший товарищ. Его слушают внимательно и не стесняются спорить с ним — как с двадцать пятым товарищем, который признан двадцатью четырьмя умней, опытней, чем все они»*.

Подытоживая увиденное в Куряже и других трудовых колониях, Алексей Максимович скажет удивительно точные слова: «Заведующий Бакинской трудовой колонией, — я забыл его фамилию, — и А.С.Макаренко, организатор колонии под Харьковом, в Куряже, — все эти «ликвидаторы беспризорности» не мечтатели, не фантазеры, это, должно быть, новый тип педагогов, это люди, сгорающие в огне действенной любви к детям, а прежде всего — это люди, которые, мне кажется, хорошо сознают свою ответственность перед лицом детей. Бесчисленные трагедии нашего века, возникнув на вулканической почве непримиримых классовых противоречий, убедительно рассказывают детям историю кровавых ошибок отцов. Это должно бы возбудить у отцов чувство ответственности перед детьми; должно бы — пора!»**

Прошу прощения за обильное цитирование, но, мне кажется, оценки классика мировой литературы помогают лучше понять реальный гуманизм педагогики Макаренко.

* *
*

Рассказ о Макаренко и его творчестве был бы неполным, если не сказать о его учениках и последователях. Ведь Антон Семенович принадлежит к тем людям, жизнь которых в определенном смысле не заканчивается с их физической смертью. Их книги и дела продолжают творить добро, а ученики и соратники с еще большей энергией содействуют распространению и пропаганде новых идей. Вспомним — Макаренко при жизни не был признан как педагог и последние слова его были: «Я писатель Макаренко...» И если сегодня мы являемся свидетелями мирового признания исключительного значения его творчества в педагогике, то этим обязаны самоотверженной борьбе и упорному труду его последователей. О некоторых из них умолчать нельзя.

Семен Афанасьевич Калабалин был в числе любимых воспитанников Макаренко. Все знают его как Семена Карабанова в «Педагогической поэме». Вместе со своей женой Галиной Константиновной он всего себя отдает заботе о детях, лишенных семьи, работая в детских домах. Великолепный рассказчик, Семен Афанасьевич щедро откликался на приглашения выступить либо с публичной лекцией, либо с докладом в школах и на учи-

* Горький М. Собр.соч.: В 18 т. — Т. 11. — М., 1962. — С. 263.

** Там же. — С. 257—258.

тельских совещаниях. Многие воспитатели «пришли» к Макаренку через С.А.Калабалина.

Виктор Николаевич Терский — в «Поэме» Перский — был талантливейшим педагогом, организатором клубной работы в колонии имени Горького и коммуне имени Дзержинского. Это о нем сказал Макаренко: «Я дрожал, как бы у меня его не сманили». Он написал несколько прекрасных книг. Среди них особо выделяются «Клубные занятия и игры в практике А.С.Макаренко» (М., 1961) и написанная в соавторстве с О.С.Кель книга «Игра. Творчество. Жизнь», выпущенная издательством «Просвещение» в 1966 г. Можно смело утверждать, что в этих работах Виктора Николаевича — основы педагогики клубной работы.

И С.А.Калабалину, и В.Н.Терскому посчастливилось работать с Макаренко. Но были и другие его последователи, внесшие также значительный вклад в пропаганду и разработку его идей.

В мае 1940 г. научным сотрудником кабинета педагогики НИИ школ Наркомпроса РСФСР стал Иван Федорович Козлов, который за несколько дней до начала Великой Отечественной войны успешно защитил первую диссертацию об опыте Макаренко. Козлов стал составителем первого сборника избранных педагогических произведений Антона Семеновича. Более 10 лет трудился он над книгой «Педагогический опыт А.С.Макаренко», которая в полном объеме увидела свет только в 1987 г. —издательство «Просвещение» выпустило ее к 100-летию со дня рождения А.С.Макаренко. Эту книгу стоит прочитать каждому, кто хочет понять и осмыслить педагогическую систему педагога-гуманиста. Автор не только дает систематическое изложение теории воспитательного коллектива и методики педагогического воздействия — важнейших разделов учения Макаренко, но и на основе осмысления совокупности его идей первым в истории педагогики глубоко и верно характеризует предмет педагогики — воспитание как объективно-закономерное явление — и тем самым ставит точку в споре: может ли педагогика считаться наукой.

Особо следует сказать об Иване Андреевиче Каиروه. Он был одним из тех профессоров, кто приглашал Антона Семеновича писать учебник педагогики. Помните? В небольшой книжечке «Слово о Макаренко. К 75-летию со дня рождения», выпущенной в 1963 г., он сам рассказывает об этом. В 1946 г., став президентом Академии педагогических наук РСФСР, Иван Андреевич возглавил работу по подготовке к изданию 7-томного собрания сочинений Макаренко, вышедшего в свет в 1950—1952 гг., а затем повторно — в 1957—1958 гг. С этого момента не только художественное, но и научно-педагогическое наследие Макаренко становится доступным широкому читателю. И факт этот переоценить невозможно.

Удивительна судьба всех революционных открытий в науке. На пути ее развития они становятся своеобразным перекрестком,

миновать который в дальнейшем поступательном движении научных идей практически невозможно. Мало того, они становятся, образно говоря, мощным детонатором для взрыва новых научных идей. Так в отечественной психологии открытия И.М.Сеченова стимулировали научный подвиг И.П.Павлова, в педагогике идеи и опыт А.С.Макаренко дали толчок творчеству В.А.Сухомлинского и других видных педагогов второй половины XX века.

Говоря о последователях А.С.Макаренко, нельзя умолчать о Георгии Васильевиче Гасилове. Сотрудник Наркомпроса РСФСР, директор школы, двух детских домов, в течение 17 лет руководитель районного отдела народного образования в Москве, он, познакомившись с Макаренко в период его работы в коммуне имени Ф.Э.Дзержинского, стал неутомимым пропагандистом его опыта и идей. Георгий Васильевич написал единственную в своем роде книгу «Педагогическое мастерство наставника», изданную Профиздатом в 1985 г., положившую начало новому разделу педагогики, наставничества на производстве. Его ученики — талантливые директора московских школ Э.Г.Костяшкин, С.Э.Карпина, К.Н.Волков — стали крупными учеными, много сделали для пропаганды и развития идей Макаренко.

В 1991 г. в НИИ теории и методов воспитания была подготовлена и издана книга «Пионеры макаренковедения». Это дань памяти тем, кто первым поднял знамя борьбы за утверждение идей Антона Семеновича в отечественной педагогике. Помимо названных выше это педагоги Е.Н.Медынский, В.Е.Гмурман, Э.И.Моннозон, И.Ф.Свадковский, писатели и журналисты Ю.Б.Лукин, М.П.Павлова и многие другие. Каждому из них в книге посвящен небольшой очерк. Инициатором и главным организатором подготовки этой книги был ученик И.Ф.Козлова Лев Юльевич Гордин, много сделавший для утверждения идей Макаренко в современной педагогике. Он был составителем 2-томного и 8-томного сборников сочинений великого педагога. Уже будучи известным ученым, он пишет монографию «Поощрения и наказания в воспитании детей» (М. 1971), где обосновывает, в частности, опираясь на опыт Макаренко, парадоксальную мысль о том, что и поощрение, и наказание — не антиподы, а всего-навсего две стороны одного метода воспитания — коррекционного.

Обо всех учениках Макаренко не расскажешь в короткой статье. Ведь если сказать правду, все мы, педагоги второй половины XX века, — ученики Макаренко. Велико его влияние на развитие научно-педагогической мысли.

* * *

Несколько слов о том, как составлен этот сборник произведений А.С.Макаренко.

Создание сборника небольшого объема ставит перед составителем много сложных проблем (ведь объем опубликованного ли-

гогика, опираясь на данные всех наук о человеке и обществе, о развитии живого в природе, будет изучать воспитание и развитие личности в единстве, станет, как о том мечтал великий Ушинский, педагогической антропологией. К этому выводу ведет нас понимание воспитания — предмета педагогики, которое высветил для нас А.С.Макаренко. Теория развития личности, возрастного созревания детей непременно станет фундаментом педагогического знания, а познание объективных законов воспитания и развития личности составит истинное могущество педагогического знания. На этом пути педагогика из собрания субъективно выведенных принципов и правил воспитательной деятельности превратится в подлинную науку, изучающую и описывающую объективно-закономерные явления и факты, дающую им математически точные оценки.

Педагогика — наука опытная. Именно педагогический опыт является основным животворным источником и главным методом добывания знаний о воспитании детей и его законах, а также точным критерием истинности этих знаний. Педагогика Макаренко рождалась не «в мучительных судорогах кабинетного ума», как он сам говорил, а в самоотверженной борьбе за спасение беспризорных детей, за их лучшую жизнь. И нельзя забывать, что опыт есть единство теории и практики. Причем по мере развития и совершенствования теории ее удельный вес и значение в опыте нарастают. На этом пути научно-педагогического решения практических задач воспитания и обучения будет развиваться и становиться все более практичной педагогика XXI века.

Педагогика в своем развитии выйдет на технологический уровень. Традиционные отделы любой технологии — материаловедение и проектирование, производственные процессы и оборудование, инструментарий и техника безопасности — появятся и в педагогике в виде новых ее разделов. Так возникнет и общая теория целостного воспитательного процесса, ориентированного на руководство развитием цельной личности ребенка. Педагогика, вероятнее всего, откажется от «растаскивания» человека на части по многочисленным видам воспитания: умственного, физического, трудового, нравственного, эстетического и т.п. Откажется она и от составления «вечных», «лучших», а поэтому никогда и нигде не пригодных программ воспитания, но взамен этого даст воспитателям теорию проектирования личности на основе знания законов ее развития и при учете конкретных общественных потребностей, так называемого социального заказа.

Важнейшим отделом педагогической науки станет теория педагогического мастерства. Она предложит учителям и воспитателям богатейший арсенал педагогических средств управления процессом воспитания, вооружит их знанием педагогических ситуаций, умением их анализировать и на этой основе безошибочно выбирать нужные методы и приемы. А главное — педагогика

будет помогать педагогам технологически мыслить и действовать по логике, начала которой заложил Макаренко.

В конце 50-х годов увидела свет книга «Чувашская народная педагогика». Написал ее талантливый молодой педагог Г.Н.Волков. С тех пор прошло немало лет. Этнопедагогика сложилась в одно из мощных направлений педагогической науки. В 1993 г. академик, член Союза писателей Геннадий Никандрович Волков, выступая на конференции «Наследие А.С.Макаренко и современность», говорил: «Именно народная педагогика представляет собой по сути основное духовное ядро демократической, истинно гуманистической системы замечательного педагога-новатора. Все народы — великие педагоги, все великие педагоги — народны. Не составляет исключения и Макаренко»*. В последние годы на основе большого числа исследований педагогической культуры разных народов возникла сравнительная этнопедагогика. Несомненно, научная педагогика впитает в себя педагогическую мудрость народов разных стран и на этой основе отразит общечеловеческие педагогические ценности. В свою очередь научно-педагогические знания будут востребованы народом. Общество станет во все большей степени осознавать свою ответственность за воспитание подрастающих поколений. Педагогика войдет в число обязательных общеобразовательных дисциплин, изучаемых в средней школе и высших учебных заведениях, а педагогическая литература станет непременной принадлежностью библиотеки каждой семьи.

Люди давно заметили: когда поднимаешься в гору, линия горизонта словно отодвигается, и чем выше ты поднялся, тем дальше видишь. «Низко — так близко, а высоко — так далеко», — свидетельствует пословица. Педагогический опыт Макаренко — высочайшая вершина современной педагогики. И если мы сегодня дерзаем заглянуть в будущее педагогики, то только оттого, что стоим на плечах гиганта.

В.М.Коротов

* Тезисы Международной научно-практической конференции «Наследие А.С.Макаренко и современность» (10—12 марта 1993 г.). — М., 1993. — С. 8.

ВОСПИТАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

В сентябре 1920 года заведующий губнаробразом¹ вызвал меня к себе и сказал:

— Вот что, брат, я слышал, ты там ругаешься сильно... вот что твоей трудовой школе дали это самое... губсовнархоз...

— Да как же не ругаться? Тут не только заругаешься — взвось: какая там трудовая школа? Накурено, грязно! Разве это похоже на школу?

— Да... Для тебя бы это самое: построить новое здание, новые парты поставить, ты бы тогда занимался. Не в зданиях, брат, дело, важно нового человека воспитать, а вы, педагоги, саботируете все: здание не такое, и столы не такие. Нету у вас этого самого вот... огня, знаешь, такого — революционного. Штаны у вас навывпуск!

— У меня как раз не навывпуск.

— Ну, у тебя не навывпуск... Интеллигенты паршивые!.. Вот ишу, ишу, тут такое дело большое: босяков этих самых развелось, мальчишек — по улице пройти нельзя, и по квартирам лезят. Мне говорят: это ваше дело, наробразовское... Ну?

— А что — «ну»?

— Да вот это самое: никто не хочет, кому ни говорю — руками и ногами, зарежут, говорят. Вам бы это кабинетик, книжечки... Очки вон надел...

Я рассмеялся:

— Смотрите, уже и очки помешали!

— Я ж и говорю, вам бы все читать, а если вам живого человека дают, так вы, это самое, зарежет меня живой человек. Интеллигенты!

Завгубнаробразом сердито покалывал меня маленькими черными глазами и из-под нищевских усов изрыгал хулу на всю нашу педагогическую братию. Но ведь он был неправ, этот завгубнаробразом.

— Вот послушайте меня...

— Ну, что «послушайте», что «послушайте»? Ну, что ты можешь такого сказать? Скажешь: вот если бы это самое... как в Америке! Я недавно по этому случаю книжонку прочитал, —

подсунули. Реформаторы... или как там, стой!.. Ага! Реформаториумы. Ну, так этого у нас еще нет.

— Нет, вы послушайте меня.

— Ну, слушаю.

— Ведь и до революции с этими босяками справлялись. Были колонии малолетних преступников...

— Это не то, знаешь... До революции — это не то.

— Правильно. Значит, нужно нового человека по-новому делать.

— По-новому, это ты верно.

— А никто не знает — как.

— И ты не знаешь?

— И я не знаю.

— А вот у меня это самое... есть такие в губнаробразе, которые знают...

— А за дело браться не хотят.

— Не хотят, сволочи, это ты верно.

— А если я возьмусь, так они меня со света сживут. Что бы я ни сделал, они скажут: не так.

— Скажут стервы, это ты верно.

— А вы им поверите, а не мне.

— Не поверю им, скажу: было б самим браться!

— Ну а если я и в самом деле напутаю?

Завгубнаробразом стукнул кулаком по столу:

— Да что ты мне: напутаю, напутаю!.. Ну, и напутаешь. Чего ты от меня хочешь? Что я, не понимаю, что ли? Путаю, а нужно дело делать. Там будет видно. Самое главное, это самое... не какая-нибудь там колония малолетних преступников, а, понимаешь, социальное воспитание... Нам нужен такой человек вот... наш человек! Ты его сделай. Все равно, всем учиться нужно. И ты будешь учиться. Это хорошо, что ты в глаза сказал: не знаю. Ну и хорошо.

NB *А.С.Макаренко — идеолог гуманистического образования. Он выступил инициатором в деле создания гуманной образовательной среды вокруг каждого ребенка, уделяя при этом особое внимание социальному воспитанию и социальной адаптации личности.*

Человек должен быть счастливым, а потому необходимо каждому воспитаннику создать особые условия для раскрытия своих возможностей и способностей. И в первую очередь его волновала та молодежь, которая лишена дома, семьи, попечительства. Правильно организованное социальное воспитание — один из путей решения проблемы детской преступности без изоляции трудных подростков в колонии и другие аналогичные заведения. Макаренко утверждал, что воспитывает сама жизнь, реальная жизнь каждого ребенка. Поэтому налаживание жизни ребенка — важнейший элемент воспитания личности.

Сейчас, в период реформирования школы, важно вернуться к идеям Антона Семеновича о значимости социального воспитания личности. Подготовка ребенка к жизни в соответствии с непростыми требованиями

данного периода — важнейшая воспитательная функция образовательных учреждений накануне XXI века.

В школах Москвы уже стали появляться социальные педагоги, однако заметного влияния на воспитание подрастающего поколения они пока еще не оказали.

— А место есть? Здания все-таки нужны.

— Есть, брат. Шикарное место. Как раз там и была колония малолетних преступников. Недалеко — верст шесть. Хорошо там: лес, поле, коров разведешь...

— А люди?

— А людей я тебе сейчас из кармана выну. Может, тебе еще и автомобиль дать?

— Деньги?..

— Деньги есть. Вот получи.

Он из ящика стола достал пачку.

— Сто пятьдесят миллионов. Это тебе на всякую организацию. Ремонт там, мебелишка какая нужна...

— И на коров?

— С коровами подождешь, там стекол нет. А на год смету составишь.

— Неловко так, посмотреть бы не мешало раньше.

— Я уже смотрел... что ж, ты лучше меня увидишь? Поезжай — и все.

— Ну, добре, — сказал я с облегчением, потому что в тот момент ничего страшнее комнат губсовнархоза для меня не было.

— Вот это молодец! — сказал завгубнаобразом. — Действуй! Дело святое!

(3, 8—9)

* * *

В то время нужно было иметь много педагогического мужества, нужно было идти на «кошунство», чтобы решиться на исповедование такого догмата:

— Общее движение хозяйственной массы, снабженное постоянным зарядом напряжения и работы, если это движение вызы-

ВВ А.С.Макаренко был убежден, что результаты воспитательной работы напрямую зависят от разумной организации жизни детей. Его воспитанники сполна испили горькую чашу беспризорности, некоторые из них успели встать на путь уголовных преступлений. Надо было наладить для каждого нормальную жизнь, а именно учебу, труд, досуг. При этом особая роль в воспитании детей отводилась коллективу. Он сам, его педагоги и воспитатели самоотверженно труди-

лись над созданием нравственно здорового коллектива, который в свою очередь мог бы положительно влиять на каждую отдельную личность. Это — философия А.С.Макаренко, в этом его гуманизм и духовная нравственность.

С высоты сегодняшнего дня мы видим, насколько актуальны эти проблемы для подрастающего поколения. Организация учебной и трудовой деятельности школьников и особенно планирование их свободного времени — важнейшие задачи, которые стоят перед каждым педагогическим коллективом. В решении этих вопросов роль школьного и классного коллективов очень важна; их влияние на становление личности существенно. Но вместе с тем они должны решаться через совместную деятельность школы, семьи, общественности и других социальных институтов.

Оказалось, впрочем, что и это не легко: аппетит приходит с едой, и настоящие затруднения начались у нас тогда, когда схема была найдена, а остались детали.

В то самое время, когда мы мучительно искали истину и когда мы уже видели первые взмахи нового здорового хозяина-колонииста, худосочный инспектор из наробраза ослепшими от чтения глазами водил по блокноту и, заикаясь, спрашивал колониистов:

— А вам объясняли, как нужно поступать?

И в ответ на молчание смущенных колониистов что-то радостно черкнул в блокноте. И через неделю прислал нам свое беспристрастное заключение: «Воспитанники работают хорошо и интересуются колонией. К сожалению, администрация колонии, уделяя много внимания хозяйству, педагогической работой мало занимается. Воспитательная работа среди воспитанников не ведется».

Ведь это теперь я могу так спокойно вспоминать худосочного инспектора. А тогда приведенное заключение меня очень смутило. А в самом деле, а вдруг я ударился в ложную сторону. Может быть, действительно нужно заняться «воспитательной» работой, то есть без конца и устали толковать каждому воспитаннику, «как нужно поступать». Ведь если это делать настойчиво и регулярно, то, может быть, до чего-нибудь и дотолкуешься.

Мое смущение поддерживалось еще и постоянными неудачами и срывами в нашем коллективе.

Я снова приступал к раздумью, к пристальным тончайшим наблюдениям, к анализу.

Жизнь нашей колонии представляла очень сложное переплетение двух стихий: с одной стороны, по мере того как развивалась колония и вырастал коллектив колониистов, рождались и росли новые общественно-производственные мотивации, постепенно сквозь старую и привычную для нас физиономию урки и анархиста-беспризорного начинало проглядывать новое лицо будущего хозяина жизни; с другой стороны, мы всегда принимали новых людей, иногда чрезвычайно гнилых... Они важны были для нас не только как новый материал, но и как представители

новых влияний, иногда мимолетных, слабых, иногда, напротив, очень мощных и заразительных. Благодаря этому нам часто приходилось переживать явления регресса и рецидива среди «образованных», казалось, колонистов.

Очень нередко эти пагубные влияния захватывали целую группу колонистов, чаще же бывало, что в линию развития того или другого мальчика — линию правильную и желательную — со стороны новых влияний вносились некоторые поправки. Основная линия продолжала свое развитие в прежнем направлении, но она уже не шла четко и спокойно, а все время колебалась и обращалась в сложную ломаную.

Нужно было иметь много терпения и оптимистической перспективы, чтобы продолжать верить в успех найденной схемы, и не падать духом, и не сворачивать в сторону.

Дело еще и в том, что в новой революционной обстановке мы тем не менее находились под постоянным давлением старых, привычных выражений так называемого общественного мнения.

И в наробразе, и в городе, и в самой колонии общие разговоры о коллективе и коллективном воспитании позволяли в частном случае забывать именно о коллективе. На проступок отдельной личности набрасывались как на совершенно уединенное и прежде всего индивидуальное явление, встречали этот проступок либо в колорите полной истерики, либо в стиле рождественского мальчика.

(3, 456)

* * *

«Основной конфликт» — отсутствие времени — наиболее распространенная отговорка родителей-неудачников. Защищенные от ответственности «основным конфликтом», они рисуют в своем воображении целительные разговоры с детьми. Картина благодатная: родитель говорит, а ребенок слушает. Говорить речи и поучения собственным детям — задача невероятно трудная. Чтобы такая речь произвела полезное воспитательное действие, требуется счастливое стечение многих обстоятельств. Надо, прежде всего, чтобы вами выбрана была интересная тема, затем необходимо, чтобы ваша речь отличалась изобразительностью, сопровождалась хорошей мимикой; кроме того, нужно, чтобы ребенок отличался терпением.

С другой стороны, представьте себе, что ваша речь понравилась ребенку. На первый взгляд может показаться, что это хорошо, но на практике иной родитель в таком случае взбеленится. Что это за педагогическая речь, которая имеет целью детскую радость? Хорошо известно, что для радости есть много других путей; «педагогические» речи, напротив, имеют целью огорчить слушателя, допечь его, довести до слез, до нравственного изнеможения.

Дорогие родители!

Не подумайте, пожалуйста, что всякая беседа с ребенком не имеет смысла. Мы предостерегаем вас только от чрезмерных надежд на разговоры.

Как раз те родители, которые плохо воспитывают своих детей, и вообще те люди, которые отличаются полным отсутствием педагогического такта, — все они слишком преувеличивают значение педагогических бесед.

Воспитательную работу они рисуют себе так: воспитатель помещается в некоторой субъективной точке. На расстоянии трех метров находится точка объективная, в которой укрепляется ребенок. Воспитатель действует голосовыми связками, ребенок воспринимает слуховым аппаратом соответствующие волны. Волны через барабанную перепонку проникают в душу ребенка и в ней укладываются в виде особой педагогической соли.

Иногда эта позиция прямого противостояния субъекта и объекта несколько разнообразится, но расстояние в три метра остается прежним. Ребенок как будто на привязи, кружит вокруг воспитателя и все время подвергается либо действию голосовых связок, либо другим видам непосредственного влияния. Иногда ребенок срывается с привязи и через некоторое время обнаруживается в самой ужасной клоаке жизни. В таком случае воспитатель, отец или мать, протестует дрожащим голосом:

— ОтбилсЯ от рук! Целый день на улице! Мальчишки! Вы знаете, какие у нас во дворе мальчишки? А кто знает, что они там делают? Там и беспризорные бывают, наверное...

И голос, и глаза оратора просят: поймите моего сына, освободите его от уличных мальчишек, посадите его снова на педагогическую веревку, позвольте мне продолжать воспитание.

Для такого воспитания, конечно, требуется свободное время, и, конечно, это будет время загубленное. Система бонн и гувернеров, постоянных надсмотрщиков и зудельщиков давно провалилась, не создав в истории ни одной яркой личности. Лучшие, живые дети всегда вырывались из этой системы.

Советский человек не может быть воспитан непосредственным влиянием одной личности, какими бы качествами эта личность ни обладала. Воспитание есть процесс социальный в самом

ВВ *Высказывание А.С.Макаренко стало крылатым. Об этом постоянно должны помнить все, кто имеет дело с детьми. В воспитании нет мелочей. Важно поведение окружающих людей, их манера держаться, культура речи, важно даже, как они одеты и причесаны.*

широком смысле. Воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и больше всего — люди. Из них на первом месте — родители и педагоги. Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка.

Не менее важно влияние окружающей среды, состояние и оформление школы, школьного участка, классных комнат, жилья, улицы, двора. Но, несомненно, на первом месте — люди и особенно самые близкие — родители и педагоги. Это они должны обеспечить процесс систематического и целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие личности в целях подготовки ее к жизни, к общественно полезной деятельности.

Антон Семенович подчеркивал мысль, что ребенок на различных этапах своего становления входит в бесконечное число отношений, которые вносят определенные изменения в развитие его личности. Задача воспитателя — руководить и влиять на эти контакты и через индивидуальную работу, и через коллектив, и через личный пример.

Очень важен еще один аспект воспитательного процесса — его теснейшая связь с обучением и развитием детей и подростков. Педагоги и родители должны постоянно формировать у детей потребность к получению знаний, развивать их любознательность, творчество. Только единство воспитания, обучения и развития поможет сформировать разносторонне развитого, нравственного и воспитанного человека.

Весь этот «хаос» не поддается как будто никакому учету, тем не менее он создает в каждый данный момент определенные изменения в личности ребенка. Направить это развитие и руководить им — задача воспитателя.

Бессмысленна и безнадежна попытка некоторых родителей извлечь ребенка из-под влияния жизни и подменить социальное воспитание индивидуальной домашней дрессировкой. Все равно это окончится неудачей: либо ребенок вырвется из домашнего застенка, либо вы воспитаете урод.

(5, 13—14)

* * *

*

Воспитание детей — самая важная область нашей жизни. Наши дети — это будущие граждане нашей страны и граждане мира. Они будут творить историю. Наши дети — это будущие отцы

NB *Сегодня проблема воспитания ребенка в семье очень актуальна. Часто старшее и младшее поколения не понимают друг друга, разрушаются разновозрастные общности детей и взрослых. Дети предпочитают проводить свободное время в кругу друзей, на улице. Родители слишком заняты и не находят времени для общения со своими детьми.*

и матери, они тоже будут воспитателями своих детей. Наши дети должны вырасти прекрасными гражданами, хорошими отцами и матерями. Но и это не все: наши дети — это наша старость. Правильное воспитание — это наша счастливая старость, плохое воспитание — это наше будущее горе, это наши слезы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной.

Дорогие родители, прежде всего вы всегда должны помнить о великой важности этого дела, о вашей большой ответственности за него...

В одной московской школе социологи провели интересные исследования по данному вопросу. Выяснилось, что в среднем родители общаются со своими детьми 20—25 мин в день. Приходя вечером с работы, отец и мать ограничиваются следующими вопросами, обращенными к детям:

— Как дела в школе?

— Что вы сегодня ели?

— Были ли вы сегодня... (далее идет перечень различных образовательных внешкольных учреждений. Например: на курсах, на секции, в клубе и т.д.).

Дети же чаще всего обращаются к родителям только с просьбами (мама, мне нужно...).

Как важно сейчас еще и еще раз вернуться к наследию А.С.Макаренко.

Его педагогическая теория воспитания ребенка в семье содержит многообразие форм общения и воздействия на своих детей. Главное, на что обращал внимание Антон Семенович — личный пример родителей, а именно поведение отца и матери дома, на работе, в обществе. Очень важно, как родители общаются с другими людьми, с друзьями и даже с недругами, как относятся друг к другу.

Понимание важности семьи в деле формирования и становления личности отразилось в законе «Об образовании», где зафиксирована новая форма обучения и воспитания — семейная форма образования. Однако она не получила еще в Москве широкого распространения. И даже в том случае, если родители перевели своих детей на семейное обучение, осуществляется оно силами приглашенных педагогов или школьных учителей, а роль самих родителей не просматривается.

Особое место в семейном воспитании А.С.Макаренко отводил влиянию одних детей на других, подробно анализируя роль старших и младших братьев и сестер. Сегодня семьи в основном малодетные, чаще всего в семье растет один ребенок. Отсутствие братьев и сестер зачастую компенсируется школьным коллективом. Опять встает проблема формирования ребенка в коллективе и роль коллектива в его становлении, причем и сегодня велика роль одноклассников, особенно старшеклассников, в воспитании детей и подростков.

Прежде всего обращаем ваше внимание на следующее: воспитать ребенка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитывать. Правильное воспитание с самого раннего детства — это вовсе не такое трудное дело, как многим кажется. По своей трудности это дело по силам каждому человеку, каждому отцу и каждой матери. Хорошо воспитать своего ребенка легко может каждый человек, если только он этого действительно захочет, а кроме того, это дело приятное, радостное, счастливое. Совсем другое — перевоспитание. Если ваш ребенок воспитывался неправильно, если вы что-то прозевали, мало о нем думали, а то, бывает, и поленились, запустили ребенка, тогда уже нужно многое переделывать, поправлять. И вот эта работа поправки, работа перевоспитания — уже не такое легкое дело. Перевоспитание требует и больше сил, и больше знаний, больше терпения, а не у каждого родителя все это найдется. Очень часто бывают такие случаи, когда семья уже никак не может справиться с трудностями

ми перевоспитания и приходится отправлять сына или дочку в трудовую колонию. А бывает и так, что и колония ничего подделать не может и выходит в жизнь человек не совсем правильным. Возьмем даже такой случай, когда переделка помогла, вышел человек в жизнь и работает. Все смотрят на него, и все довольны, и родители в том числе. Но того никто не хочет подсчитать, сколько все-таки потеряли. Если бы этого человека с самого начала правильно воспитывали, он больше взял бы от жизни, он вышел бы в жизнь еще более сильным, более подготовленным, а значит, и более счастливым. А кроме того, работа перевоспитания, переделки — это работа не только более трудная, но и горестная. Такая работа, даже при полном успехе, причиняет родителям постоянные огорчения, изнашивает нервы, часто портит родительский характер.

Советуем родителям всегда помнить об этом, всегда стараться воспитывать так, чтобы ничего потом не пришлось переделывать, чтобы с самого начала все было сделано правильно.

...Каждый должен понимать, что в семье он не полный, бесконтрольный хозяин, а только старший, ответственный член коллектива. Если эта мысль хорошо будет понята, то правильно пойдет и вся воспитательная работа.

Мы знаем, что эта работа не у всех одинаково успешно протекает. Это зависит от многих причин, и прежде всего от применения правильных методов воспитания. Но очень важной причиной является и самое устройство семьи, ее структура. В известной мере эта структура находится в нашей власти. Можно, например, решительно утверждать, что воспитание единственного сына или единственной дочери гораздо более трудное дело, чем воспитание нескольких детей. Даже в том случае, если семья испытывает некоторые материальные затруднения, нельзя ограничиваться одним ребенком. Единственный ребенок очень скоро становится центром семьи. Заботы отца и матери, сосредоточенные на этом ребенке, обыкновенно превышают полезную норму. Любовь родительская в таком случае отличается известной нервозностью. Болезнь этого ребенка или его смерть переносится такой семьей очень тяжело, и страх такого несчастья всегда стоит перед родителями и лишает их необходимого спокойствия. Очень часто единственный ребенок привыкает к своему исключительному положению и становится настоящим деспотом в семье. Для родителей очень трудно бывает затормозить свою любовь к нему и свои заботы, и волей-неволей они воспитывают эгоиста.

Только в семье, где есть несколько детей, родительская забота может иметь нормальный характер. Она равномерно распределяется между всеми. В большой семье ребенок привыкает с самых малых лет к коллективу, приобретает опыт взаимной связи. Если в семье есть старшие и младшие дети, между ними устанавливается опыт любви и дружбы в самых разнообразных формах.

Жизнь такой семьи предоставляет ребенку возможность упражняться в различных видах человеческих отношений. Перед ним проходят такие жизненные задачи, которые единственному ребенку недоступны: любовь к старшему брату и любовь к младшему брату — это совершенно различные чувства, умение поделиться с братом или сестрой, привычка посочувствовать им. Мы уже не говорим, что в большой семье на каждом шагу, даже в игре, ребенок привыкает быть в коллективе. Все это очень важно именно для советского воспитания. В буржуазной семье этот вопрос не имеет такого значения, так как там все общество построено на эгоистическом принципе.

Бывают и другие случая неполной семьи. Очень болезненно отражается на воспитании ребенка, если родители не живут вместе, если они разошлись. Часто дети становятся предметом распри между родителями, которые открыто друг друга ненавидят и не скрывают этого от детей.

Необходимо рекомендовать тем родителям, которые почему-либо оставляют один другого, чтобы в своей ссоре, в своем расхождении они больше думали о детях. Какие угодно несогласия можно разрешить более деликатно, можно скрыть от детей и свою неприязнь, и свою ненависть к бывшему супругу. Трудно, разумеется, мужу, оставившему семью, как-нибудь продолжать воспитание детей. И если он не может благотворно влиять на свою старую семью, то лучше постараться, чтобы она совсем его забыла, это будет более честно. Хотя, разумеется, свои материальные обязательства по отношению к покинутым детям он должен нести по-прежнему.

Вопрос о структуре семьи — вопрос очень важный, и к нему нужно относиться вполне сознательно.

Если родители по-настоящему любят своих детей и хотят их воспитать как можно лучше, они будут стараться и свои взаимные несогласия не доводить до разрыва и тем не ставить детей в самое трудное положение.

Следующий вопрос, на который нужно обратить самое серьезное внимание, — это вопрос о цели воспитания. В некоторых семьях можно наблюдать полное бездумье в этом вопросе: просто живут рядом родители и дети, и родители надеются на то, что все само собой получится. У родителей нет ни ясной цели, ни определенной программы. Конечно, в таком случае и результаты будут всегда случайны, и часто такие родители потом удивляются, почему это у них выросли плохие дети. Никакое дело нельзя хорошо сделать, если неизвестно, чего хотят достигнуть.

Каждый отец и каждая мать должны хорошо знать, что они хотят воспитать в своем ребенке. Надо отдавать себе ясный отчет относительно своих собственных родительских желаний. Хотите ли вы воспитать настоящего гражданина Советской страны, человека знающего, энергичного, честного, преданного своему на-

роду, делу революции, трудолюбивого, бодрого и вежливого? Или вы хотите, чтобы из вашего ребенка вышел мещанин, жадный, трусливый, какой-нибудь хитренький и мелкий делец? Дайте себе труд, подумайте хорошо над этим вопросом, подумайте хотя бы втайне, и вы сразу увидите и много сделанных вами ошибок, и много правильных путей впереди.

И при этом всегда вы должны помнить: вы родили и воспитываете сына или дочь не только для вашей родительской радости. В вашей семье и под вашим руководством растет будущий гражданин, будущий деятель и будущий борец. Если вы напутаете, воспитаете плохого человека, горе от этого будет не только вам, но и многим людям, и всей стране. Не отмахивайтесь от этого вопроса, не считайте его надоедливым резонерством. Ведь на вашем заводе, в вашем учреждении вы стыдитесь выпускать брак вместо хорошей продукции. Еще более стыдно должно быть для вас давать обществу плохих или вредных людей.

Этот вопрос имеет очень важное значение. Стоит только вам серьезно над ним задуматься, и многие беседы о воспитании станут для вас лишними, вы и сами увидите, что вам нужно делать. А как раз многие родители не думают над таким вопросом. Они любят своих детей; они наслаждаются их обществом, они даже хвастаются ими, наряжают их и совершенно забывают о том, что на их моральной ответственности лежит рост будущего гражданина.

Может ли задуматься над всем этим такой отец, который сам является плохим гражданином, который совершенно не интересуется ни жизнью страны, ни ее борьбой, ни ее успехами, которого не тревожат вражеские вылазки? Конечно, не может. Но о таких людях и говорить не стоит, их немного в нашей стране...

Но есть иные люди. Они на работе и среди людей чувствуют себя гражданами, а домашние дела проходят независимо от этого: дома они или просто помалкивают, или, напротив, ведут себя так, как не должен вести себя советский гражданин. Раньше, чем вы начнете воспитывать своих детей, проверьте ваше собственное поведение.

Нельзя отделить семейные дела от дел общественных. Ваша активность в обществе или на работе должна иметь отражение и в семье, семья ваша должна видеть ваше политическое и гражданское лицо и не отделять его от лица родителя. Все, что совершается в стране, через вашу душу и вашу мысль должно приходиться к детям. То, что совершается на вашем заводе, что радует или печалит вас, должно интересоваться и ваших детей. Они должны знать, что вы — общественный деятель, и гордиться вами, вашими успехами, вашими заслугами перед обществом. И только в том случае эта гордость будет здоровой гордостью, если ее общественная сущность детям понятна, если они не гордятся просто вашим хорошим костюмом, вашим автомобилем или охотничьим ружьем.

Ваше собственное поведение — самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету — все это имеет для ребенка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы, или хвастливы, или пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей, и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут.

Родительское требование к себе, родительское уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом — вот первый и самый главный метод воспитания!

А между тем приходится иногда встречать таких родителей, которые считают, что нужно найти какой-то хитрейший рецепт воспитания детей, и дело будет сделано. По их мнению, если этот рецепт дать в руки самому заядлому лежебоке, он при помощи рецепта воспитает трудолюбивого человека; если его дать мошеннику, рецепт поможет воспитать честного гражданина; в руках вора он тоже сделает чудо, и ребенок вырастет правдивым.

Таких чудес не бывает. Никакие рецепты не помогут, если в самой личности воспитателя есть большие недостатки. На эти недостатки и нужно обратить первое внимание. А что касается фокусов, то нужно раз навсегда помнить, что педагогических фокусов просто не существует. К сожалению, иногда можно видеть таких людей, верящих в фокусы. Тот придумает особое наказание, другой вводит какие-нибудь премии, третий всеми силами старается паясничать дома и развлекать детей, четвертый подкупает обещаниями.

Воспитание детей требует самого серьезного тона, самого простого и искреннего. В этих трех качествах должна заключаться предельная правда вашей жизни. Самое незначительное приращение лживости, искусственности, зубоскальства, легкомыслия делает воспитательную работу обреченной на неудачу. Это вовсе не значит, что вы должны быть всегда надуты, напыщенны, — будьте просто искренни, пусть ваше настроение соответствует моменту и сущности происходящего в вашей семье.

Фокусы мешают людям видеть настоящие задачи, стоящие перед ними, фокусы в первую очередь забавляют самих родителей, фокусы отнимают время.

А многие родители так любят жаловаться на недостаток времени!

Конечно, лучше, если родители чаще бывают с детьми, очень нехорошо, если родители никогда их не видят. Но все же необходимо сказать, что правильное воспитание вовсе не требует, чтобы родители не спускали с детей глаз. Такое воспитание может принести только вред. Оно развивает пассивность характера, такие дети слишком привыкают к обществу взрослых, и духовный рост их идет слишком быстро. Родители любят этим похвастаться, но потом убеждаются, что допустили ошибку.

Вы должны хорошо знать, что делает, где находится, кем окружен ваш ребенок, но вы должны предоставить ему необходимую свободу, чтобы он находился не только под вашим личным влиянием, а под многими разнообразными влияниями жизни. Не думайте при этом, что вы должны трусливо отгораживать его от влияний отрицательных или даже враждебных. Ведь в жизни все равно ему придется столкнуться с различными социальными, с чуждыми и вредными людьми и обстоятельствами. Вы должны выработать у него умение разбираться в них, бороться с ними, узнавать их своевременно. В парниковом воспитании, в изолированном высиживании нельзя этого выработать. Поэтому, совершенно естественно, вы должны допустить самое разнообразное окружение ваших детей, но никогда не теряйте их из виду.

Детям необходимо вовремя помочь, вовремя остановить их, направить. Таким образом, от вас требуется только постоянный корректив к жизни ребенка, но все не то, что называется вождением за руку. В свое время мы коснемся подробнее этого вопроса, сейчас же мы остановились на нем только потому, что зашел разговор о времени. Для воспитания нужно не большое время, а разумное использование малого времени. И еще раз повторяем: воспитание происходит всегда, даже тогда, когда вас нет дома.

Истинная сущность воспитательной работы — вероятно, вы и сами уже догадались об этом — заключается вовсе не в ваших разговорах с ребенком, не в прямом воздействии на ребенка, а в организации вашей семьи, вашей личной и общественной жизни и в организации жизни ребенка. Воспитательная работа есть прежде всего работа организатора. В этом деле поэтому нет мелочей. Вы не имеете права ничего назвать мелочью и забыть о ней. Страшной ошибкой будет думать, что в вашей жизни или в жизни вашего ребенка вы что-нибудь выделите крупное и уделите этому крупному все ваше внимание, а все остальное отбросите в сторону. В воспитательной работе нет пустяков. Какой-нибудь бант, который вы завязываете в волосах девочки, та или иная шапочка, какая-нибудь игрушка — все это такие вещи, которые могут иметь в жизни ребенка самое большое значение. Хорошая организация в том и заключается, что она не выпускает из виду мельчайших подробностей и случаев. Мелочи действуют регулярно, ежедневно, ежечасно, из них и складывается жизнь. Ру-

ководить этой жизнью, организовать ее и будет самой ответственной вашей задачей.

(4, 59—65)

* * *

*

Мужество! Попробуйте серьезно, искренне, горячо задаться целью воспитать мужественного человека. Ведь в таком случае уже нельзя будет ограничиться душеспасительными разговорами. Нельзя будет закрыть форточки, обложить ребенка ватой и рассказывать ему о подвиге Папанина. Нельзя будет потому, что результат для вашей чуткой совести в этом случае ясен: вы воспитываете циничного наблюдателя, для которого чужой подвиг — только объект для глаzenia, развлекательный момент.

Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество, — все равно в чем: в сдержанности, в прямом открытом слове, в некотором лишении, в терпеливости, в смелости.

(4, 319)

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

В В новой реальности педагогического плюрализма теория А.С.Макаренко о педагогической логике, а точнее о технологической логике в педагогике, начинает звучать все актуальнее и актуальнее. Появившиеся в настоящий период реформирования образования в России нетрадиционные системы, новые виды образовательных учреждений, альтернативные школы провозгласили основной ценностью развитие личности в процессе обучения и воспитания с учетом ее способностей, возможностей и интересов. В такой педагогической философии ученик из объекта педагогического процесса превращается в его субъект. Учащиеся не только могут, но и должны влиять на содержание обучения, на пути его осуществления. Поэтому образовательные программы учреждений, учебные планы должны разрабатываться с учетом мнений и пожеланий не только педагогов, родителей и общественности, но также с учетом пожеланий самих учеников. Школа любого вида должна реализовывать заказ на образовательные услуги с учетом пожеланий всех заинтересованных лиц.

Все это вместе взятое заставляет педагогические коллективы менять методы организации образовательного процесса, разрабатывать и вводить новые методики и педагогические технологии.

Реализация принципов индивидуализации, дифференциации, разноуровневости, преемственности и профилизации привела к внедрению таких педагогических технологических теорий, как уровневая дифференциация, блочно-модульный принцип обучения и воспитания, проектное обучение и другие. Особое место среди новых технологий занимают информационные технологии, позволяющие вывести систему образования на принципиально новый уровень.

Но при этом нельзя забывать об универсальных методах и технологиях обучения, основанных на отечественных и национальных традициях российской системы образования.

Идея педагогических технологий А.С.Макаренко и совершенствования на их основе форм коллективной, групповой и индивидуальной работы ак-

туальна сегодня. В теории педагогической логики он утверждал, что формы и методы работы с детьми, методика и технологии не являются раз и навсегда зафиксированными и постоянными. Одно и то же средство может иметь для отдельных детей и детских коллективов и положительный и отрицательный эффект. Поэтому очень важно соотносить выбираемые технологии обучения и воспитания с особенностями ученика или ученического коллектива, с условиями, обеспечивающими педагогический процесс, и особенно с возможностями и уровнем профессиональной подготовки самих учителей и воспитателей, с их морально-нравственными и человеческими качествами.

Используя ту или иную педагогическую технологию, педагог должен понимать цели ее применения и прогнозировать результат. Поэтому любая технология, любая методика обучения и воспитания должны быть целесообразными и прогнозируемыми.

Среди новых терминов в педагогической теории Макаренко есть и такие, которые мы используем сегодня. Среди них «педагогическое мастерство», «стиль жизни коллектива», «ближняя, средняя и дальняя перспективы». За каждым этим термином стоит философия педагогической логики А.С.Макаренко.

«Новые педагогические находки можно вывести только из опыта», — утверждал Антон Семенович. Поэтому практическая работа, эксперимент, инновационные процессы — залог новых открытий в педагогике накануне XXI века.

Ян Амос Коменский еще в XVII веке утверждал, что нужно отыскать способ, с помощью которого «учителя меньше бы учили, а ученики при этом научились бы большему» и чтобы в школах ученик не испытывал страха и унижения, напротив, «там должен быть покой и удовлетворенность успехами». Как это созвучно с педагогической логикой А.С.Макаренко и как необходимо сегодня, когда во главу угла поставлены принципы гуманизации образования!

На небесах и поближе к ним, на вершинах педагогического «Олимпа», всякая педагогическая техника в области собственно воспитания считалась ересью.

На «небесах» ребенок рассматривался как существо, наполненное особого состава газом, название которому даже не успели придумать. Впрочем, это была все та же старомодная душа, над которой упражнялись еще апостолы. Предлагалось (рабочая гипотеза), что газ этот обладает способностью саморазвития, не нужно только ему мешать. Об этом было написано много книг, но все они повторяли, в сущности, изречения Руссо:

«Относитесь к детству с благоговением...»

«Бойтесь помешать природе...».

Главный догмат этого вероучения состоял в том, что в условиях такого благоговения и предупредительности перед природой из вышеуказанного газа обязательно должна вырасти коммунистическая личность. На самом деле в условиях чистой природы вырастало только то, что естественно могло вырасти, то есть обыкновенный полевой бурьян, но это никого не смущало — для небожителей были дороги принципы и идеи. Мои указа-

ния на практическое несоответствие получаемого бурьяна заданным проектам коммунистической личности называли делячеством, а если хотели подчеркнуть мою настоящую сущность, говорили:

— Макаренко — хороший практик, но в теории он разбирается очень слабо.

Были разговоры и о дисциплине. Базой теории в этом вопросе были два слова, часто встречающиеся у Ленина: «сознательная дисциплина». Для всякого здравомыслящего человека в этих словах заключается простая, понятная и практически необходимая мысль: дисциплина должна сопровождаться пониманием ее необходимости, полезности, обязательности, ее классового значения. В педагогической теории это выходило иначе: дисциплина должна вырастать не из социального опыта, не из практического товарищеского коллективного действия, а из чистого сознания, из голой интеллектуальной убежденности, из пара души, из идей. Потом теоретики пошли дальше и решили, что «сознательная дисциплина» никуда не годится, если она возникает вследствие влияния старших. Это уже не дисциплина по-настоящему сознательная, а натаскивание и, в сущности, насилие над паром души. Нужна не сознательная дисциплина, а «самодисциплина». Точно так же не нужна и опасна какая бы то ни было организация детей, а необходима «самоорганизация».

Возвращаясь в свое захолустье, я начинал думать. Я соображал так: мы все прекрасно знаем, какого нам следует воспитать человека, это знает каждый грамотный сознательный рабочий и хорошо знает каждый член партии. Следовательно, затруднения не в вопросе, что нужно сделать, но как сделать. А это вопрос педагогической техники. Технику можно вывести только из опыта. Законы резания металлов не могли бы быть найдены, если бы в опыте человечества никто никогда металлов не резал. Только тогда, когда есть технический опыт, возможны изобретение, усовершенствование, отбор и браковка.

Наше педагогическое производство никогда не строилось по технологической логике, а всегда по логике моральной проповеди. Это особенно заметно в области собственного воспитания, в школьной работе как-то легче.

Именно потому у нас просто отсутствуют все важные отделы производства: технологический процесс, учет операций, конструкторская работа, применение кондукторов и приспособлений, нормирование, контроль, допуски и браковка.

Когда подобные слова я несмело произносил у подошвы «Олимпа», боги швыряли в меня кирпичами и кричали, что это механистическая теория.

А я чем больше думал, тем больше находил сходства между процессами воспитания и обычными процессами на материальном производстве, и никакой особенно страшной механистичности в этом сходстве не было. Человеческая личность в

моем представлении продолжала оставаться человеческой личностью со всей ее сложностью, богатством и красотой, но мне казалось, что именно потому к ней нужно подходить с более точными измерителями, с большей ответственностью и с большей наукой, а не в порядке простого темного кликушества. Очень глубокая аналогия между производством и воспитанием не только не оскорбляла моего представления о человеке, но, напротив, заражала меня особенным уважением к нему, потому что нельзя относиться без уважения и к хорошей сложной машине.

Во всяком случае для меня было ясно, что очень многие детали в человеческой личности и в человеческом поведении можно было сделать на прессах, просто штамповать в стандартном порядке, но для этого нужна особенно тонкая работа самих штампов, требующих скрупулезной осторожности и точности. Другие детали требовали, напротив, индивидуальной обработки в руках высококвалифицированного мастера, человека с золотыми руками и острым глазом. Для многих деталей необходимы были сложные специальные приспособления, требующие большой изобретательности и полета человеческого гения. А для всех деталей и для всей работы воспитателя нужна особая наука. Почему в технических вузах мы изучаем сопротивление материалов, а в педагогических не изучаем сопротивление личности, когда ее начинают воспитывать? А ведь для всех не секрет, что такое сопротивление имеет место. Почему, наконец, у нас нет отдела контроля, который мог бы сказать разным педагогическим портам:

— У вас, голубчики, девяносто процентов брака. У вас получилась не коммунистическая личность, а прямая дрянь, пьянчужка, лежебока и шкурник. Уплатите, будьте добры, из вашего жалования.

Почему у нас нет никакой науки о сырье и никто толком не знает, что из этого материала следует делать — коробку спичек или аэроплан?

С вершин «олимпийских» кабинетов не различают никаких деталей и частей работы. Оттуда видно только безбрежное море безликого детства, а в самом кабинете стоит модель абстрактного ребенка, сделанная из самых легких материалов: идей, печатной бумаги, маниловской мечты. Когда люди «Олимпа» приезжают ко мне в колонию, у них не открываются глаза, и живой коллектив ребят им не кажется новым обстоятельством, вызывающим прежде всего техническую заботу. А я, провожая их по колонии, уже поднятый на дыбу теоретических соприкосновений с ними, не могу отделаться от какого-нибудь технического пустяка.

В спальне четвертого отряда сегодня не помыли полов, потому что ведро куда-то исчезло. Меня интересует и материальная ценность ведра, и техника его исчезновения. Ведра выдаются в отряды под ответственность помощника командира, который

устанавливает очередь уборки, а следовательно, и очередь ответственности. Вот эта именно штука — ответственность за уборку, и за ведро, и за тряпку — есть для меня технологический момент.

Эта штука подобна самому захудалому, старому, без фирмы и года выпуска, токарному станку на заводе. Такие станки всегда помещаются в дальнем углу цеха, на самом замасленном участке пола и называются козами. На них производится разная детальная шпана: шайбы, крепежные части, прокладки, какие-нибудь болтики. И все-таки, когда такая «коза» начинает заедать, по заводу пробегает еле заметная рябь беспокойства, в сборном цехе нечаянно заводится «условный выпуск», на складских полках появляется досадная горка неприятной продукции — «некомплект».

Ответственность за ведро и тряпку для меня такой же токарный станок, пусть и последний в ряду, но на нем обрабатываются крепежные части для важнейшего человеческого атрибута: чувства ответственности. Без этого атрибута не может быть коммунистического человека, будет «некомплект».

«Олимпийцы» презирают технику. Благодаря их владычеству давно захирела в наших педвузах педагогически-техническая мысль, в особенности в деле собственно воспитания. Во всей нашей советской жизни нет более жалкого технического состояния, чем в области воспитания. И поэтому воспитательное дело есть дело кустарное, а из кустарных производств — самое отсталое. Именно поэтому до сих пор действительной остается жалоба Луки Лукича Хлопова из «Ревизора»:

«Нет хуже служить по ученой части, всякий мешается, всякий хочет показать, что он тоже умный человек».

(3, 390—392)

* * *

Теперь несколько слов о самом характере моей практической педагогической логики. Я пришел к некоторым убеждениям, пришел не безболезненно и не быстро, а пройдя через несколько стадий довольно мучительных сомнений и ошибок, пришел к некоторым выводам, которые покажутся некоторым из вас странными, но относительно которых у меня есть достаточно доказательств, чтобы, не стесняясь, их доложить. Из этих выводов некоторые имеют теоретический характер. Я кратко перечислю их перед тем, как начать изложение своего собственного опыта.

Прежде всего интересен вопрос о самом характере науки о воспитании. У нас среди педагогических мыслителей нашего времени и отдельных организаторов нашей педагогической работы есть убеждение, что никакой особенной, отдельной методики воспитательной работы не нужно, что методика преподавания, методика учебного предмета должна заключать в себе и всю воспитательную мысль. Я с этим не согласен. Я считаю, что воспи-

тательная область — область чистого воспитания — есть в некоторых случаях отдельная область, отличная от методики преподавания...

Лично мне и на практике пришлось воспитательную цель иметь как главную: поскольку мне поручалось перевоспитание так называемых правонарушителей, передо мной ставилась прежде всего задача воспитать. Никто даже не ставил передо мной задачи образовать. Мне давали мальчиков и девочек — правонарушителей, по-старому — преступников, мальчиков и девочек со слишком яркими и опасными особенностями характера, и прежде всего передо мной ставилась цель — этот характер переделать.

Сначала казалось, что главное — это какая-то отдельная воспитательная работа, в особенности трудовое воспитание. На такой крайней позиции я стоял недолго, но другие мои коллеги по коммуне стояли довольно долго. В некоторых коммунах, даже НКВД (при старом его руководстве), эта линия преобладала.

Проводилась она при помощи как будто вполне допустимого утверждения: кто хочет — может заниматься в школе, кто не хочет — может не заниматься. Практически это кончалось тем, что никто всерьез не занимался. Стоило человеку потерпеть какую-нибудь неудачу в классе, и он мог реализовать свое право — не хотеть заниматься.

Я скоро пришел к убеждению, что в системе трудовых колоний школа является могучим воспитательным средством. В последние годы я подвергался гонениям за этот принцип утверждения школы как воспитательного средства со стороны отдельных работников отдела трудовых колоний. За последние годы я опирался на полную школу-десятилетку и твердо убежден, что перевоспитание настоящее, полное перевоспитание, гарантирующее от рецидивов, возможно только при полной средней школе, — все-таки я и теперь остаюсь при убеждении, что методика воспитательной работы имеет свою логику, сравнительно независимую от логики работы образовательной. И то и другое — методика воспитания и методика образования, — по моему мнению, составляют два отдела, более или менее самостоятельных отдела педагогической науки. Разумеется, эти отделы органически должны быть связаны. Разумеется, всякая работа в классе есть всегда работа воспитательная, но сводить воспитательную работу к образованию я считаю невозможным. В дальнейшем я коснусь этого вопроса более подробно.

Теперь несколько слов о том, что может быть взято за основу методики воспитания.

Я прежде всего убежден в том, что методику воспитательной работы нельзя выводить из предложений соседних наук, как бы ни были разработаны такие науки, как психология и биология, в особенности последняя, после работ Павлова. Я убежден, что сделать из данных этих наук прямой вывод к воспитательному

средству мы права не имеем. Эти науки должны иметь огромное значение в воспитательной работе, но вовсе не как предпосылка для вывода, а как контрольные положения для проверки наших практических достижений.

Кроме того, я считаю, что воспитательное средство может быть выведено только из опыта (и проверено и утверждено положениями таких наук, как психология, биология и др.).

Это мое утверждение происходит из следующего: педагогика, в особенности теория воспитания, есть прежде всего наука практически целесообразная. Мы не можем просто воспитывать человека, мы не имеем права проводить работу воспитания, не ставя перед собой определенную политическую цель. Работа воспитания, не вооруженная ясной, развернутой, детально известной целью, будет работой аполитичного воспитания, и в нашей общественной советской жизни мы на каждом шагу встречаем доказательства в подтверждение этого положения. Большой, огромный, исключительный даже в мировой истории успех имеет в воспитательной работе Красная Армия. Потому такой большой, огромный успех, что воспитательная работа Красной Армии всегда до конца целесообразна и воспитатели Красной Армии всегда знают, кого они хотят воспитать, чего они хотят добиться. А лучшим примером нецелестреустремленной педагогической теории является почившая недавно педология. В этом смысле педология может рассматриваться как полная противоположность советского воспитательного устремления. Это была воспитательная работа, не снабженная целью.

Откуда же может вытекать цель воспитательной работы? Конечно, она вытекает из наших общественных нужд, из стремлений советского народа, из целей и задач нашей революции, из целей и задач нашей борьбы. И поэтому формулировка целей, конечно, не может быть выведена ни из биологии, ни из психологии, а может быть выведена только из нашей общественной истории, из нашей общественной жизни.

При этом я думаю, что вообще установить такое отношение к биологии и психологии в подтверждение воспитательного метода сейчас невозможно. Эти науки развиваются, и, вероятно, в ближайшее десятилетие и психология и биология дадут точные положения о поведении человеческой личности, и тогда мы сможем больше опираться на эти науки. Отношение наших общественных нужд, наших общественных целей социалистического воспитания к целям и данным теорий психологии и биологии должно всегда изменяться, и, может быть, даже оно будет изменяться в сторону постоянного участия психологии и биологии в нашей воспитательной работе. Но в чем я убежден твердо — это в том, что ни из психологии, ни из биологии не может быть выведено дедуктивным путем, путем просто силлогистическим, путем формальной логики, не может быть выведено педагогическое средство. Я уже сказал, что педагогическое средство долж-

но выводиться первоначально из нашей общественной и политической цели.

Вот в области цели, в области целесообразности я убежден, что педагогическая теория погрешила прежде всего. Все ошибки, все уклоны в нашей педагогической работе происходили всегда в области ломки целесообразности. Условно будем называть это ошибками.

Я вижу в педагогической теории три типа этих ошибок: это тип дедуктивного высказывания, тип этического фетишизма и тип уединенного средства.

Я в своей практике очень много страдал от борьбы с такими ошибками. Берется какое-нибудь средство и утверждается, что следствие из него будет вот такое; к примеру возьмем известную вам всем историю комплекса. Рекомендуются средство — комплексный метод преподавания; из этого средства спекулятивно, логическим путем выводится утверждение, что этот способ преподавания приводит к хорошим результатам.

Вот это следствие, что комплексный способ приводит к хорошим результатам, утвердилось до проверки опытом; но утвердилось, что результат обязательно будет хороший; в каких-то тайниках психики, где-то будет спрятан хороший результат.

Когда скромные работники-практики требовали: покажите нам этот хороший результат, — нам возражали: как мы можем открыть человеческую душу, там должен быть хороший результат, это — комплексная гармония, связь частей. Связь отдельных частей урока — она обязательно в психике человека должна отложиться положительным результатом.

Значит, проверка опытом здесь и логически не допускалась. И получался такой круг: средство хорошее — должен быть хороший результат, а раз хороший результат, — значит, хорошее средство.

В *Дедукция — способ рассуждения от общих положений к частным выводам. Дедуктивное предсказание, не подкрепленное практикой, А.С.Макаренко относил к ошибкам педагогической логики.*

Таких ошибок, проистекающих из преобладания дедуктивной логики, не опытной логики, было много.

Много было ошибок и так называемого этического фетишизма. Вот вам, например, трудовое воспитание.

Долгие годы отечественная школа была политехнической. Особое внимание в учрочной и неучрочной деятельности школьников уделялось изучению материала, относящегося к различным отраслям техники.

Сегодня, на новом витке реформирования образования, делается сильный акцент на гуманитаризацию образования. Не идет ли это опять вразрез с практикой, с дальнейшим развитием нашего отечества?

Причем не дается никакая аналитическая основа для поголовной гуманитаризации образования в ущерб политехнизации и профильности как основе профессионализма. В решении этих задач нужна не дедуктивная, а опытная логика.

Фетиш — это то, что является предметом безусловного признания, слепого поклонения.

А.С.Макаренко утверждал, что любое направление педагогической деятельности нельзя унифицировать, оно обязательно должно сочетаться с другими. Так, по его убеждению, труд детей без идущего рядом образования и воспитания будет просто нейтральным процессом, не дающим положительных результатов.

Это очень важно и сегодня. Некоторые школы, выбрав отдельный профиль как ведущий, часто настолько увлекаются им, что «забывают» о других направлениях образовательного процесса. Надо постоянно помнить, что мы имеем дело с живыми людьми, самовоспроизводящими себя в своем поведении и деятельности.

И я в том числе тоже погрешил такой ошибкой. В самом слове «труд» столько приятного, столько для нас священного и столько оправданного, что и трудовое воспитание нам казалось совершенно точным, определенным и правильным. А потом оказалось, что в самом слове «труд» не заключается какой-либо единственно правильной, законченной логики. Труд сначала понимался как труд простой, как труд самообслуживания, потом труд как трудовой процесс бесцельный, непроизводительный — упражнение в трате мускульной энергии. И слово «труд» так освещало логику, что казалась она непогрешимой, хотя на каждом шагу обнаруживалось, что непогрешимости настоящей нет. Но настолько верили в этическую силу самого термина, что и логика казалась священной. А между тем мой опыт и многих школьных товарищей показал, что вывод какого-либо средства из этической окраски самого термина невозможен, что и труд в применении к воспитанию может быть организован разнообразно и в каждом отдельном случае может дать различный результат. Во всяком случае, труд без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом. Вы можете заставить человека трудиться сколько угодно, но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать политически и нравственно, если он не будет участвовать в общественной и политической жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим положительного результата.

Труд как воспитательное средство возможен только как часть общей системы.

NB *Эта ошибка часто приводит к нежелательным результатам. Нельзя, утверждал Антон Семенович, из системы средств воспитания и обучения брать лишь единственное. Нельзя, например, при*

И наконец, еще одна ошибка — это тип уединенного средства. Очень часто говорят, что такое-то средство обязательно приводит к таким-то результатам. Одно средство. Возьмем как будто бы на первый взгляд самое несомненное утверждение, которое часто высказывалось на страницах педагоги-

опросе учащихся постоянно использовать только фронтальный опрос. Он не принесет желаемых результатов. Только сочетание фронтальных, индивидуальных, бригадных и других форм опроса дает определенный эффект. Только сочетание средств, форм, методов работы с обучаемыми и воспитанниками обеспечит благодатные условия для развития личности каждого ребенка.

хорошим, ни плохим, если мы рассматриваем его отдельно от других средств, от целой системы, от целого комплекса влияний. Наказание может воспитывать раба, а иногда может воспитывать и очень хорошего человека, и очень свободного и гордого человека. Представьте себе, что в моей практике, когда стояла задача воспитывать человеческое достоинство и гордость, то я этого достигал и через наказание.

Потом я расскажу, в каких случаях наказание приводит к воспитанию человеческого достоинства. Конечно, такое следствие может быть только в определенной обстановке, т.е. в определенном окружении других средств и на определенном этапе развития. Никакое средство педагогическое, даже общепринятое, каким обычно у нас считается и внушение, и объяснение, и беседа, и общественное воздействие, не может быть признано всегда абсолютно полезным. Самое хорошее средство в некоторых случаях обязательно будет самым плохим. Возьмите даже такое средство, как коллективное воздействие, воздействие коллектива на личность. Иногда оно будет хорошо, иногда плохо. Возьмите индивидуальное воздействие, беседу воспитателя с глазу на глаз с воспитанником. Иногда это будет полезно, а иногда вредно. Никакое средство нельзя рассматривать с точки зрения полезности или вредности, взятое уединенно от всей системы средств. И наконец, никакая система средств не может быть рекомендована как система постоянная.

Вот я вспоминаю историю коллектива коммуны им. Дзержинского. Он рос, он начинался с 28-го <года> коллективом мальчиков и девочек в пределах восьмого класса. Это был здоровый, веселый коллектив, но это не был коллектив 1935 г., когда он состоял из молодежи до 20 лет и имел большую комсомольскую организацию. Конечно, такой коллектив требовал совершенно иной системы воспитания.

ческой печати, — вопрос о наказании. Наказание воспитывает раба — это точная аксиома, которая не подвергалась никакому сомнению. В этом утверждении, конечно, были и все три ошибки. Тут была ошибка и дедуктивного предсказания, и ошибка этического фетишизма. В наказании логика начиналась от самой окраски этого слова. И наконец, была ошибка уединенного средства — наказание воспитывает раба. А между тем я убежден, что никакое средство нельзя рассматривать отдельно взятым от системы. Никакое средство вообще, какое бы ни взяли, не может быть признано ни

Я лично убежден в следующем: если мы возьмем обычную советскую школу, дадим ее в руки хороших педагогов, организаторов, воспитателей и эта школа будет жить 20 лет, то в течение этих 20 лет в хороших педагогических руках она должна пройти такой замечательный путь, что система воспитания в начале и в конце должна сильно отличаться одна от другой.

ВВ *С этим нельзя не согласиться. Педагогические знания сегодня нужны всем, независимо от профессии. Дети — будущее страны. Очень актуален в настоящее время вопрос о педагогическом ликбезе.*

Многие великие люди были по своей сути педагогами, они заботились о молодом поколении, оставляя после себя учеников и последователей.

Педагогика призвана осуществлять преемственность поколений, нести каждому последующему поколению общечеловеческие ценности, вечные истины. Недаром великие педагоги-гуманисты утверждали, что путь к всеобщему благополучию лежит через просвещение.

Да, педагогика — самая сложная и подвижная наука. Каждый ребенок уникален. Он отличается от других и уровнем развития, и способностями, и характером. Поэтому для каждого должна выстраиваться собственная траектория воспитания, обучения и развития.

И в этом педагогика А.С.Макаренки очень близка взглядам другого известного педагога Л.С.Выготского, фундаментальным открытием которого стали зоны ближайшего развития ребенка, учитывающие не только уже достигнутое, но и то, что находится в процессе созревания.

Очень важно, чтобы образовательные учреждения создавали комфортные условия для обучения каждого ребенка. Путь к этому лежит через внедрение в практику вариативных образовательных систем, учитывающих индивидуальные способности, а также уровни физического и интеллектуального развития детей. Причем каждая вариативная система должна быть ориентирована не на сравнительный анализ достижений каждого ребенка с достижениями других детей, а на его собственные достижения, на динамику его собственного развития. Только такой подход обеспечивает определенные результаты в воспитании и обучении подрастающего поколения.

Личностно-ориентированная педагогика должна в первую очередь реализовываться через введение коррекционно-развивающего обучения и через обучение на повышенном уровне детей способных и высокомотивированных. Особую ответственность несет педагогика за образование одаренных школьников.

В общем, педагогика есть самая диалектическая, подвижная, самая сложная и разнообразная наука. Вот это утверждение и является основным символом моей педагогической веры. Я не говорю, что так уже я все проверил на опыте, вовсе нет, и для меня есть еще очень много неясностей, неточностей, но я это утверждаю как рабочую гипотезу, которую, во всяком случае, надо проверить. Для меня лично она доказана моим опытом, но, конечно, ее надо проверить большим советским общественным опытом.

(4, 124—128)

Какую же педагогическую ситуацию мы наблюдаем в школах столицы сегодня?

С одной стороны, многие школы смогли создать адаптивные модели организации образовательного процесса и условия для использования вариативных систем; ввели новые формы образования, обеспечивающие сочетание классической классно-урочной системы с групповыми и индивидуальными формами обучения и воспитания. А с другой стороны, все еще немало школ, где по-прежнему господствует авторитарная педагогика, тормозящая развитие ребенка.

Некоторые руководители образовательных учреждений, учителя считают, что виной этому стали образовательные стандарты, введение которых тормозит творчество педагогических коллективов, «загоняя» их в определенные рамки. Это неправильное понимание идеологии образовательных стандартов.

Как ни парадоксально, но именно образовательные стандарты дают возможность вводить индивидуальные образовательные программы, нетрадиционные предметы, организовывать индивидуальные и групповые занятия, проводить коррекционную работу и многое другое.

Стандарт — это то, что нельзя не дать в образовательном процессе в целях сохранения единого образовательного пространства. А в остальном — творите, пробуйте, ищите и находите! Эту возможность обеспечивает базисный учебный план, на основе которого каждым образовательным учреждением составляются свои индивидуальные учебные планы, организующие образовательный процесс, специфический для каждого образовательного учреждения.

* *

*

1. Проблемы школьного советского воспитания не могут быть выведены из положений, стоящих вне советской общественной жизни и советской политической истории. Безнадежной является попытка построить воспитательную технику при помощи дедуктивных выводов из какой угодно науки: психологии, биологии и т.д. Это вовсе не значит, что положения этих наук не должны участвовать в деле построения советской воспитательной техники. Однако роль их должна быть чисто служебная, вполне подчиненная тем целям, которые диктуются политическими (практическими) обстоятельствами в жизни советского общества.

В настоящее время педагогическое значение таких наук, как психология и биология, очень слабо разработано. Очень вероятно, что в ближайшее время мы будем свидетелями самых широких открытий в этих областях, которые позволят нам более осмыслительно и более точно пользоваться показаниями этих наук для наших политических целей.

Но и в настоящее время, и в будущем одно не подлежит сомнению: никакое педагогическое средство не может быть выведено (силлогистически) из положений какой бы то ни было науки. Такой вывод в лучшем случае будет выводом аполитичным, очень часто будет выводом политически вредным.

Лучшим доказательством этого является практика педологии. В настоящее время вполне уместно всякую тенденцию дедуктивного логического вывода педагогического средства из положения какой бы то ни было науки считать тенденцией педологической.

2. Отношение средства и цели должно быть той пробной областью, на которой проверяется правильность педагогической логики. Наша логика должна быть логикой марксистской, логикой диалектической.

С точки зрения этой логики, мы не можем допустить никакого средства, которое не вело бы к поставленной нами цели. Это первое положение. Второе, совершенно естественно, заключается в том, что никакое средство не может быть объявлено постоянным, всегда полезным и действующим всегда одинаково точно. Педагогика — наука диалектическая, абсолютно не допускающая догмы.

Целесообразность и диалектичность воспитательного средства — вот основные положения, которые должны лечь в основу советской воспитательной системы.

3. *Целесообразность.* Не всякая логика целесообразности нас может удовлетворить. В двадцатилетней практике нашей педагогической науки было много ошибок, и почти все они заключались в искривлении идеи целесообразности.

Главные типы таких искривлений следующие:

- а) тип дедуктивного предсказания,
- б) тип этического фетишизма,
- в) тип уединенного средства.

Тип дедуктивного предсказания характеризуется тем, что в нем преобладает вывод из допущенной посылки. При этом самая посылка никогда не контролируется и считается непогрешимой; непогрешимым, следовательно, считается и вывод. В таком случае обыкновенно утверждают: данное средство должно обязательно привести к таким-то и таким-то результатам. Эти результаты выражаются, например, в положительных терминах. Их положительность выведена из данного средства как логический вывод, но в то же время и самая положительность результата считается доказательством правильности самого средства. Получающийся таким образом логический круг почти не поддается ударам дедуктивной критики, другая же критика, проверка действительных результатов, в таком случае вообще считается принципиально порочной. Вера в средство настолько велика, что неожиданно плохие результаты всегда относятся к якобы неправильному применению средства или к причинам посторонним, которые нужно только найти.

Ошибка *типа этического фетишизма* заключается в том, что и средство и метод ставятся рядом с понятием, этическое содер-

жание которого не вызывает сомнения. Вот это самое стояние рядом и считается аргументом достаточным и не подлежащим контролю. Такие ошибки совершаются нашей педагогической мыслью. Сюда нужно отнести многие попытки организовать так называемое трудовое воспитание. Соседство такого понятия, как труд, оказывалось достаточным, чтобы быть уверенным в спасительности многих средств, собственно говоря, никакого отношения к труду не имеющих. В этой же области находятся все ошибки самоорганизации и самоуправления.

Наконец, целесообразность очень часто утверждалась применительно к *уединенному средству*, разумеется, также без практической проверки. Диалектичность педагогического действия настолько велика, что никакое средство не может проектироваться как положительное, если его действие не контролируется всеми другими средствами, применяемыми одновременно с ним. Человек не воспитывается по частям, он создается синтетически всей суммой влияний, которым он подвергается. Поэтому отдельное средство всегда может быть и положительным и отрицательным, решающим моментом является не его прямая логика, а логика и действие всей системы средств, гармонически организованных.

4. Целесообразность и диалектичность педагогического действия в советской педагогике могут быть организованы только опытным путем. В нашей школе достаточно оснований для индуктивно-опытного вывода. Но истинная логика педагогического средства и системы средств заключается даже не в узкой школьной области, а в широкой общественной жизни Союза, в области тех принципов и традиций, которые уже совершенно ясно отличают наше общество от всякого другого.

Прежде всего значение этой широкой области звучит в самой постановке целей воспитания.

Цели воспитательного процесса должны всегда ясно опускаться воспитательной организацией и каждым воспитателем в отдельности. Они должны составлять основной фон педагогической работы, и без опущения развернутой цели никакая воспитательная деятельность невозможна. Эти цели и должны выражаться в проектируемых качествах личности, в картинах характеров и в тех линиях развития их, которые определенно намечаются для каждого отдельного человека.

Эти качества личности, проектируемые нами в каждом воспитаннике, могут быть общие и частные, индивидуальные. Советский человек должен в среднем отличаться как типичный характер. Воспитание этого типичного характера советского человека и должно составить одну из важнейших целей педагогической работы. К сожалению, нет ни одного исследования о качествах этого типичного характера, хотя интуитивно мы уже знаем, какими качествами отличается на деле со-

ветский гражданин. Это знание является знанием реалистическим. В нем важны не самые формы, а тенденции, и советская педагогика, отталкиваясь от этих тенденций, обязана далеко вперед проектировать качества нового типичного советского человека, должна даже обгонять общество в его человеческом творчестве.

К этим общим типичным качествам мы относим следующие стороны личности: самочувствие человека в коллективе, характер его коллективных связей и реакций, его дисциплинированность, готовность к действию и торможению, способность такта и ориентировки, принципиальность и эмоциональное перспективное устремление. Все это синтезируется в том комплексе черт, которые обращают нашего воспитанника в политически деятельную и ответственную фигуру.

К этому же общему комплексу мы относим ту систему знаний и представлений, которые должны составить у него образовательный запас к моменту выхода из школы.

Особой общей задачей является гармонирование этих знаний с указанными чертами характера, приведение их к одному советскому синтезу.

5. Цели индивидуального воспитания заключаются в определении и развитии личных способностей и направленностей в области не только знания, но и характера. В этом отделе должны разрешаться вопросы о полезности или вредности так называемой ломки. Чрезвычайно важным вопросом является, например, такой: мягкий, податливый, пассивный характер, склонный к созерцанию, отражающий мир в форме внутренней неяркой и неагрессивной работы анализа, подлежит ли ломке и перестройке или подлежит нашему советскому усовершенствованию? На этом примере видно, какой нежности и тонкости могут стоять перед педагогом задачи индивидуального воспитания.

6. Общие и индивидуальные цели, поставленные перед советским воспитанием, должны быть целями обязательными, и к ним мы должны стремиться в прямом и энергичном действии. В воспитательной работе требуется решительная и активная энергия устремления к цели. Наше воспитание должно быть обязательно настойчивым и требовательным, прежде всего по отношению к самим себе. Мы должны знать, чего мы добиваемся, и никогда не забывать об этом. Ни одно действие педагога не должно стоять в стороне от поставленных целей. Никакая параллельная или боковая цель не должна отстранять нас от главной цели. Поэтому, если, например, такая боковая цель возникнет, мы должны прежде всего проверить ее возможность с точки зрения соответствия с главной целью.

7. Указанная выше диалектичность педагогического процесса необходимо требует от педагога большого охватывающего внимания, относящегося к целой системе средств. Самая система средств никогда не может быть мертвой и застывшей нормой, она всегда изменяется и развивается, хотя бы уже потому, что растет и ребенок, входит в новые стадии общественного и личного развития, растет и изменяется и наша страна.

Поэтому никакая система воспитательных средств не может быть установлена навсегда. Но кто должен ее изменять, кому можно дать право вносить в нее поправки и коррективы? Она должна быть так поставлена, чтобы отражать необходимость движения и отбрасывать устаревшие и ненужные средства.

Указанные выше принципы должны быть реализованы в следующих отделах и деталях воспитательной работы: а) коллектив и его организация, б) общее движение коллектива и его законы, в) общий тон и стиль работы, г) коллектив педагогов и их центр, д) система режима и дисциплины, е) эстетика коллектива, ж) связь коллектива с другими коллективами, з) индивидуальные особенности коллектива, и) преемственность поколений в коллективе.

(4, 118—121)

ПРОГРАММА ЛИЧНОСТИ

В самый разгар сельскохозяйственной ажиотации, в начале февраля, в колонию зашел Карабанов¹. Хлопцы встретили его восторженными объятиями и поцелуями. Он кое-как сбросил их с себя и ввалился ко мне:

— Зашел посмотреть, как вы живете.

Улыбающиеся, обрадованные рожи заглядывали в кабинет колонисты, воспитатели, прачки.

— О, Семен! Смотри! Здорово!

До вечера Семен бродил по колонии, побывал в «Трепке», вечером пришел ко мне, грустный и молчаливый.

— Расскажи же, Семен, как ты живешь?

— Да как живу... У батька.

— А Митягин где?

— Ну его к черту! Я его бросил. Поехал в Москву, кажется.

— А у батька как?

— Да что ж, селяне, как обыкновенно. Батько еще молодец...

Брата убили...

— Как это?

— Брат у меня партизан, убили петлюровцы в городе, на улице.

— Что же ты думаешь? У батька будешь?

— Нет... У батька не хочу... Не знаю...

Он дернулся нерешительно и придвинулся ко мне.

— Знаете что, Антон Семенович, — вдруг выстрелил он, — а что если я останусь в колонии? А?

Семен быстро глянул на меня и опустил голову к самым коленям.

Я сказал ему просто и весело:

— Да в чем дело? Конечно, оставайся. Будем все рады.

Семен сорвался со стула и весь затрепетал от сдерживаемой горячей страсти:

— Не могу, понимаете, не могу! Первые дни так-сяк, а потом — ну, не могу, вот и все. Я хожу, роблю, чи там за обидом как вспомню, прямо хоть кричи! Я вам так скажу: вот привязался к колонии, и сам не знал, думал — пустяк, а потом — все равно, пойду, хоть посмотрю. А сюды пришел да как побачил, шо у вас тут делается, тут же прямо так у вас добре! От ваш Шере...

— Не волнуйся так, чего ты? — сказал я ему. — Ну и было бы сразу прийти. Зачем так мучиться?

— Да я и сам так думал, да как вспомню все это безобразие, как мы над вами куражились, так аж...

Он махнул рукой и замолчал.

— Добре, — сказал я, — брось все.

Семен осторожно поднял голову:

— Только... может быть, вы что-нибудь думаете, может, думаете: кокетую, как вы говорили. Так нет. Ой, если бы вы знали, чему я только одному больше, другому меньше: одному на пятак, другому на гривенник.

— Верю, — сказал я серьезно.

— Нет, вы правду скажите: верите?

— Да пошел ты к черту! — сказал я смеясь. — Я думаю, прежнего ж не будет?

— От видите, значит, не совсем верите...

— Напрасно ты, Семен, так волнуешься. Я всякому человеку верю, только одному больше, другому меньше: одному на пятак, другому на гривенник.

— А мне на сколько?

— А тебе на сто рублей.

— А я вот так совсем вам не верю! — «вызверился» Семен.

— Вот тебе и раз!

— Ну, ничего, я вам еще докажу...

Семен ушел в спальню.

С первого же дня он сделался правой рукой Шере. У него была ярко выраженная хлебоборбская жилка, он много знал, и многое сидело у него и крови «з дида, з прадиди» — степной унаследованный опыт. В то же время он жадно впитывал новую сельскохозяйственную мысль, красоту и стройность агрономической техники.

Семен следил за Шере ревнивым взглядом и старался показать ему, что и он способен не уставать и не останавливаться. Только спокойствию Эдуарда Николаевича он подражать не умел и всегда был взволнован и приподнят, вечно бурлил то негодованием, то восторгом, то телячьей радостью.

Недели через две я позвал Семена и сказал просто:

— Вот доверенность. Получишь в финотделе пятьсот рублей.

Семен открыл рот и глаза, побледнел и посерел, неловко сказал:

— Пятьсот рублей? И что?

— И больше ничего, — ответил я, заглядывая в ящик стола, — привезешь их мне.

— Ехать верхом?

— Верхом, конечно. Вот револьвер на всякий случай.

Я передал Семену тот самый револьвер, который осенью вытаскивал из-за пояса Митягина, с теми же тремя патронами. Карabanов машинально взял револьвер в руки, дико посмотрел на него, быстрым движением сунул в карман и, ничего больше не ска-

зав, вышел из комнаты. Через десять минут я услышал треск подков по мостовой: мимо моего окна карьером пролетел всадник.

Перед вечером Семен вошел в кабинет, подпоясанный, в коротком полушубке кузнеца, стройный и тонкий, но сумрачный. Он молча выложил на стол пачку кредиток и револьвер.

Я взял пачку в руки и спросил самым безразличным и невыразительным голосом, на какой только был способен:

— Ты считал?

— Считал.

Я небрежно бросил пачку в ящик.

— Спасибо, что потрудился. Иди обедать.

Карабанов для чего-то передвинул слева направо пояс на полушубке, метнулся по комнате, но сказал тихо:

— Добре.

И вышел.

Прошло две недели. Семен, встречаясь со мной, здоровался несколько угрюмо, как будто меня стеснялся.

Так же угрюмо он выслушал мое новое приказание:

— Поезжай, получи две тысячи рублей.

Он долго и негодующе смотрел на меня, засовывая в карман браунинг, потом сказал, подчеркивая каждое слово:

— Две тысячи? А если я не принесу денег?

Я сорвался с места и заорал на него:

— Пожалуйста, без идиотских разговоров! Тебе дают поручение, ступай и сделай. Нечего «психологию» разыгрывать!

Карабанов дернул плечом и прошептал неопределенно:

— Ну, что ж...

Привезя деньги, он пристал ко мне:

— Посчитайте.

— Зачем?

— Посчитайте, я вас прошу!

— Да ведь ты считал?

— Посчитайте, я вам кажу.

— Отстань!

Он схватил себя за горло, как будто его что-то душило, потом рванул воротник и зашатался.

— Вы надо мною издеваетесь! Не может быть, чтобы вы мне так доверяли. Не может быть! Чуете? Не может быть! Вы нарочно рискуете, я знаю, нарочно...

Он задохнулся и сел на стул.

— Мне приходится дорого платить за твою услугу.

— Чем платить? — рванулся Семен.

— А вот наблюдать твою истерику.

Семен схватился за подоконник и прорычал:

— Антон Семенович!

— Ну, чего ты? — уже немного испугался я.

— Если бы вы знали! Если бы вы только знали! Я ото дорого скавав и думаю: хоть бы Бог был на свете. Хоть бы Бог по-

слал кого-нибудь, чтоб ото лесом кто-нибудь набросился на меня... Пусть бы десяток, чи там сколько... я не знаю. Я стрелял бы, зубами кусав бы, рвал, как собака, аж пока убили бы... И знаете, чуть не плачу. И знаю ж: вы отут сидите и думаете: чи привезет, чи не привезет? Вы ж рисковали, правда?

— Ты чудак, Семен! С деньгами всегда риск. В колонию доставить пачку денег без риска нельзя. Но я думаю так: если ты будешь возить деньги, то риска меньше. Ты молодой, сильный, прекрасно едзишь верхом, ты от всяких бандитов удерешь, а меня они легко поймают.

Семен радостно прищурил один глаз:

— Ой, и хитрый же вы, Антон Семенович!

— Да чего мне хитрить? Теперь ты знаешь, как получать деньги, и дальше будешь получать. Никакой хитрости. Я ничего не боюсь. Я знаю: ты человек такой же честный, как и я. Я это и раньше знал, разве ты этого не видел?

— Нет, я думал, что вы этого не знали, — сказал Семен, вышел из кабинета и заорал на всю колонию:

*Вылиталы орлы
З-за крутой горы,
Вылиталы, гуркоталы,
Роскоши шукалы.*

(3, 134—137)

* * *

*

Мои горьковцы тоже выросли, разбежались по всему советскому свету, для меня сейчас трудно их собрать даже в воображении. Никак не поймаете инженера Задорова, зарывшегося в одной из грандиозных строек Туркменистана, не вызовете на свидание врача Особой Дальневосточной Вершнева или врача в Ярославле Буруна. Даже Нисинов и Зорень, на что уже пацаны, а и те улетели от меня, трепеща крыльями, только крылья у них теперь не прежние, не нежные крылья моей педагогической симпатии, а стальные крылья советских аэропланов. И Шелапутин не ошибался, когда утверждал, что он будет летчиком; в летчики выходит и Шурка Жевелий, не желая подражать старшему брату, выбравшему для себя штурманский путь в Арктике.

В свое время меня часто спрашивали залетающие в колонию товарищи:

— Скажите, говорят, среди беспризорных много даровитых, творчески, так сказать, настроенных... Скажите, есть у вас писатели или художники?

Писатели у нас, конечно, были, были и художники, без этого народа ни один коллектив прожить не может, без них и стенной газеты не выпустишь. Но здесь я должен с прискорбием признать: из горьковцев не вышли ни писатели, ни художники, и не пото-

му не вышли, что таланта у них не хватило, а по другим причинам: захватила их жизнь и ее практические сегодняшние требования.

Не вышло и из Карабанова агронома. Кончил он агрономический рабфак, но в институт не перешел, а сказал мне решительно:

— Хай ему с тем хлеборобством! Не могу без пацанов буты. Сколько еще хороших хлопцев дурака валяет на свете, ого! Раз вы, Антон Семенович, в этом деле потрудились, так и мне можно.

Так и пошел Семен Карабанов по пути соцвосовского подвига и не изменил ему до сегодняшнего дня, хотя и выпал Семену жребий труднее, чем всякому другому подвижнику. Женился Семен на черниговке, и вырос у них трехлетний сынок, такой же, как мать, черноглазый, такой же, как батько, жаркий. И этого сына среди бела дня зарезал один из воспитанников Семена, присланный в его дом «для трудных», психопат, уже совершивший не одно подобное дело. И после этого не дрогнул Семен и не бросил нашего фронта, не скулил и не проклинал никого, только написал мне короткое письмо, в котором было не столько даже горя, сколько удивления.

Не дошел до вуза и Белухин Матвей. Вдруг получил я от него письмо:

«Я нарочно это так сделал, Антон Семенович, не сказал вам ничего, уж вы простите меня за это, а только какой из меня инженер выйдет, когда я по душе моей есть военный. А теперь я в военной кавалерийской школе. Конечно, это я, можно сказать, как свинья поступил: рабфак бросил. Нехорошо как-то получилось. А только вы напишите мне письмо, а то, знаете, на душе как-то скребет».

Когда скребет на душе таких, как Белухин, жить еще можно...
(3, 446—447)

* *

*

Теперь перейдем к самому главному вопросу, к вопросу об установке целей воспитания. Кем, как и когда могут быть установлены цели воспитания и что такое цели воспитания?

Я под целью воспитания понимаю программу человеческой личности, программу человеческого характера, причем в понятие характера я вкладываю все содержание личности, т.е. и характер внешних проявлений и внутренней убежденности, и политическое воспитание, и знания — решительно всю картину человеческой личности; я считаю, что мы, педагоги, должны иметь такую программу человеческой личности, к которой должны стремиться.

В своей практической работе я не мог без такой программы обойтись. Ничто так человека не учит, как опыт. Когда-то мне дали в той же коммуне им. Дзержинского несколько сотен человек, и в каждом из них я видел глубокие и опасные стремления характера, глубокие привычки, я должен был подумать: а каким

должен быть их характер, к чему я должен стремиться, чтобы из этого мальчика, девочки воспитать гражданина? И когда я задумался, то увидел, что на этот вопрос нельзя ответить в двух словах. Воспитать хорошего советского гражданина — это мне не указывало пути. Я должен был прийти к более развернутой программе человеческой личности. И, подходя к программе личности, я встретился с таким вопросом: что — эта программа личности должна быть одинакова для всех? Что же, я должен вгонять каждую индивидуальность в единую программу, в стандарт и этого стандарта добиваться? Тогда я должен пожертвовать индивидуальной прелестью, своеобразием, особой красотой личности, а если не пожертвовать, то какая же у меня может быть программа! И я не мог этого вопроса так просто, отвлеченно разрешить, но он у меня был разрешен практически в течение десяти лет.

Я увидел в своей воспитательной работе, что да, должна быть и общая программа, «стандартная», и индивидуальный корректив к ней. Для меня не возникал вопрос: должен ли мой воспитанник выйти смелым человеком, или я должен воспитать труса? Тут я допускал «стандарт», что каждый должен быть смелым, мужественным, честным, трудолюбивым, патриотом. Но как поступать, когда подходишь к таким нежным отделам личности, как талант? Вот иногда по отношению к таланту, когда стоишь перед ним, приходится переживать чрезвычайные сомнения. У меня был такой случай, когда мальчик окончил десятилетку. Его фамилия Терентюк. Он очень хорошо учился — на пятерках (у нас в школе была пятибалльная система), потом пожелал пойти в технологический вуз. Я в нем открыл большой артистический талант раньше этого, причем талант очень редкой наполненности комика, чрезвычайно тонкого, остроумного, обладающего прекрасными голосовыми связками, богатейшей мимикой, умного такого комика. Я видел, что именно в области актерской работы он может дать большой результат, а в технологическом училище он будет средним студентом. Но тогда было такое увлечение, что все мои «пацаны» хотели быть инженерами. А уж если заведешь речь о том, чтобы идти в педагоги, так прямо в глаза смеялись: «Как это, сознательно, нарочно идти в педагоги?» — «Ну, иди в актеры». — «Да что вы, какая это работа у актера?» И вот он ушел в технологический институт при моем глубочайшем убеждении, что мы теряем прекрасного актера. Я сдался, я не имею права, в конце концов, совершать такую ломку...

Но здесь я не удержался. Он проучился полгода, участвовал в нашем драматическом кружке. Я подумал-подумал и решился — вызвал его на собрание коммунаров, говорю, что вношу жалобу на Терентюка: он не подчинился дисциплине и ушел в технологический вуз. На общем собрании говорят: «Как тебе не стыдно, тебе говорят, а ты не подчиняешься». Постановили: «Отчислить его из технологического института и определить в театральный техникум». Он ходил очень грустный, но не подчиниться коллек-

тиву не мог — он получал стипендию, общежитие в коллективе. И сейчас он прекрасный актер, уже играет в одном из лучших дальневосточных театров, в два года он проделал путь, который люди делают в 10 лет. И сейчас он мне очень благодарен.

Но все-таки, если бы теперь передо мной стояла такая задача, я бы боялся ее решить, — кто его знает, какое я имею право произвести насилие? Вот право производить такую ломку — вопрос для меня не решенный. Но я глубоко убежден, что перед каждым педагогом такой вопрос будет вставать — имеет ли право педагог вмешиваться в движение характера и направлять туда, куда надо, или он должен пассивно следовать за этим характером? Я считаю, что вопрос должен быть решен так: имеет право. Но как это сделать? В каждом отдельном случае это надо решать индивидуально, потому что одно дело иметь право, а другое дело — уметь это сделать. Это две различные проблемы. И очень возможно, что в дальнейшем подготовка наших кадров будет заключаться в том, чтобы учить людей, как производить такую ломку. Ведь учат врача, как производить трепанацию черепа. В наших условиях, может быть, будут учить педагога, как такую «трепанацию» производить, — может быть, более тактично, более успешно, чем я это сделал, но как, следуя за качествами личности, за ее наклонностями и способностями, направить эту личность в наиболее нужную для нее сторону.

(4, 129—130)

* * *

Цели нашей работы должны быть выражены в реальных качествах людей, которые выйдут из наших педагогических рук. Каждый воспитанный нами человек — это продукт нашего педагогического производства. И мы, и общество должны рассматривать наш продукт очень пристально и подробно, до последнего винтика. Как и во всяком другом производстве, у нас возможен выпуск прекрасной продукции, только удовлетворительной, только терпимой, наконец, условного брака, полного брака. Успех нашей работы зависит от бесчисленного количества обстоятельств: педагогической техники, снабжения, качества материала. Наш основной материал — дети — неизмеримо разнообразен. Спрашивается, сколько процентов этого материала годится для воспитания «человека, полного инициативы», — 90? 50? 10? 0,05? А на что пойдет остальной материал?

Если так подходить к вопросу, становится абсолютно недопустимым заменять точное описание нашего продукта общими возгласами, патетическими восклицаниями и «революционными» фразами.

В подобных целевыражениях так разит идеалом, что практическое их использование делается совершенно невозможным. Абстрактный идеал как цель воспитания неудобен для нас не

только потому, что идеал вообще недостижим, но и потому, что в сфере поступка очень запутаны «междуйдеальные» отношения. Идеальная вежливость, идеальный хозяйственник, идеальный политик, идеальный коммунист — это чрезвычайно сложные комплексы, так сказать, различных совершенств и определенных предрасположений и отвращений. Попытки воплотить выражение цели воспитания в короткой формуле доказывают только полный отрыв от всякой практики, от всякого дела. И поэтому совершенно естественно, что подобные формулы ничего не создали в живой жизни и в живой нашей работе.

Проектировка личности как продукта воспитания должна производиться на основании заказа общества. Это положение сразу снимает с нашего продукта идеальные хитоны. Нет ничего вечного и абсолютного в наших задачах. Требования общества действительны только для эпохи, величина которой более или менее ограничена. Мы можем быть совершенно уверены в том, что к следующему поколению будут предъявлены несколько измененные требования, причем изменения эти будут вноситься постепенно, по мере роста и совершенствования всей общественной жизни.

Поэтому в нашей проектировке мы всегда должны быть в высшей степени внимательны и обладать хорошим чутьем, в особенности еще и потому, что развитие требований общества может совершаться в области малозначительных и малых деталей.

И, кроме того, мы всегда должны помнить — каким бы цельным ни представлялся для нас человек при широком обобщении, все же нельзя его считать совершенно однообразным явлением. Люди в известной степени представляют собой очень разнотипный материал для воспитания, и выпускаемый нами «продукт» обязательно будет тоже разнообразен. Так, объединяя многие вещества в одном понятии металла, мы не будем стремиться к производству алюминиевых резцов или ругных подшипников. Было бы невероятным верхоглядством игнорировать человеческое разнообразие и вопрос о задачах воспитания стараться втиснуть в общую для всех словесную строчку...

Это обобщающее положение с необходимостью предполагает именно различные формы его реализации в зависимости от различия (человеческого) материала и разнообразия его использования в обществе. Всякое иное положение есть обезличка, которая, к слову сказать, нигде не свила для себя такого крепкого гнезда, как в педагогике.

Общие и индивидуальные черты личности в отдельных живых явлениях образуют бесконечно запутанные узлы, и поэтому проектировка личности становится делом чрезвычайно трудным и требующим осторожности. Самым опасным моментом еще долго будет страх перед человеческим разнообразием, неумение из разнообразных элементов построить уравновешенное целое. Поэтому у нас всегда будут жить попытки остричь всех одним

номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов — это кажется более легким делом, чем воспитание дифференцированное. Между прочим, такую ошибку совершали спартанцы и иезуиты в свое время.

Преодоление этой проблемы было бы совершенно невозможно, если бы мы разрешали ее силлогистически: разнообразны люди — разнообразен и метод. Приблизительно так рассуждали педологи, когда создавали отдельные учреждения для «трудных» и отдельные — для нормальных. Да и теперь грешат, когда отдельно воспитывают мальчиков от девочек. Если и дальше развивать эту логику по линиям разветвления личных особенностей (половых, возрастных, социальных, моральных), мы придем все к тому же индивидуалистическому, единственному числу, так ярко быющему в глаза в ультрапедагогическом слове «ребенок».

NB Как это актуально сейчас!

В период формирования образования в России мы вынуждены констатировать, что еще не сформирована система гражданского воспитания подрастающего поколения в духе идеалов и ценностей демократического общества.

Произошедшие в стране социально-политические изменения требуют обновления содержания воспитательной работы с детьми, ее форм и методов. Система образования должна способствовать воспитанию свободных людей для жизни и труда в свободном обществе, раскрытию созидательных, творческих качеств и способностей каждого индивидуума. Основопологающим в системе воспитания должно стать формирование чувства патриотизма и гражданственности, гуманистических, социально значимых и общечеловеческих ценностей, образцов гражданского поведения.

Ведущая роль в этом процессе принадлежит предметникам гуманитарного цикла. Именно гуманитарное образование призвано заложить основы мировоззрения и правовой культуры, сформировать у учащихся бережное отношение к моральным и общекультурным ценностям. Поэтому понятно то обостренное внимание государства, которое оно проявляет к содержанию гуманитарного образования в целом и особенно к истории нашего государства.

Огромная ответственность лежит в связи с этим на тех, кто разрабатывает содержание гуманитарного образования, пишет учебники, методические и дидактические пособия, осуществляет преподавание истории, обществоведения, литературы, языка и других гуманитарных дисциплин. Вместе с тем неизмеримо возрастает и роль учителей, преподающих другие предметы, будь то искусство, технология, физическое воспитание, математика и информатика, физика и астрономия, химия и т.д.

Достойной нашей эпохи организационной задачей может быть только создание метода, который, будучи общим и единым, в то же время дает возможность каждой отдельной личности развивать свои способности, сохранять свою индивидуальность, идти вперед по линиям своих наклонностей.

Необходимо подчеркнуть важную роль в формировании общей системы воспитания молодежи учреждений дополнительного внешкольного образования, где собираются школьники, объединенные общими интересами. Здесь создаются особые условия для саморазвития, проявления индивидуальных способностей и наклонностей.

Таким образом, осуществляя воспитание подрастающего поколения с учетом единых целей и задач, сформулированных на государственном уровне, необходимо учитывать индивидуальные возможности, способности и интересы ребенка и создавать условия для саморазвития и самоопределения.

Совершенно очевидно, что, приступая к решению такой задачи, мы не имеем уже возможности возиться только с отдельным «ребенком». Перед нами сразу встает коллектив как объект нашего воспитания. И проектировка личности от этого приобретает новые условия для решения. Мы должны выдать в качестве продукта не просто личность, обладающую такими или иными чертами, а члена коллектива, при этом коллектива определенных признаков.

Конечно, я не имею в виду, да и не имею сил произвести такую проектировку. Мне кажется, что эта тема достойна усилий нескольких больших ученых, и в особенности усилий наших наркомпросов, когда для воспитательного корпуса будет приготовлена папка «чертежей» — личных, типовых, коллективных. Но сейчас у нас не только нет разработанных научных проектов личности, но нет и эскизов, самых первоначальных набросков, рабочих чертежей.

(1, 169—170)

* *

*

Ф. С. Борисову²
15 августа 1938, Москва

Дорогой Федор!

Письмо твое пришло, когда был в Крыму, потом ездил в другие места, потом болел, письмо все ожидало ответа — не хотелось отвечать на него как-нибудь небрежно, а ответить по-настоящему все не было времени и свободной души. Неделию тому назад я серьезно заболел, упал в обморок на улице, врачи запретили мне писать и даже читать, и именно потому я имею свободу, чтобы ответить тебе.

Письмо твое серьезное и поднимает самые страшные вопросы, те самые вопросы, которые издавна составляют предмет философии и на которые философия не дала никаких ответов. Поэтому глупо было бы слушать, что я, такой же простой и скромный человек, как и ты, могу дать более исчерпывающие ответы, чем самые значительные философы. Конечно, нет.

Но для меня все эти вопросы давно решены, и давно их решение помогает мне жить. Поэтому я не буду тебя поучать вроде какого-либо проповедника, а просто расскажу тебе, как я для себя их разрешил.

Пессимизм «твоего» типа не нов. Все молодые люди, удостоенные раннего развития, обязательно переживают такой пессимизм. Его происхождение очень ясно. Человеческая жизнь идет по строгим законам. Юношеству свойственно горение и искание правды. От всяких пропастей и срывов в этом искании спасают только недостаточное знание и недостаточный анализ жизни, какие обыкновенно бывают... Но если горячность молодости и правдолюбие случайно соединяются с некоторым знанием жизни, тогда обязательно получается пессимизм.

Так случилось и у тебя, так было и в моей юности. У меня это было долго и мучительно и отразилось на всей моей жизни. Я, например, до 40 лет не женился потому, что не хотел скуки и обыденщины, не хотел теплого угла и успокоения в потомстве. У другого это бывает иначе, другой находит придирки в каких-то других вещах.

Таким образом, это все естественно, но эта естественность тебя не устраивает. Вопросы все-таки остаются, и нужно их во что бы то ни стало разрешить.

Я для себя их разрешил, и ты разрешишь.

Конечно, вся суть в том, что требуется ответ на вопрос: в чем цель жизни? Вопрос всем кажется правильным, и всем кажется, что на него нужно отвечать. На самом деле и вопрос неправильный, и отвечать на него просто не надо. Что такое цель? Откуда взялось самое понятие цели и самый этот термин? Почему на свете все должно быть целесообразно? А если нецелесообразно, так разве это плохо? Большинство решает: да, плохо. Должна быть цель.

Понятие цели пришло от простой обыкновенной человеческой деятельности. Вся жизнь человека в том и состоит, что он борется с природой, с холодом, с голодом, с нуждой, с врагами. Его жизнь — это череда определенных мелких или крупных мероприятий, направленных к поддержанию жизни. Каждое такое мероприятие имеет цель, но все эти цели сводятся к одной: прожить как можно дольше и как можно приятнее. Цель эта разумная, и разумно ее достигать.

В старом мире эта цель достигалась каждым человеком за свой страх и риск, при помощи своей личной борьбы. Чем более росло человечество, тем все больше и больше начинало понимать, что лучше всего эта цель будет достигаться, если бороться не в одиночку, а коллективно. В социализме идея коллективности выражена в наиболее совершенных формах, но нельзя сомневаться в том, что через несколько тысяч лет будут найдены новые, еще более богатые выражения коллективности. А цель остается все такой же: человек хочет жить как можно дольше и как можно приятнее.

Такая цель ни в коем случае не есть цель абсолютная, так сказать, цель принципиальная. Она выражает только требование количественного максимума, того, что в готовом виде дано уже природой, принципиально ничего нового она не выражает. Природа сама по себе не знает цели, мир тоже цели не имеет, одним словом, в природе вовсе нет никакой цели и быть не может. Плохо это или хорошо?

Ни плохо, ни хорошо. Человек в минуты слабости и зверской трусости перед смертью начинает кричать, вопить, стонать: он не выносит смерти, он протестует, он не хочет умирать, смерть кажется ему ужасным явлением. На самом деле, конечно, ничего ужасного в смерти нет. Смерть так же естественна, как и жизнь, и, вероятно, состояние небытия нисколько не отвратительно. Оно становится отвратительным в нашем воображении, когда мы противопоставляем смерть и жизнь, на что мы вовсе не имеем права: жизнь и смерть одинаково законны и естественны, между ними нет противоречия.

Требование, чтобы в жизни была какая-то абсолютная цель, — требование, ни на чем не основанное. Я прямо спрошу: а почему? А чем будет лучше, если будет цель? А что ты будешь делать, если цель будет достигнута: может быть, ты хочешь вечно жить? Если даже представить себе вечную жизнь, она мало чем будет отличаться от настоящей нашей жизни, все равно страдание и тогда неприятно будет, а счастье и теперь хорошая вещь. Воображение, что цель, абсолютная цель жизни что-то изменит к лучшему, это воображение ни на чем не основано.

На самом деле цель не имеет такого значения. И в нашей те-перешней жизни часто именно бесцельные поступки бывают самыми лучшими и благородными поступками. Самые счастливые состояния человека — это те состояния, которые не стоят ни в каком отношении к какой-нибудь цели. И наоборот, слишком реальное видение близкой цели, в особенности цели индивидуальной, делает жизнь часто прямо отвратительной.

Я так и считаю: жизнь должна быть прекрасна, она и есть прекрасное начало, но она вовсе не должна иметь абсолютную цель. Это было бы слишком расчетливо, слишком бледно, слишком по-сволочному. Я люблю жизнь такой, как она есть. Она прекрасна именно потому, что непрактична, не рассчитана по эгоизму, что в ней есть борьба и опасности, есть страдание и мысль, есть какая-то гордость и независимость от природы. Природа придумала свои законы, придумала смерть, только один человек научился с нею бороться и научился плевать на смерть, хотя и узнал смерть. Животные спасены от страха смерти потому, что ничего не знают о ней.

Вот и все. Я живу потому, что люблю жить, люблю дни и ночи, люблю борьбу и люблю смотреть, как растет человек, как он борется с природой, в том числе и со своей собственной природой. Мне все это нравится. Я уверен, что люди и дальше будут

бороться с природой, научатся жить лучше и дольше, но все равно они всегда будут жить приблизительно так, как и я, с той же полнотой радости и горя, т. е. с полнотой ощущения.

А цель ни для чего не нужна. Цель, идеальная цель жизни испортила бы ее, сделала бы ее менее интересной.

Философия, как видишь, не очень сложная, но это самая простая и самая распространенная философия. Так люди жили всегда и так всегда будут жить. Они только все больше и больше учатся находить радости жизни в коллективе, радоваться не личным победам, а победам человечества, в этом и состоит настоящий смысл социализма.

Рассуждения о том, что мы — материя, — рассуждения лишние. Никто еще не знает, что такое материя, но можно уже предчувствовать, что материя очень сложная штука. А если даже и материя, так почему это плохо? Какое ты имеешь право презирать материю? Материя — это прямо замечательная штука, богатая возможностями и красотой. И я хочу жить в материи, которая в моем ощущении все-таки представляется богатой и великолепной моей личностью.

Самое главное, Федор, надо уметь видеть прелесть сегодняшнего и завтрашнего дня и жить этой прелестью. В этом и заключается мудрость жизни и, если хочешь, ее цель. Только один человек видит прелесть жизни в куске хлеба или водке, а другой находит более сложные и богатые прелести — в работе, красоте, борьбе, в росте человеческой материи. Уже и сейчас материя, выраженная в музыке Бетховена или Чайковского, в великих изобретениях, в технике, — очень высокая штука, такая высокая, что я не променял бы ее на вечность.

У тебя все же это непременно и скоро пройдет. То, что тебя мучит неуверенность в специальности, — тоже хорошо. Это доказывает только широту твоей натуры, ее требовательность. Потом ты ясно увидишь, что у человека должна быть единственная специальность, он должен быть большим человеком, настоящим человеком. Если ты сумеешь это требование понять, ты не будешь волноваться по поводу специальности. Ты будешь инженером, а потом станешь судьей, или писателем, или учителем, а может, и музыкантом — везде для тебя будет интересно, и везде ты сможешь быть честным, работоспособным, внимательным, вдумчивым. И каждая специальность станет в таком случае большим и важным делом.

Пиши, если с чем-нибудь со мной не согласен. А пока желаю тебе самого главного: больше здоровья, больше терпения и спокойствия. Все остальное придет.

Крепко жму руку.

ЛИЧНОСТЬ И КОЛЛЕКТИВ

Приход новых колонистов сильно расшатал наш некрепкий коллектив, и мы снова приблизились к «малине».

Наши первые воспитанники были приведены в порядок только для нужд самой первой необходимости. Последователи отечественного анархизма еще менее склонны были подчиняться какому бы то ни было порядку. Нужно, однако, сказать, что открытое сопротивление и хулиганство по отношению к воспитательскому персоналу в колонии никогда не возрождалось. Можно думать, что Задоров, Бурун, Таранец и другие умели сообщить новеньким краткую историю первых горьковских дней. И старые и новые колонисты всегда демонстрировали уверенность, что воспитательский персонал не является силой, враждебной по отношению к ним. Главная причина такого настроения безусловно лежала в работе наших воспитателей, настолько самоотверженной и, очевидно, трудной, что она, естественно, вызывала к себе уважение. Поэтому колонисты, за очень редким исключением, всегда были в хороших отношениях с нами, признавали необходимость работать и заниматься в школе, в сильной мере понимали, что все это вытекает из общих наших интересов. Лень и неохота переносить лишения у нас проявлялись в чисто зоологических формах и никогда не принимали формы протеста.

Мы отдавали себе отчет в том, что все это благополучие есть чисто внешняя форма дисциплины и что за ним не скрывается никакая, даже самая первоначальная культура.

Вопрос, почему колонисты продолжают жить в условиях нашей бедности и довольно тяжелого труда, почему они не разбегаются, разрешался, конечно, не только в педагогической плоскости. 1921 год для жизни на улице не представлял ничего завидного. Хотя наша губерния не была в списке голодающих, но в самом городе все же было очень сурово и, пожалуй, голодно. Кроме того, в первые годы мы почти не получали квалифицированных беспризорных, привыкших к бродяжничеству на улице. Большею частью наши ребята были дети из семьи, только недавно порвавшие с нею связь.

Хлопцы наши представляли в среднем комбинирование очень ярких черт характера с очень узким культурным состоянием. Как

раз таких и старались присылать в нашу колонию, специально предназначенную для трудновоспитуемых. Подавляющее большинство их было малограмотно или вовсе неграмотно, почти все привыкли к грязи и вшам, по отношению к другим людям у них выработалась постоянная защитно-угрожающая поза примитивного героизма.

Выделялись из всей этой толпы несколько человек более высокого интеллектуального уровня, как Задоров, Бурун, Ветковский, Братченко, а из вновь прибывших — Карабанов и Митягин, остальные только очень постепенно и чрезвычайно медленно приобретениям человеческой культуры, тем медленнее, чем мы были беднее и голоднее.

В первый год нас особенно удручало их постоянное стремление к ссоре друг с другом, страшно слабые коллективные связи, разрушаемые на каждом шагу из-за первого пустяка. В значительной мере это проистекало даже не из вражды, а все из той же позы героизма, не корректированной никаким политическим самочувствием. Хотя многие из них побывали в классово-враждебных лагерях, у них не было никакого ощущения принадлежности к тому или другому классу. Детей рабочих у нас почти не было, пролетариат был для них чем-то далеким и неизвестным, к крестьянскому труду большинство относилось с глубоким презрением, не столько, впрочем, к труду, сколько к отсталому крестьянскому быту, крестьянской психике. Оставался, следовательно, широкий простор для всякого своеволия, для проявления одичавшей, припадочной в своем одиночестве личности.

Картина в общем была тягостная, но все же зачатки коллектива, зародившиеся в течение первой зимы, потихоньку зеленели в нашем обществе, и эти зачатки во что бы то ни стало нужно было спасти, нельзя было новым пополнениям позволить приглушить эти драгоценные зеленя. Главной своей заслугой я считаю, что тогда я заметил это важное обстоятельство и по достоинству его оценил. Защита этих первых ростков потом оказалась таким невероятно трудным, таким бесконечно длинным и тягостным процессом, что, если бы я знал это заранее, я, наверное, испугался бы и отказался от борьбы. Хорошо было то, что я всегда ощущал себя накануне победы, для этого нужно было быть неисправимым оптимистом.

(3, 42—43)

* *
*

Жизнь наших двух колоний пошла, как хороший, исправный поезд. В персонале я почувствовал непривычную для меня основательность и плотность: Тихон Несторович, Шере¹ и Петр Иванович, как и наши старые ветераны, по-настоящему служили делу.

Колонистов к этому времени было до восьмидесяти. Кадры двадцатого и двадцать первого годов сбились в очень дружную

группу и неприкрыто командовали в колонии, составляя на каждом шагу для каждого нового лица негнувшийся волевой каркас, не подчиниться которому было, пожалуй, невозможно. Впрочем, я почти не наблюдал попыток оказать сопротивление. Колония сильно забирала и раззадоривала новеньких красивым внешним укладом, четкостью и простотой быта, довольно занятым списком разных традиций и обычаев, происхождение которых даже и для стариков не всегда было памятно. Обязанности каждого колониста определялись в требовательных и нелегких выражениях, но все они были строго указаны в нашей конституции, и в колонии почти не оставалось места ни для какого своеволия, ни для каких припадков самодурства. В то же время перед всей колонией всегда стояла не подлежащая никакому сомнению в своей ценности задача: окончить ремонт второй колонии, всем соединиться в одном месте, расширить наше хозяйство. В том, что эта задача для нас обязательна, в том, что мы ее непременно разрешим, сомнений ни у кого не было. Поэтому мы все легко мирились с очень многими недостатками, отказывали себе в лишнем развлечении, в лучшем костюме, в пище, отдавая каждую свободную копейку на свинарню, на семена, на новую жатвенную машину. К нашим небольшим жертвам делу восстановления мы относились так добродушно-спокойно, с такой радостной уверенностью, что я позволял себе прямую буффонаду на общем собрании, когда кто-нибудь из молодых поднимал вопрос: пора уже пошить новые штаны. Я говорил:

— Вот окончим вторую колонию, разбогатеем, тогда все пошьем: у колонистов будут бархатные рубашки с серебряным поясом, у девочек шелковые платья и лакированные туфли, каждый отряд будет иметь свой автомобиль и, кроме того, на каждого колониста велосипед. А вся колония будет усажена тысячами кустов роз. Видите? А пока давайте купим на эти триста рублей хорошую симментальскую корову.

Колонисты хохотали от души, и после этого для них не такими бедными казались ситцевые заплатки на штанах и промасленные серенькие «чепы».

Верхушку колонистского коллектива и в это время еще можно было походя ругать за многие уклонения от идеально-морального пути, но кого же на земном шаре нельзя за это ругать? А в нашем трудном деле эта верхушка показывала себя очень исправным и точно действующим аппаратом. Я в особенности ценил ее за то, что главной тенденцией ее работы как-то незаметно сделалось стремление перестать быть верхушкой, втянуть в себя всю колонистскую массу.

В этой верхушке состояли почти все старые наши знакомые: Карабанов, Задоров, Вершнев, Братченко, Волохов, Ветковский, Таранец, Бурун, Гуд, Осадчий, Настя Ночевная; но к последнему времени в эту группу уже вошли новые имена: Опришко, Георгиевский, Волков Жорка и Волков Алешка, Ступицын и Кудлатый.

Опришко много усвоил от Антона Братченко: страстность, любовь к лошадям и нечеловеческую работоспособность. Он не был так талантлив в творчестве, не был так ярок, но зато у него были и только ему присущие достоинства: пенистая до краев бородность, ладность и удачливость движений.

Георгиевский в глазах колонистского общества был существом двуликим. С одной стороны, всей его внешностью нас так и подмывало назвать его цыганом. И в смуглом лице, и в черных глазах навывкат, и в сдержанном ленивом юморе, и в плутоватом небрежении к частной собственности действительно было что-то цыганское. Но, с другой стороны, Георгиевский был отпрыском несомненно интеллигентной семьи: начитан, выхолен, по-городскому красив, и говорил он с небольшим аристократическим оттенком, немного картавя. Колонисты утверждали, что Георгиевский — сын бывшего иркутского губернатора. Сам Георгиевский отрицал всякую возможность такого позорного происхождения, и в его документах никаких следов проклятия прошлого не было, но я в таких случаях всегда склонен верить колонистам. Во второй колонии он ходил командиром и отличался одной прекрасной чертой: никто так много не возился со своим отрядом, как командир шестого. Георгиевский им и книги читал, и помогал одеваться, и самолично заставлял умываться, и без конца мог убеждать, уговаривать, упрашивать. В совете командиров он всегда представлял идею любви к пацану и заботы о нем. И он мог похвалиться многими достижениями. Ему отдавали самых грязных, сопливых ребят, и через неделю он обращал их в франтов, украшенных прическами и аккуратно идущих по стезям трудовой колонистской жизни.

(3, 159—160)

* * *

Коммуна им. Дзержинского за пятилетие «отточила» свои методы до достаточной точности. Только еще небольшие остатки идеализма и индивидуалистической педагогики до сих пор отравляют наше торжество. Но и с ними мы рассчитываем справиться в кратчайшее время.

Коммуна им. Дзержинского не знает пропасти между умственным и физическим трудом. Рабфак машиностроительного института подводит нашего коммунара непосредственно к втузу, но он входит в него не только подготовленным студентом — он уже и мастер высокой квалификации.

Поэтому вступление во втуз для коммунара может быть и обязательным. Уже сейчас на коммунарском заводе работает несколько инструкторов-коммунаров, путь которых, очевидно, путь младшего комсостава промышленности. Давая коммунару высокую квалификацию, связанную со средним образованием, мы в то же время сообщаем ему многие и разнообразные качест-

ва хозяина и организатора. Нужно побывать на коммунаром общем собрании, чтобы в этом убедиться. Вопросы промфинплана, технологического процесса, снабжения, работы отдельных деталей, приспособлений, рационализации и контроля, норм и расценок, штатов и качества персонала ежедневно проходят перед коммунарами, проходят не как перед зрителями, а как перед распорядителями, которые не могут отмахнуться ни от какого вопроса, иначе их дело на другой же день начнет давать перебои. В решении этих вопросов для коммунаров находится прежде всего место приложения их общественной энергии, но это не энергия людей, отказывающихся от личной жизни, это не жертва подвижников, это разумная общественная деятельность людей, понимающих, что общественный интерес — это есть и интерес личный.

В этой общей установке, подчеркнутой во многих деталях нашего дела (например, в сдельной зарплате), мы находим все точки отправления и для принципов нашей педагогической техники.

В чем эти принципы?

Прежде всего мы отстраняем воспитательную работу специально над отдельным лицом, над пресловутым «ребенком», со-

В После рассуждений о необходимости индивидуального подхода к каждой личности, воспитания ребенка с учетом его уровня развития, способностей, интересов А.С.Макаренко данной позицией как бы отрицает «работу специально над отдельным лицом» и утверждает, что объектом воспитания необходимо считать целый коллектив. Создается впечатление, что вся организационно-педагогическая деятельность педагогов и воспитателей должна быть направлена на воспитание коллектива.

Давайте порассуждаем над этим высказыванием. Скорее всего именно это положение дало повод поклонникам теории А.С.Макаренко, так называемым макаренковедом, вывести формулу воспитательной теории Антона Семеновича: «Воспитание в коллективе, для коллектива и через коллектив». А как же это соотносить с его установкой, что воспитывает жизнь, социум, все окружающее и, конечно, человек? Антон Семенович считал, что ребенок в первую очередь воспитывается для себя, для своей жизни, для своего счастья. Человек должен быть счастливым!

Вместе с тем он не отрицал роль коллектива в формировании человека, его характера, поведения, мировоззрения. Утверждение «воспитание через коллектив» подразумевает, что педагог, воспитатель должен со-

ставляющим заботу педагогики. Мы считаем, что влияние отдельной личности на отдельную личность есть фактор узкий и ограниченный. Объектом нашего воспитания мы считаем целый коллектив и по адресу коллектива направляем организованное педагогическое влияние. Мы при этом уверены, что самой реальной формой работы по отношению к личности является удержание личности в коллективе, такое удержание, чтобы эта личность считала, что она в коллективе находится по своему желанию — добровольно, и, во-вторых, чтобы коллектив добровольно вмещал эту личность.

здать коллектив, который превращается в средство воспитания личности. Но у Макаренко педагог не стоит над коллективом. Творцами воспитательного процесса являются и взрослые, и дети. И не только отдельные личности, но и коллектив становится целью воспитания. Поэтому нельзя отрицать влияние коллектива на формирование личности и наоборот. Личности влияют на коллектив, помогают его слотить, превратить в рычаг воздействия коллектива на формирование и развитие каждого его члена.

Весь ход исторического развития происходит путем взаимодействия людей, личностей, социальных общностей и групп. Здоровое влияние друг на друга способствует воспитанию и коллектива, и каждого его члена.

Социальные, экономические и политические преобразования, демократизация общественной жизни в России, особенности русского менталитета обуславливают потребности общества в личностях и даже более того — в лидерах.

Антон Семенович выделял среди своих воспитанников лидеров. Им становились те колонисты, которые имели более высокий интеллектуальный и культурный уровень. Они влияли на коллектив, помогали его формировать. Проблема «личность и коллектив», их взаимозаменяемость стала центральной составляющей педагогического наследия А.С.Макаренко. Его идеал — гармония личности и коллектива.

Коллектив является воспитателем личности. В практике коммуны им. Дзержинского, например, проступки отдельной личности, какие бы они ни были, не должны вызывать реагирования педагога предпочтительно реагированию коллектива. Педагог в коммуне постольку может влиять на отдельную личность, поскольку он сам член коллектива, и не больше, чем всякий другой член коллектива.

Это вовсе не значит, что мы, педагоги и вообще взрослые руководители коллектива, стоим в стороне и только наблюдаем. Как раз нам приходится каждую минуту мобилизовывать нашу мысль и опыт, наш такт и волю, чтобы разобраться в многообразных проявлениях, желаниях, стремлениях коллектива и помочь ему советом, влиянием, мнением, а иногда даже и нашей волей. Это очень сложный комплекс рабочих напряжений. Но как бы много мы ни работали, мы никогда не можем стать педагогическими авгурами, изрекающими законы воспитания. Законы эти вытекают из общей жизни Советского Союза и, в частности, из жизни нашего коллектива, и они настолько сами по себе убедительны, что мудрить над ними нам уже не может быть дано.

Таким образом, педагогическая установка коммуны в общем формулируется так: создание правильного коллектива, создание правильного влияния коллектива на личность.

Разрешая вопрос жизни коллектива, мы не можем рассматривать коллектив как «группу взаимодействующих и совокупно реагирующих индивидов». Мы видим не «совокупность» и не от-

влеченный коллектив, а конкретный живой коллектив мальчиков и девочек — часть советского рабочего общества в эпоху строительства социализма, классовой борьбы и перехода нашего к бесклассовому обществу. И мы видим прежде всего, что наш детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив.

Отдельные члены коллектива не рассматривают себя как «зародыши будущих личностей». Естественно и нам стать на такую точку зрения и считать наших воспитанников полноправными гражданами советских республик. Как полноправные граждане, они имеют право на участие в общественном труде — по своим силам. Они и участвуют, и участвуют не в педагогическом порядке, а в рабочем, т.е. не портят материал, а производят нужные вещи не из идеалистических соображений альтруизма и нестяжания, а из стремления к заработку и своего, и коллектива, и за свою работу они отвечают по всей строгости производства — отвечают прежде всего перед коллективом, который является поглотителем и частного вреда, и частной пользы.

Из этого основного нашего взгляда на детский коллектив пристокают и все наши методы. Мы даем детскому или юношескому коллективу рабфак, завод, инженеров, промфинплан, зарплату, обязанности, работу и право ответственности. А это значит — даем дисциплину.

(1, 139—140)

* * *

В нашей педагогике можно говорить о воспитании товарища, об отношении члена одного коллектива к члену другого коллектива, которые не свободны, которые не вращаются в пустом пространстве, а которые связаны своими обязательствами или отношениями с коллективом, своим долгом по отношению к коллективу, своей честью по отношению к коллективу, своими движениями по отношению к коллективу. Это организованное отношение членов одного коллектива к членам другого коллектива должно являться решающим в постановке воспитания.

Что такое коллектив? Это не просто собрание, не просто группа взаимодействующих индивидов, как учили педологи. Коллектив — это есть целеустремленный комплекс личностей, организованных, обладающих органами коллектива. А там, где есть организация коллектива, там есть органы коллектива, там есть организация уполномоченных лиц, доверенных коллектива, и вопрос отношения товарища к товарищу — это не вопрос

дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости. Даже если товарищи находятся в равных условиях, идут рядом в одной шеренге, исполняя приблизительно одинаковые функции, связываются не просто дружбой, а связываются общей ответственностью в работе, общим участием в работе коллектива.

А в особенности интересными являются отношения таких товарищей, которые идут не рядом в одной шеренге, а в разных шеренгах, и особенно интересны отношения тех товарищей, где зависимость не равная, где один товарищ подчиняется другому товарищу. В этом наибольшая хитрость в детском коллективе, наибольшая трудность — создать отношения подчинения, а не равностояния. Это то, чего больше всего боятся наши педагоги. Товарищ должен уметь подчиняться товарищу, не просто подчиняться, а уметь подчиняться.

И товарищ должен уметь приказывать товарищу, т.е. поручить ему и потребовать от него определенных функций и ответственности.

Такое умение подчиняться товарищу, причем это не подчинение богатству, и не подчинение силе, и не подчинение в порядке милостыни или подачки, а подчинение равноправных членов коллектива, — это чрезвычайно трудная задача не только для детского общества, но и для взрослых. Если еще остались пережитки старого, то все они умещаются в этом самом месте. И в особенности трудно приказывать равному себе только потому, что меня уполномочил коллектив. Здесь чрезвычайно сложный комплекс. Я только тогда сумею приказывать товарищу, поручить ему, пробудить его к действию, отвечать за него, когда я чувствую ответственность перед коллективом и когда я знаю, что, приказывая, я выполняю волю коллектива. Если я этого не чувствую, то у меня остается только простор для личного преобладания, для властолюбия, для честолюбия, для всех иных чувств и тенденций не нашего порядка.

Я в особенности много обращал внимания на эту сторону дела. Я поэтому шел на очень сложный принцип зависимостей и подчинений в коллективе. К примеру, вот этот самый мальчик дежурный командир, который сегодня руководит коллективом, а завтра уже подчиняется новому руководителю, он как раз является прекрасным примером такого воспитания.

Я уходил еще дальше в этом отношении, я старался как можно больше переплести зависимости отдельных уполномоченных коллектива друг с другом, так чтобы подчинения и приказания как можно чаще встречались...

Вот почему я так настаивал на некоторой военизации и... строил систему первичных коллективов, причем на правах единоначалия, которые я давал своему командиру. Я старался дробить коллектив на отряды по 10 человек, чтобы число уполномоченных было как можно больше, я старался создавать как можно

больше разных комиссий, а в последнее время пришел к такой форме — поручения отдельному лицу.

Я не пропускал ни одного случая, чтобы не использовать этой формы. Беру первое, что я вспоминаю. Вот нужно перевести ребят из одной спальни в другую, перегруппировка по спальням в зависимости от прибытия новых ребят и т. д. А новенькие всегда вкраплялись в старые отряды. Совет командиров постановляет переселиться из спальни в таком-то часу, разрешается брать с собой только постели, не разрешается брать с собой ни кроватей, ни столов, ни портретов, ни шкафов; ответственным за правильность переселения назначается, скажем, Козырь. И вот первое время это было не так легко. Этому Козырю не подчинялись, махали руками, он сам не знал, как ему 400 человек подчинить.

В последнее время я добился не только того, что это удавалось, но и того, что Козырь и остальные были на своих местах и Козырь стоял в коридоре, одним движением пальца, бровей, глаз делал то, что было нужно, и все прекрасно понимали: Козырь отвечает за успех; если такой-то унес лучший портрет в свою спальню, отвечать будет Козырь, если он прозевал, не заметил...

Из всех этих поручений, из всех этих приемов и создается стиль работы, стиль коллектива. Я уже сказал, что об этом стиле нужно писать монографии.

Отличительными признаками стиля советского детского коллектива я считаю следующие.

Во-первых, мажор. Я ставлю во главу угла это качество. Постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию, радужное настроение, именно мажорное, веселое, бодрое настроение, но вовсе не истеричность. Готовность к полезным действиям, к действиям интересным, к действиям с содержанием, со смыслом, но ни в коем случае не к бестолочи, визгу, крику, не к бестолковым зоологическим действиям.

Такие зоологические действия — крик, визг, беготню — я решительно отрицаю. И в коммуне им. Дзержинского, где жило 500 мальчиков и девочек, вы никогда не услышали бы визга и крика. И в то же время вы видите постоянно бодрость и уверенность в своей жизни, в своем настроении.

Этот мажор не может, конечно, создаваться специальными методами, это результат всей работы коллектива, всего того, о чем я говорил.

Следующий признак стиля — ощущение собственного достоинства. Это, конечно, нельзя сделать в один день. Эта уверенность в своем собственном лице вытекает из представления о ценности своего коллектива, из гордости за свой коллектив.

Если вы приезжаете в коммуну, вас очень вежливо, очень приветливо встретят, никогда не бывало, чтобы прошли и вас не заметили. Первый, кого вы встретили, обязательно вам поклонится, скажет:

— Здравствуйте! Пожалуйста, что вы хотите?

И каждый насторожен.

— А кто вы такой, а что вам угодно?

Никто не станет вам жаловаться на коммуны. Я наблюдал поразительное явление среди коммунаров. Вот его только что взгрели, человек расстроен до последней степени. И вдруг он оказался лицом к лицу с приехавшим, посторонним человеком. Он весь изменился, он приветлив, радостен, он проводит вас, куда можно; если нельзя, он скажет:

— Пойдемте, возьмем разрешение.

Он занят своим несчастьем, своей ошибкой, но он бросит все и ни за что не покажет, что он только что пережил что-то. А если его спросят:

— Как живете?

Он скажет:

— Прекрасно живем.

Он это делает вовсе не потому, что он хочет кому-то понравиться, а потому, что он чувствует свою ответственность за коллектив, гордится своим коллективом, даже наказанный...

И только там, где есть общий стиль, стиль, построенный на постоянном коллективном движении и содержании, там, конечно, форма внешней вежливости, может быть, несколько напоминающая военизацию, но в общем не выходящая даже за принцип пионерского движения, там она необходима, полезна и чрезвычайно украшает коллектив. А украшая коллектив, она уже производит повторное, обратное действие, она уже делает коллектив притягательным и с эстетической стороны.

Я не представляю себе коллектива, в котором ребенку хотелось бы жить, которым он гордился бы, не представляю себе такого коллектива некрасивым с внешней стороны. Нельзя пренебрегать эстетическими сторонами жизни. А как раз мы, педагоги, очень часто страдаем некоторым нигилизмом по отношению к эстетике.

Эстетика костюма, комнаты, лестницы, станка имеет несколько не меньшее значение, чем эстетика поведения. А что такое эстетика поведения? Это именно поведение оформленное, получившее какую-то форму. Форма сама является признаком более высокой культуры.

Поэтому здесь еще один отдел забот: приходя к эстетике как к результату стиля, как показателю стиля, мы эту эстетику потом начинаем рассматривать и как фактор, сам по себе воспитывающий.

Я не могу вам перечислить всех норм красивой жизни, но эта красивая жизнь должна быть обязательной. И красивая жизнь детей — это не то, что красивая жизнь взрослых. Дети имеют свой тип эмоциональности, свою степень выразительности духовных движений. И красота в детском коллективе не вполне может повторять красоту коллектива взрослых.

Вот хотя бы игра. Игра обязательно должна присутствовать в детском коллективе. Детский коллектив неиграющий не будет настоящим детским коллективом. Игра должна заключаться не только в том, что мальчик бежит по площадке и играет в футбол, а в том, что каждую минуту своей жизни он немного играет, он приближается к какой-то лишь ступеньке воображения, фантазии, он что-то из себя немного изображает, он чем-то более высоким себя чувствует, играя. Воображение развивается только в коллективе, обязательно играющем. И я, как педагог, должен с ним немножко играть. Если я буду только приучать, требовать, настаивать, я буду посторонней силой, может быть, полезной, но не близкой. Я должен обязательно немного играть, и я этого требовал от всех своих коллег.

Конечно, разговаривая сейчас с вами, я совсем иной человек, но когда я с ребятами, я должен добавить немного этого мажора, и остроумия, и улыбки, не какой-нибудь подыгрывающей улыбки, но приветливой улыбки, достаточно наполненной воображением. Я должен быть таким членом коллектива, который не только довлел бы над коллективом, но который также радовал бы коллектив. Я должен быть эстетически выразителен, поэтому я ни разу не вышел с непочищенными сапогами или без пояса. Я тоже должен иметь какой-то блеск, по силе и возможности, конечно. Я тоже должен быть таким же радостным, как коллектив. Я никогда не позволял себе иметь печальную физиономию, грустное лицо. Даже если у меня были неприятности, если я болен, я должен уметь не выкладывать всего этого перед детьми.

С другой стороны, я должен уметь разразиться. В прошлом году я читал в вашем педагогическом журнале, каким тоном надо разговаривать с воспитанниками. Там сказано: педагог должен разговаривать с воспитанниками ровным голосом. С какой стати? Почему ровным голосом? Я считаю, что это такой нудный получится педагог, что его просто все возненавидят. Нет, я считаю, что педагог должен быть весел, бодр, а когда не то делается, должен и прикрикнуть, чтобы чувствовали, что если я сердит, так сердит по-настоящему, а не так что — не то сердится, не то педагогическую мораль разводит.

Это требование относится ко всем педагогическим работникам. Я без жалости увольнял прекрасных педагогических работников только потому, что постоянно такую грусть они разводили. Взрослый человек в детском коллективе должен уметь тормозить, скрывать свои неприятности.

Коллектив надо украшать и внешним образом. Поэтому я даже тогда, когда коллектив наш был очень беден, первым долгом всегда строил оранжерею, и не как-нибудь, а с расчетом на гектар цветов, как бы дорого это ни стоило. И обязательно розы, не какие-нибудь дрянные цветочки, а хризантемы, розы. И я, и мои ребята кохались в этих цветах до предела. У нас был действительно гектар цветов, и не каких-нибудь, а настоящих. Не только в

спальных, столовых, классах, кабинетах стояли цветы, но даже на лестницах. Мы делали из жести специальные корзинки и все бордюры лестницы уставляли цветами. Это очень важно. Причем каждый отряд вовсе не получал цветы по какому-нибудь наряду, а просто — завял цветок, он идет в оранжерею и берет себе следующий горшок или два.

Вот эти цветы, костюмы, чистота комнат, чистота обуви — это должно быть в детском коллективе. Ботинки должны быть всегда почищены, без этого какое может быть воспитание? Не только зубы, но и ботинки...

Я не допускал к уроку учителя, неряшливо одетого. Поэтому у нас вошло в обыкновение ходить на работу в лучшем костюме. И я сам выходил на работу в лучшем своем костюме, который у меня был. Так что все наши педагоги, инженер и архитектор ходили франтами.

Все это очень важно. Вот стол. Можно положить клеенку — хорошо, гигиенично, можно что угодно положить, а потом вымыл — и чисто. Нет, только белая скатерть, только белая скатерть может научить есть аккуратно, а клеенка — развращение. Скатерть в первые дни всегда будет грязная, вся в пятнах, а через полгода она станет чистой. Невозможно воспитать умение аккуратно есть, если вы не дадите белой скатерти.

Так что серьезные требования надо предъявлять ко всякому пустяку, на каждом шагу — к учебнику, к ручке, к карандашу. Объединенный карандаш — что это такое? Карандаш должен быть очинен прекрасно. Что такое заржавевшее перо, которое не пишет, что такое муха в чернильнице и т.д.? Ко всем педагогическим устремлениям, которые у вас есть, прибавьте миллиарды этих мелочей. Конечно, одиночка за ними не только уследит, а когда коллектив за этим следит и знает цену этим мелочам, с этим вполне можно справиться.

Вот таких мелочей в жизни коллектива очень много, из них и составляется та эстетика поведения, которая должна быть в коллективе. Мальчик, который не плюет, который не вычищает нос при помощи двух пальцев, — это уже воспитанный мальчик. И эти принципиальные мелочи должны быть не только доведены до конца, но должны быть строго продуманы и сгармонизированы с какими-то общими принципами. Сюда относятся многие мелочи, которые нельзя здесь перечислить, но все они могут исполняться красиво, здорово и в связи с общим движением коллектива.

МАСТЕРСТВО ПЕДАГОГА

Шере повел дело энергично. Весенний сев он производил по шестипольному плану, сумел сделать этот план живым событием в колонии. На поле, в конюшне, в свинарне, в спальне, просто на дороге или у перевоза, в моем кабинете и в столовой вокруг него всегда организовывалась новая сельскохозяйственная практика. Ребята не всегда без спора встречали его распоряжения, и Шере никогда не отказывался выслушивать деловое возражение, иногда приветливо и сухо, в самых скупых выражениях приводил небольшую ниточку аргументов и заканчивал безапелляционно:

— Делайте так, как я вам говорю.

Он по-прежнему проводил весь день в напряженной и в то же время несуетливой работе, по-прежнему за ним трудно было угнаться, и в то же время он умел терпеливо простоять у кормушки два-три часа или пять часов проходить за сеялкой, бесконечно мог, через каждые десять минут, забегать в свинарню и приставать, как смола, к свинарям с вежливыми и назойливыми вопросами:

— В котором часу вы давали пороссятам отруби? Вы не забыли записать? Вы записываете так, как я вам показывал? Вы приготовили все для купанья?

У колонистов к Шере появилось отношение сдержанного восторга. Разумеется, они были уверены, что «наш Шере» только потому так хорош, что он наш, что во всяком другом месте он был бы менее великолепен. Этот восторг выражался в молчаливом признании его авторитета и в бесконечных разговорах о его словах, ухватках, недоступности для всяких чувств и его знаниях.

Я не удивлялся этой симпатии. Я уже знал, что ребята не опровергают интеллигентского убеждения, будто дети могут любить и ценить только такого человека, который к ним относится любовно, который их ласкает. Я убедился давно, что наибольшее уважение и наибольшая любовь со стороны ребят, по крайней мере таких ребят, какие были в колонии, проявляются по отношению к другим типам людей. То, что мы называем высокой квалификацией, уверенное и четкое знание, умение, искусство, золотые руки, немногословие и полное отсутствие фразы, постоянная готовность к работе — вот что увлекает ребят в наибольшей степени.

Вы можете быть с ними сухи до последней степени, требовательны до придирчивости, вы можете не замечать их, если они торчат у вас под рукой, можете даже безразлично относиться к их симпатии, но если вы блещете работой, знанием, удачей, то спокойно не оглядывайтесь: они все на вашей стороне, и они не выдадут. Все равно, в чем проявляются эти ваши способности, все равно, кто вы такой: столяр, агроном, кузнец, учитель, машинист.

И наоборот, как бы вы ни были ласковы, занимательны в разговоре, добры и приветливы, как бы вы ни были симпатичны в быту и в отдыхе, если ваше дело сопровождается неудачами и провалами, если на каждом шагу видно, что вы своего дела не знаете, если все у вас оканчивается браком или «пшиком», — никогда вы ничего не заслужите, кроме презрения, иногда снисходительного и иронического, иногда гневного и уничтожающе враждебного, иногда назойливо шельмующего.

(3, 131—132)

* *

*

Первые горьковские дни были днями отдыха после тяжелых беспризорных переживаний. В эти дни укрепились нервы колонистов под тенью непрезентабельной мечты о карьерах сапожников и столяров.

Великолепное шествие нашего коллектива и победные фанфары на берегах Коломака сильно подняли мнение колонистов о себе. Почти без труда нам удалось вместо скромных сапожничьих идеалов поставить впереди волнующие и красивые знаки:

РАБФАК

В то время слово «рабфак» означало совсем не то, что сейчас обозначает. Теперь это простое название скромного учебного заведения. Тогда это было знамя освобождения рабочей молодежи от темноты и невежества. Тогда это было страшно яркое утверждение непривычных человеческих прав на знание, и тогда мы все относились к рабфаку, честное слово, с некоторым даже умилением.

Это все было у нас практической линией: к осени 1923 года почти всех колонистов обуюло стремление на рабфак. Оно просочилось в колонии незаметно, еще в 1921 году, когда уговорили наши воспитательницы ехать на рабфак незадачливую Раису. Много рабфаковцев из молодежи паровозного завода приходило к нам в гости. Колонисты с завистью слушали их рассказы о героических днях первых рабочих факультетов, и эта зависть помогала им теплее принимать нашу агитацию. Мы настойчиво призывали колонистов к школе и к знаниям и о рабфаке говорили им как о самом прекрасном человеческом пути. Но поступление на рабфак в глазах колонистов было связано с непереносимо трудным экзаменом, который, по словам очевидцев, выдерживали только люди исключительно гениальные. Для нас было очень

нелегко убедить колонистов, что и в нашей школе к этому страшному испытанию подготовиться можно. Многие колонисты были уже и готовы к поступлению на рабфак, но их разбирал безотчетный страх, и они решили остаться еще на год в колонии, чтобы подготовиться наверняка. Так было у Буруна, Карабанова, Вершнева, Задорова. Особенно поражал нас учебной страстью Бурун. В редких случаях его нужно было поощрять. С молчаливым упорством он осиливал не только премудрости арифметики и грамматики, но и свои сравнительно слабые способности. Самый несложный пустяк, грамматическое правило, отдельный тип арифметической задачи он преодолевал с большим напряжением, надувался, пытел, потел, но никогда не злился и не сомневался в успехе. Он обладал замечательно счастливым заблуждением: он был глубоко уверен, что наука на самом деле такая трудная и головомная вещь, что без чрезмерных усилий ее одолеть невозможно. Самым чудесным образом он отказывался замечать, что другим те же самые премудрости даются шутя, что Задоров не тратит на учебу ни одной лишней минуты сверх обычных школьных часов, что Карабанов даже и на уроках мечтает о вещах посторонних и переживает в своей душе какую-нибудь колонийскую мелочь, а не задачу или упражнение. И наконец наступило такое время, когда Бурун оказался впереди товарищей, когда их талантливо схваченные огоньки знания сделались чересчур скромными по сравнению с солидной эрудицией Буруна. Полной противоположностью Буруну была Маруся Левченко. Она принесла в колонию невыносимо вздорный характер, крикливую истеричность, подозрительность и плаксивость. Много мы перемучились с нею. С пьяной бесшабашностью и большим размахом она могла в течение одной минуты вдребезги разнести самые лучшие вещи: дружбу, удачу, хороший день, тихий, ясный вечер, лучшие мечты и самые радужные надежды. Было много случаев, когда казалось, что остается только одно: брать ведрами холодную воду и безжалостно поливать это невыносимое существо, вечно горящее глупым, бестолковым пожаром.

Настойчивые, далеко не нежные, а иногда и довольно жесткие сопротивления коллектива приучили Марусю сдерживаться, но тогда она стала с таким же большим упрямством куражиться и издеваться над самой собой. Маруся обладала счастливой памятью, была умница и собой исключительно хороша: на смуглом лице глубокий румянец, большие черные глаза всегда играли огнями и молниями, а над ними с побеждающей неожиданностью — спокойный, чистый, умный лоб. Но Маруся была уверена, что она безобразна, что она похожа «на арапку», что она ничего не понимает и никогда не поймет. На самое пустячное упражнение она набрасывалась с давно заготовленной злостью:

— Все равно ничего не выйдет! Пристали ко мне — учись! Учите ваших Бурунов. Пойду в прислуги. И зачем меня мучить, если я ни к черту не гожусь?

Наталья Марковна Осипова, человек сентиментальный, с ангельскими глазами и с таким же невыносимо ангельским характером, просто плакала после занятий с Марусей.

— Я ее люблю, я хочу ее научить, а она меня посылает к черту и говорит, что я нахально к ней пристаю. Что мне делать?

Я перевел Марусю в группу Екатерины Григорьевны и боялся последствий этой меры. Екатерина Григорьевна подходила к человеку с простым и искренним требованием.

Через три дня после начала занятий Екатерина Григорьевна привела Марусю ко мне, закрыла двери, усадила дрожащую от злости свою ученицу на стул и сказала:

— Антон Семенович! Вот Маруся. Решайте сейчас, что с ней делать. Как раз мельнику нужна прислуга. Маруся думает, что из нее только прислуга может выйти. Давайте отпустим ее к мельнику. А есть и другой исход: я ручаюсь, что к следующей осени я приготовлю ее на рабфак, у нее большие способности.

— Конечно, на рабфак, — сказал я.

Маруся сидела на стуле и ненавидящим взглядом следила за спокойным лицом Екатерины Григорьевны.

— Но я не могу допустить, чтобы она оскорбляла меня во время занятий. Я тоже трудящийся человек, и меня нельзя оскорблять. Если она еще один раз скажет слово «черт» или назовет идиоткой, я заниматься с нею не буду.

Я понимаю ход Екатерины Григорьевны, но уже все ходы были перепробованы с Марусей, и мое педагогическое творчество не пылало теперь никаким воодушевлением. Я посмотрел устало на Марусю и сказал без всякой фальши:

— Ничего не выйдет. И черт будет, и дура, и идиотка. Маруся не уважает людей, и это так скоро не пройдет...

— Я уважаю людей, — перебила меня Маруся.

— Нет, ты никого не уважаешь. Но что же делать? Она наша воспитанница. Я считаю так, Екатерина Григорьевна: вы взрослый, умный и опытный человек, а Маруся девочка с плохим характером. Давайте не будем на нее обижаться. Дадим ей право: пусть она называет вас идиоткой и даже сволочью — ведь и такое бывало, — а вы не обижайтесь. Это пройдет. Согласны?

Екатерина Григорьевна, улыбаясь, посмотрела на Марусю и сказала просто:

— Хорошо. Это верно. Согласна.

Марусины черные очи глянули в упор на меня и заблестели слезами обиды; она вдруг закрыла лицо косынкой и с плачем выбежала из комнаты.

Через неделю я спросил Екатерину Григорьевну:

— Как Маруся?

— Ничего. Молчит и на вас очень сердита.

А на другой день поздно вечером пришел ко мне Силантий с Марусей и сказал:

— Насилу, это, привел к тебе, как говорится. Маруся, видишь, очень на тебя обижается, Антон Семенович. Поговори, здесь это, с нею.

Он скромно отошел в сторону. Маруся опустила лицо.

— Ничего мне говорить не нужно. Если меня считают сумасшедшей, что ж, пускай считают.

— За что ты на меня обижаешься?

— Не считайте меня сумасшедшей.

— Я тебя и не считаю.

— А зачем вы сказали Екатерине Григорьевне?

— Да это я ошибся. Я думал, что ты будешь ее ругать всякими словами.

Маруся улыбнулась:

— А я ж не ругаю.

— А, ты не ругаешь? Значит, я ошибся. Мне почему-то показалось.

Прекрасное лицо Маруси засветилось осторожной, недоверчивой радостью:

— Вот так вы всегда: нападаете на человека...

Силантий выступил вперед и зажег шапкой:

— Что же ты к человеку придираешься? Вас это, как говорится, сколько, а он один! Ну ошибся малость, а ты, здесь это, обижаться тебе не нужно.

Маруся весело и быстро глянула в лицо Силантия и звонко сказала:

— Ты, Силантий, болван, хоть и старый.

И выбежала из кабинета. Силантий развел шапкой и сказал:

— Видишь, какая, здесь это, история.

И вдруг хлопнул шапкой по колену и захохотал:

— Ах и история ж, будь ты неладна!..

(3, 178—180)

* * *

*

Если бы этот дежурный встретил меня на прогулке и что-нибудь о ком-нибудь мне сказал бы, то это можно было бы проверить на сборе, но если он говорил в присутствии всех, проверять было нельзя. Коммунары заявляли: «Ведь он Антону Семеновичу не на ухо сказал, ведь они не в саду сидели, он сказал в присутствии всех, с рапортом, с салютом, как он мог соврать. Человек не может соврать в таком положении».

Коммунары были убеждены, что вся обстановка, все положение дежурного не дают ему возможности соврать.

Это был моральный закон, и проверять было не нужно.

Вот общая результативная картина, которую можно назвать дисциплиной.

Какие методы должны вести к такой результативной картине? Устройство коллектива как определенной организации и педагогическое мастерство.

Педагогическое мастерство — совсем не пустое дело. В педагогических вузах этим педагогическим мастерством и не пахнут. Там и не знают, что такое педагогическое мастерство. Мы имеем такое положение, когда это мастерство каждый имеет право называть кустарным, и правильно.

Я тоже много мучился с этим вопросом, и тем более мучился, что никогда не считал себя талантливым воспитателем и по совести говорю, что не считаю сейчас, так как иначе мне не пришлось бы так много работать, ошибаться и страдать.

Я и теперь глубоко убежден, что я скорее обыкновенный, средний педагог. Это очень похоже на правду. Но я добился педагогического мастерства, а это важная вещь.

Мастерство воспитателя не является каким-то особым искусством, требующим таланта, но это специальность, которой надо

NB Педагогическое мастерство — сложный комплекс знаний и умений, считал А.С.Макаренко. Причем он был убежден, что этому можно научиться. Педагогические высшие и средние учебные заведения обязаны ввести одноименные спец-
курсы или даже открывать кафедры педагогического мастерства.

Анализируя сегодня уровень подготовки школьников, результативность их обучения и воспитания в рамках различных педагогических систем, приходишь к выводу, что не система определяет качественные показатели и успешность образования школьников, а профессионализм учителя, его педагогическое мастерство.

Проводимые в России, в Москве ежегодные конкурсы «Учитель года», «Школа года» позволяют выявить лучших учителей, мастеров своего дела. Они не только великолепные предметники, педагоги, воспитатели, они еще и психологи, хорошо разбирающиеся в поведении ученика, в его взаимоотношениях с товарищами, взрослыми.

Традиционный урок у этих учителей часто превращается в урок творчества, в урок коллективного исследования и проектирования, в урок-дискуссию, где раскрывается личность каждого ученика.

В системе повышения квалификации на городском и окружном уровнях ведется целенаправленная работа с такими учителями. Опыт их обобщения и представляется через систему семинаров, посещений, конкурсов.

А.С.Макаренко учил, что педагогическое мастерство должно передаваться. Учитель обязан передавать свои умения другим, должен воспитывать своих учеников, чтобы иметь своих последователей в глубоком понимании этого слова.

А.С.Макаренко утверждает, что мастерству можно научиться, но для этого нужен упорный труд, изучение опыта лучших педагогов и самостоятельный поиск и инициатива. Сегодня как никогда учителя должны понимать одну важную вещь: совершенствуя свое мастерство, нужно

исходить из интересов ребенка, делать скучное интересным и занимательным, трудное доступным, сложное простым, непонятное понятным. Только тогда учителя ждет успех, только тогда он может достигнуть педагогического мастерства.

Что такое мастерство? Я имею склонность отделять процесс воспитания от процесса образования. Я знаю, что против этого возразит каждый специалист-педагог. Но я считаю, что процесс воспитания может быть логически выделен и может быть выделено мастерство воспитателя.

Можно и нужно развивать зрение, просто физическое зрение. Это необходимо для воспитателя. Нужно уметь читать на человеческом лице, на лице ребенка, и это чтение может быть даже описано в специальном курсе. Ничего хитрого, ничего мистического нет в том, чтобы по лицу узнавать о некоторых признаках душевных движений.

Педагогическое мастерство заключается и в постановке головы воспитателя, и в управлении своим лицом.

Сегодня ваш уважаемый директор в моем присутствии разговаривал с одним мальчиком. Не каждый сможет так разговаривать. Я не буду льстить и говорить, что здесь большой талант, но здесь имело место мастерство. Он сердито разговаривал с мальчиком, и мальчик видел гнев, негодование, именно то, что было нужно в данном случае. А для меня это было мастерство. Я видел, что директор великолепно играет.

Педагог не может не играть. Не может быть педагога, который не умел бы играть. Нельзя же допустить, чтобы наши нервы были педагогическим инструментом, нельзя допустить, что мы можем воспитывать детей при помощи наших сердечных мучений, мучений нашей души. Ведь мы же люди. И если во всякой другой специальности можно обойтись без душевных страданий, то надо и у нас это сделать.

Но ученику надо иногда продемонстрировать мучение души, а для этого нужно уметь играть.

Но нельзя просто играть сценически, внешне. Есть какой-то приводной ремень, который должен соединять с этой игрой вашу прекрасную личность. Это не мертвая игра, техника, а настоящее отражение тех процессов, которые имеются в нашей душе. А для ученика эти душевные процессы передаются как гнев, негодование и т.д.

Я сделался настоящим мастером только тогда, когда научился говорить «иди сюда» с 15—20 оттенками, когда научился давать 20 нюансов в постановке лица, фигуры, голоса. И тогда я не боялся, что кто-то ко мне не пойдет или не почувствует того, что нужно.

А у воспитателя это мастерство проявляется на каждом шагу. И оно проявляется вовсе не в парном положении, когда я — воспитатель и ты — мой ученик. Парное положение не так важно, как то, что вас окружает.

Ваше воспитательское отношение имеет значение даже в том случае, когда на вас никто не смотрит. И это не мистика.

Я сижу в кабинете один. Все коммунары на работе и в школе. Я на кого-то рассердился, мне что-то нужно сделать. Я принимаю определенное выражение лица, и это на всех отразится. Забежит один, посмотрит на меня, шепнет другому, даже между делом, и что-то станет на свое место.

Это не значит, что от настроения одного лица зависит настроение всех детей, но надо уметь управлять своим настроением.

Если вы будете в этом же кабинете плакать и рыдать, это тоже будет всем известно и произведет известное впечатление.

Это сказывается во всех мелочах. Бреетесь вы каждый день или нет. Чистите вы ботинки каждый день или нет.

Воспитатель, который вытаскивает из кармана черный скомканный платок, — это уже не воспитатель. Лучше пусть он пойдет в уголок и высморкается там, чтобы никто не видел.

Но это мастерство имеет значение для организации каких-то специальных методических движений.

Например, я очень часто практиковал такие вещи. Я мог бы призвать к себе того, кто согрешил, и сделать ему выговор. Но я так не делал.

Я пишу ему записку с просьбой прийти обязательно вечером, обязательно в 11 часов. Я даже ничего особенного не буду ему говорить, но до 11 часов вечера он будет ходить в ожидании моего разговора. Он сам себе многое скажет, ему скажут товарищи, и он придет ко мне уже готовый. Мне ничего уже не нужно с ним делать. Я ему только скажу: «Хорошо, иди». И у этого мальчика или девочки будет происходить обязательно какой-то внутренний процесс.

Я представляю себе, что в педагогическом учебном заведении нужно проделать кое-какие упражнения. Мы — студенты: вы, вы и т.д.

Мне говорят: «Вы, т. Макаренко, будете сейчас проводить практику. Предположим, мальчик украл три рубля, разговаривайте с ним. Мы будем слушать, как вы будете разговаривать, а потом мы обсудим, как вы разговариваете: хорошо или плохо».

У нас такие упражнения не производятся, а ведь это очень трудное дело — говорить с мальчиком, который подозревается в том, что он украл, и неизвестно еще, украл он или нет. Тут, конечно, нужно мастерство не только в постановке взгляда или голоса, а даже в постановке логики. А мы, воспитатели, знаем географию, историю, литературу, но мы не знаем, что такое детское воровство. Кто знает, что это такое: случай, преступление или необходимость?

Если бы все люди были очень искренни, то многие сказали бы, что у них в детстве был хоть один случай воровства. А они совсем не были ворами. Очевидно, нам нужно подумать, что такое детское воровство и как на него реагировать.

Я узнал сегодня, что ваш директор товарищ Данюшевский поймал мальчика, который украл мыло, чтобы передать домой.

Товарищ Данюшевский взял мыло, передал этому же мальчику и сказал: вот тебе мыло уже не краденое, а настоящее. Зачем было красть, когда можно и так тебе дать? Он даже премировал вора.

В таком же положении был и я как педагог...

Во время рапорта дежурный говорит: Грищенко украл кошелек у товарища.

— Грищенко, выходи на середину.

Грищенко выходит. Все на него смотрят. Он краснеет. Ему говорят: ты еще новенький, ты привык воровать, у тебя такая привычка. Ты еще один-два раза украдешь.

— Как это я украду? Я больше не украду.

— Нет, увидишь, что еще раз-два украдешь.

Проходят две недели. Опять Грищенко стоит.

— Опять украл?

— Да, украл у товарища.

— А ты задавался, говорил, не украдешь, мы же тебе говорили. А вот теперь ты больше не украдешь, у тебя есть опыт.

Мальчик уверен, что все «предсказания» сбываются, и действительно больше не крадет.

За воровство мы перестали наказывать. Новенький что-нибудь возьмет, и все на него смотрят и говорят: это у тебя не уголовщина, а привычка, которая пройдет. Но вот приходит старший, который пробыл два года в коммуне. Он докладывает, что такой-то не заплатил в трамвае за проезд.

— Как?!

Все вытягивают шеи.

— И что же, ты говорил, что ты беспризорный? Таких надо выгонять из коммуны.

— Может быть, ты снимешь свое предложение?

— Нет, я своего предложения не снимаю.

— Кто за это предложение?

Подымается рук двадцать.

Конечно, его не выгонят; он сидит и переживает.

(4, 260—262)

* * *

*

Активизация общественных начал школьного коллектива и сочетание воспитательных мер и системы взысканий требуют обязательного усиления воспитательного центра в школе. Таким центром может быть только директор, как самое ответственное в школе лицо, как уполномоченный государством руководитель. Наши директора непомерно много уделяют внимания хозяйству, а между тем директор должен прежде всего быть единоличным и абсолютно правомочным воспитателем школы. Все остальные школьные работники должны действовать под его непосредственным руководством и по его прямым указаниям.

В Очень важная мысль! Директор школы не просто профессионал высокого уровня, хороший организатор, аналитик. Он — пример для подражания и для школьников, их родителей, и для учителей, воспитателей. Сегодня директор школы и других образовательных учреждений — специалист широкого профиля, он должен владеть теорией управле-

ния, хорошо знать особенности и возможности педагогического и детского коллективов, видеть перспективы развития своего учреждения.

Он несет ответственность перед родителями, обществом, государством за свою деятельность в соответствии с функциональными обязанностями, закрепленными в законе «Об образовании» и «Типовом положении об общеобразовательных учреждениях». Поэтому каждый руководитель государственного или муниципального образовательного учреждения проходит соответствующую аттестацию. При аттестации обязательно учитываются его инициативность, творчество, умение принимать решения и т.д.

Под руководством директора школы разрабатывается и реализуется образовательная программа конкретного учреждения. Составляя образовательные программы, директор должен учитывать социальный заказ родителей, самих учащихся и общественности на образовательные услуги; исходя из этого вводить вариативные образовательные системы, в том числе коррекционно-развивающую систему для детей, испытывающих трудности в обучении и поведении, различные системы работы со способными, высокомотивированными, талантливыми и одаренными детьми. В разрабатываемой программе должны быть учтены и программы дополнительного образования, которые призваны удовлетворить индивидуальные потребности учащихся с учетом их возможностей и главное — интересов.

Образовательная программа должна отражать применяемые в образовательном процессе новые педагогические и информационные технологии, методики, формы и методы работы с учащимися; определять при необходимости инновационные подходы в работе со школьниками, экспериментальные направления деятельности. Но при этом разработанная программа полностью должна реализовывать образовательные стандарты, сохраняющие единое образовательное пространство в России и регионе.

Важно подчеркнуть также, что образовательное учреждение вправе самостоятельно выбирать формы, средства и методы воспитания и обучения в пределах, определенных законодательством. Поэтому очень важно общественное мнение, мнение педагогического коллектива и органов школьного самоуправления в определении форм работы с детьми и подростками.

Школа во главе с директором самостоятельно разрабатывает и учебный план, являющийся основой организации образовательного процес-

Но педагогическое мастерство директора школы не может заключаться в простом администрировании. Мастерство в том именно и состоит, чтобы, сохраняя строгое соподчинение, ответственность, дать широкий простор общественным силам школы, общественному мнению, педагогическому коллективу, школьной печати, инициативе отдельных лиц и развернутой системе школьного самоуправления.

(4, 206)

са в учреждении, а также систему промежуточной аттестации учащихся. Теперь она самостоятельна в выборе системы оценок, форм, порядка и периодичности промежуточной аттестации обучающихся.

Очень важна роль руководителей школ в вопросе совершенствования методической системы. Сегодня, в период постоянного обновления содержания образования, роль методической службы значительно возрастает: она должна обеспечить непрерывный процесс повышения квалификации учителей, стать экспертом при отборе учебных программ и учебно-методической базы для осуществления учебно-воспитательного процесса в школе, в том числе и авторских учебных программ.

Велика роль руководителей школ и в организации и проведении промежуточной аттестации обучающихся.

Таким образом, мы видим, как расширились функциональные обязанности директора школы, как увеличилась степень свободы деятельности администрации, но при этом значительно увеличилась и ответственность за организацию и проведение учебного и воспитательного процесса, за его результаты.

* * *

Советы коллегам¹

Организация формы (кружка или группы).

А. Если вы уверены в том, что дело у вас пойдет, охотники найдутся, и вам ясна перспектива расширения и углубления работы, то хорошо начинать работу с «треском», одним ударом, т.е. объявить афишей или устно записать в какой-то кружок, но тогда следует сразу же объявить день, час и место первых занятий кружка и с места в карьер начать работу.

Афишу в таких случаях надо делать по возможности яркую и большую. Неплохо повесить даже несколько. Одновременно пустить в газетке статейку о кружке и повести агитацию (беру заказы, выполняю бесплатно, быстро и в любом количестве).

Б. Если форма работы вам мало <знакома> или совершенно незнакома, то ни в коем случае не следует начинать ее по А. Если перспектива работы туманна, настроение к данной форме работы не ясно, то следует начинать по принципу науки, а не искусства, т.е. не детализировать от общего, а обобщать от частности, конкретно и ясно и в процессе самой работы, оную изучая, стараться углублять и расширять работу, выбирать наиболее ценную и интересную цель и, вначале пропуская сквозь пальцы ряд мелочей, на которые следовало бы обратить внимание, постепенно повышать требования (вплоть до ежеминутного подметания пола).

Организацию такого кружка следует начинать с одним-двумя воспитанниками и расширять постепенно без всякой записи, афиш и прочей помпы.

Работа

А. С самого начала работы не навязывайте своих убеждений и мнений и как можно меньше старайтесь лезть с указаниями, дайте полную инициативу и равняйтесь на мнение большинства, стараясь быть образцовым и авторитетным товарищем и помощником всякому в кружке.

Пусть вначале мнение большинства, не количественного, а волевого (кто шибче кричит, как на новгородском вече), даст нежелательный вам уклон, пусть, не ахайте. Как только собьется ядро, актив, сколотится сильно заинтересованная кучка, берите руль и начинайте гнуть беспощадно свою воспитательную линию, подчас диктаторски действуя в отношении «дураков», не понимающих своей пользы, которым словом доказать невозможно или нет времени.

Помните всегда *аксиому*: «Ни один человек в кружке никогда не будет активнее вас самих работать, пока кружком руководите вы, и всегда будут хоть один-два человека, по активности равные вам».

И еще одну: «Актив кружка всегда настолько же заинтересован делом, насколько заинтересован руководя математически».

Б. В процессе работы, индивидуально изучая участников, старайтесь нагрузить каждого по его способностям и никогда не бойтесь перегрузки.

Давши задание, требуйте точного выполнения (запоминайте, что кому вы сказали), и давайте всегда задания по способностям (чтобы мог выполнить при большом напряжении), но никогда не забивайте своим авторитетом инициативу каждого, а, наоборот, старайтесь давать туманное задание, пробуждая таким чином необходимую для расшифровки инициативу.

Внимательно прислушивайтесь к толковым замечаниям и громогласно признавайте свои ошибки. (Я всегда говорю: «Ах, какой я дурак», — и думаю, что авторитет мой от того не падает.)

Многочисленные показы и указы совершенно не действуют, тогда как живой пример действует ураганно. Попробуйте поработать с воспитанниками и не глядеть на них и потом понаблюдайте за работой. Они даже в момент раздумья бессознательно будут водить пальцем за ухом, если вы имеете эту привычку. Неосознанно они воспринимаяют очень сильно.

В. Относитесь ко всем с одинаковым вниманием, но громогласно уважайте по активности, не давайте возможности «горлопанить» активистам, иначе вступление в кружок будет остановлено и самый кружок расползется от «периферии и до центра».

Каждый активист должен быть тихим и не капризничать, в противном случае его необходимо выдворить, и с возможно большим треском, насколько бы он ни был ценным для всего кружка по своим способностям.

Чересчур тихие ребята тоже нехороши.

Г. В процессе работы, считаясь с условиями, старайтесь расширять задания. Если вы вышиваете коврик, то лучше вышить его хоть чуточку лучше, хотя бы для этого потребовалось в 25 раз больше работы. То же самое в отношении спектакля, концерта и пр.

Никогда не забывайте *аксиомы*: «Стремление к красоте, крепко заложенное природой в каждом человеке, есть лучший рычаг, которым можно повернуть человека к культуре». «Бить на красоту, — значит, бить наверняка». «Красота — самый могучий магнит, и привлекает не только красивое лицо или фигура человека, но и красивый поступок, красивый спектакль, красивый концерт, вышивка и даже красивый картонный солдат».

Это не следует забывать. Лучше поставить один красивый концерт, чем восемнадцать отталкивающих, ибо уже на второй из последних нужно будет тянуть административно, а это совсем не достижение для клубной работы.

Отсутствие воли и недостаточность трудового навыка требуют подчас влияния административного характера, но это, по-моему, допустимо лишь в том случае, если оно оправдывается целью (влиянием на массу, массовыми выступлениями) и требует интенсивной работы кружка, какóвую создать иначе не хватает времени (но не может быть, чтобы не было возможности).

Со злостными единичными бузотерами проще всего поступать административно, через завкола (дабы не терять времени), но надо помнить, что это совершенно к достижениям не относится, а как раз навпаки (в области клубной работы).

Иногда возникает необходимость закричать диким голосом и выпялить страшно глаза, но это опять-таки допустимо, по-моему, в целях экономии времени, если она́я экономия нужна для дела.

Лучше всего говорить обыкновенно, спокойно, но настойчиво, не стараться говорить, дабы говорить, и давать высказываться побольше тем, кто говорит поумнее (но не поскладнее).

В *частных случаях* по отношению к «дуракам» или слабовольным совершенно необходимо самое репрессивное и полезное насилие с помощью завкола, но следует пользоваться им осмотрительно, учитывая, здоров ли вполне хлопец, не ленится ли он по причине быстрого физического роста, физического или общего переутомления и слабости.

Каждый воспитатель может смело браться за любой кружок, за любую форму работы (это не агитация, а моя искренняя и глубокая уверенность).

Вы знаете, довольно противно слушать, что Терский спец по клубной работе. Терский знает, как и что, и Терский умеет.

Терский именно всю свою жизнь берется за то, чего он не умеет, и его «недостаток», что у него не идет дело, уж когда-то им сделанное.

И вот, заметьте, всякое дело, которое не умеешь делать, обязательно выйдет, если поднатужиться и добиваться своего во что бы то ни стало, верить так, как верят большевики в революцию, —

обязательно выйдет. Помешать может только землетрясение или ваша смерть.

Организируйте кружок по способу Б, если вы вначале неясно представляете себе, как и что. И дуйте, и дуйте — выйдет.

Вот и вся психология.

Достаньте литературу, облазьте музеи, клубы, пошевелите мозгами, побеседуйте с коллегами, хлопцами, посмотрите, почитайте, послушайте, пощупайте, подумайте, прикиньте, отмерьте, отрежьте, выкиньте, еще отрежьте, еще выкиньте, и еще, и еще, и дуйте, и дуйте.

Обязательно выйдет на-ять.

По-моему, так: если вы делаете дело, которое у вас заведомо выйдет и которое вы уже десять раз делали, то вы только отдаете свои силы и знания и ничего не получаете, а если вы делаете дело, которое вам мало или совсем не знакомо, то вы очень много получаете (во всяком случае больше, чем в любой школе), потому что вас само дело заставляет работать активно, и посему последнее в целях саморазвития гораздо лучше. Возьмитесь вы, например, по способу Б за организацию кружка английского языка. Самоучитель достать пустяк. Начните сами [подготовку] на два дня раньше [начала деятельности] кружка, и всегда будете впереди как объясняющий, лучше и скорее всех научитесь. Вас необходимость заставит научиться... А дело будет живое, я наблюдал, как хлопцы по часу разбирают в библиотеке английские буквы, правописание и пр.

Только надо, чтоб в вас самих горел огонь. Вы смотрите: ну какое же мертвое дело стенография, а в условиях колонии им. Горького привлекало десятки первокурсников, которые явно ни бельмеса не понимали и все-таки с охотой и добровольно посещали Збировского, потому что последний верил, дул, дул и выдул.

За всяким советом и помощью технической, пожалуйста, обращайтесь ко мне.

Если вам нужно что-нибудь нарисовать — пожалуйста.

И кроме того: кто искренне базируется в своей неуверенности на неумении рисовать, записывайтесь немедленно в художественный кружок, и я вам обещаю, что через месяц вы рисовать будете, хотя вам казалось, что у вас абсолютно нет никаких способностей (только при вступлении вы обязуетесь точно выполнять все те посильные задания «с перегрузочкой», какие вам будут даны).

Художественный кружок, как кружок, именно теперь по некоторым условиям начинает работать с самого начала. Если вы сейчас не запишетесь, будет поздно — мы уйдем вперед и больше начинать уже не будем, хоть гром греми.

Вообще о методике клубной работы говорить можно долго, а писать нет времени, так что кто интересуется, пожалуйста — я всегда свободен.

Все почти новые формы клубной работы я представляю себе лабораторно-производственными с целевой установкой на игру или другое культурное развлечение, и поэтому весьма возможно, что некоторые из них сольются в мастеркой ИЗО, сиречь свободной мастерской. Ежели на эту именно мастерскую будет хорошее большое помещение и на оборудование достаточно средств, то, по-моему, небывалый успех неминуем, а через год-полтора и достоящая мастерская.

По распределению форм клубной работы между воспитателями необходимо сейчас же выработать твердое расписание клубных занятий для увязки работы некоторых кружков, оркестра и гарантии работы минимум один час.

Для формы работы весьма трудно брать такие громкие всеобъемлющие темы, как кружок культурного рабочего. Это должны представить в сумме все кружки, ибо иначе могут получиться нудные поучения и подтягивание в административном порядке, и внушают такие кружки слабым робость. Надо прежде всего внушить, что клубзанятия — приятное, полезное и интересное отдохновение, и на этой почве строить как можно более ценные пункты клубной работы.

Языком болтать надо умеренно и не больше примерно одной пятой всего времени занятий кружка, а самое главное — всему подколлективу в этом направлении надо работать дружно и самим предлагать помощь друг другу, не ожидая зова, ибо иной раз неудобно просить, думаешь, устал человек, чего его тревожить.

(1, 65—67)

ПЕДАГОГИКА РЕАЛЬНОГО ГУМАНИЗМА

Вечерами в спальнях мы часто устраивали общие чтения. У нас с первого дня образовалась библиотека, для которой книги я покупал и выпрашивал в частных домах. К концу зимы у нас были почти все классики и много специальной политической и сельскохозяйственной литературы. Удалось собрать в запущенных складах губнаробраза много популярных книжек по разным отраслям знания. Читать книги любили многие колонисты, но далеко не все умели осиливать книжку. Поэтому мы и вели общие чтения вслух, в которых обыкновенно участвовали все. Читали либо я, либо Задоров, обладавший прекрасной дикцией. В течение первой зимы мы прочитали многое из Пушкина, Короленко, Мамина-Сибиряка, Вересаева и в особенности Горького.

Горьковские вещи в нашей среде производили сильное, но двойственное впечатление. Карабанов, Таранец, Волохов и другие восприимчивее были к горьковскому романтизму и совершенно не хотели замечать горьковского анализа. Они с горящими глазами слушали «Макара Чудру», ахали и размахивали кулаками перед образом Игната Гордеева и скучали над трагедией «Деда Архипа и Леньки». Карабанову в особенности понравилась сцена, когда старый Гордеев смотрит на уничтожение ледоходом своей «Боярыни». Семен напрягал все мускулы лица и голосом трагика восхищался:

— Вот это человек! Вот если бы такие все люди были!

С таким же восторгом он слушал историю гибели Ильи в повести «Трое»:

— Вот молодец, так молодец! Вот это смерть: головою об камень...

Митягин, Задоров, Бурун снисходительно посмеивались над восторгом наших романтиков и задирали их за живое:

— Слушаете, олухи, а ничего не слышите.

— Я не слышу?

— А то слышишь? Ну, чего такого хорошего — головою об камень? Илья этот самый — дурак и слякоть... Какая-то там баба скривилась на него, так он и слезу пустил. Я на его месте еще б одного купца задавил, их всех давить нужно, и твоего Гордеева тоже.

Обе стороны сходились только в оценке Луки «На дне». Карабанов вертел башкой:

— Нет, такие старикашки — вредные. Зудит-зудит, а потом взял и смылся, и нет его. Я таких тоже знаю.

— Лука этот умный, стерва, — говорит Митягин. — Ему хорошо, он все понимает, так он везде свое возьмет: там схитрит, там украдет, а там прикинется добрым. Так и живет.

Сильно поразили всех «Детство» и «В людях». Их слушали, затаив дыхание, и просили читать «хоть до двенадцати». Сначала не верили мне, когда я рассказал действительную историю жизни Максима Горького, были ошеломлены этой историей и внезапно увлеклись вопросом:

— Значит, выходит, Горький вроде нас? Вот, понимаешь, здорово!

Этот вопрос их волновал глубоко и радостно.

Жизнь Максима Горького стала как будто частью нашей жизни. Отдельные ее эпизоды сделались у нас образцами для сравнений, основаниями для прозвищ, транспарантами для споров, масштабами для измерения человеческой ценности. Когда в трех километрах от нас поселилась детская колония имени В.Г. Короленко, наши ребята недолго им завидовали. Задоров сказал:

— Маленьким этим как раз и хорошо называться Короленками. А мы — Горькие.

И Калина Иванович был того же мнения.

— Я Короленко этого видав и даже говорив с ним: вполне приличный человек. А вы, конечно, и теоретически босяки и прахтически.

Мы стали называться колонией имени Горького без всякого официального постановления и утверждения. Постепенно в городе привыкли к тому, что мы так себя называем, и не стали протестовать против наших новых печатей и штампов с именем писателя. К сожалению, списаться с Алексеем Максимовичем мы не смогли так скоро, потому что никто в нашем городе не знал его адреса. Только в 1925 году в одном иллюстрированном еженедельнике мы прочитали статью о жизни Горького в Италии; в статье была приведена итальянская транскрипция его имени: Massimo Gorky. Тогда наудачу мы послали ему первое письмо с идеально лаконическим адресом: Italia. Massimo Gorky.

Горьковскими рассказами и горьковской биографией увлекались и старшие и малыши, несмотря на то что малыши почти все были неграмотны.

Малышей, в возрасте от десяти лет, у нас было человек двенадцать. Все это был народ живой, пронырливый, вороватый на мелочи и вечно донельзя измазанный. Приходили в колонию они всегда в очень печальном состоянии: худосочные, золотушные, чесоточные. С ними без конца возилась Екатерина Григорьевна¹, добровольная наша фельдшерица и сестра милосердия. Они всегда липли к ней, несмотря на ее серьезность. Она

умела их журить по-матерински, знала все их слабости, никому не верила на слово (я никогда не был свободен от этого недостатка), не пропускала ни одного преступления и открыто возмущалась всяким безобразием.

Но зато она замечательно умела самыми простыми словами, с самым человеческим чувством поговорить с пацаном о жизни, о его матери, о том, что из него выйдет — моряк, или красный командир, или инженер; умела понимать всю глубину той страшной обиды, какую проклятая, глупая жизнь нанесла пацанам. Кроме того, она умела их и подкармливать: втихомолку, разрушая все правила и законы продовольственной части, легко преодолевала одним ласковым словом свирепый педантизм Капины Ивановича.

Старшие колонисты видели эту связь между Екатериной Григорьевной и пацанами, не мешали ей и благодушно, покровительственно всегда соглашались исполнить небольшую просьбу Екатерины Григорьевны: посмотреть, чтобы пацан искупался как следует, чтобы намылился как нужно, чтобы не курил, не рвал одежды, не дрался с Петькой и так далее.

В Приемственность поколений, разновозрастные общности детей и подростков помогают формировать понятия общечеловеческих ценностей, духовно-нравственных начал, гражданственности и патриотизма.

В значительной мере благодаря Екатерине Григорьевне в нашей колонии старшие ребята всегда любили пацанов, всегда относились к ним как старшие братья: любовно, строго и заботливо.

(3, 57—59)

Любой малыш нуждается в старшем брате, друге или опекуне, а старшие ребята — в подопечном малыше. Поэтому велика роль общеобразовательной школы, позволяющей осуществлять разновозрастное воспитание.

Однако в настоящее время, в период реформирования образования, наблюдается тенденция создания начальных школ или комплексов «детский сад-школа». Таким образом, дети младшего возраста изолируются от учащихся среднего и старшего звена. Сторонники этого разделения утверждают, что в этой ситуации удобнее создавать условия для обучения и воспитания малышей, удобнее организовывать учебно-воспитательный процесс. Трудно окончательно судить об эффективности и полезности этого разъединения, но с точки зрения воспитания налицо проигрыш.

* * *

Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы. Сначала нужно организовать самую радость, вызвать ее к жизни

и поставить как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво превращать более простые виды радости в более сложные и человечески значительные. Здесь проходит интересная линия: от примитивного удовлетворения каким-нибудь пряником до глубочайшего чувства долга.

Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий свое поведение самой близкой перспективой, сегодняшним обедом, именно сегодняшним, есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далекой, он может представляться сильным, но он не вызывает у нас ощущения красоты личности и ее настоящей ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше.

Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость. Можно

ВВ *Педагогическое творчество А.С.Макаренко проникнуто гуманным отношением к каждому ребенку. Сделать его счастливым, подарить ему радость сегодня и радость завтрашнего дня — вот что постоянно заботило Антона Семеновича. Он верил в человека, поражает его святая вера в неограниченные возможности своих воспитанников. Его педагогическая теория, практическая работа представляют собой образец гуманистической педагогики.*

написать целую методику этой важной работы. Она заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной подстановке более ценных. Начинать можно и с хорошего обеда, и с похода в цирк, и с очистки пруда, но надо всегда возбуждать к жизни и постепенно расширять перспективы целого коллектива, доводить их до перспектив всего Союза.

Один из последователей учения Макаренко педагог-новатор В.А.Сухомлинский утверждал: «Поменьше трескучих фраз о любви к человеку вообще, побольше конкретных дел, сердечного участия в жизни, в творении радостей». Как же близки основополагающие положения педагогической теории двух великих педагогов-гуманистов!

Большое внимание А.С.Макаренко уделял воспитанию коллектива, но вместе с тем он постоянно ставил и решал задачу развития творческой индивидуальности воспитанника. Всей своей педагогической деятельностью Антон Семенович утверждал, что не может быть абстрактного воспитанника. Для него это было особенно важно, так как он имел дело с обездоленными, трудными подростками. В годы гражданской войны, в годы всеобщей разрухи в стране А.С.Макаренко берет за самое трудное, за спасение обездоленных детей. И ему это удалось!

Поэтому у него были последователи и ученики. Уверена, что и сегодня основные идеи его педагогической теории, его концепции воспитательной работы известны большинству учителей и воспитателей, а многие из них являются его поклонниками и продолжателями.

Сейчас идеи гуманной педагогики так же актуальны, как были они актуальны на любом этапе развития отечественной теории воспитания, обучения и развития подрастающего поколения. Недаром одним из основных принципов дальнейшего развития образования в нашей стране в период его реформирования является его гуманизация.

Что такое гуманизм? В широком смысле слова — исторически изменяющаяся система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, радость, достойную жизнь. Гуманный подход к человеку и особенно к ребенку обязательно создает условия для проявления его индивидуальных способностей, воспитания и развития в нем качеств доброты и справедливости, желания помочь другим.

В школу приходят дети с разным уровнем умственного и физического развития, поэтому очень важно выбрать такую образовательную программу, которая более всего в данном периоде подходила бы для ребенка. Но этого мало, нужно еще определиться и с выбором педагогических технологий, направленных на получение положительных результатов обучения и воспитания школьников. И в этой связи заслуживает особого внимания «уровневая дифференциация». Ее суть состоит в том, что предъявляется различный уровень требований к школьникам при усвоении учебного материала. Такой гуманный подход мотивирует учебную деятельность детей, что позволяет, в свою очередь, постепенно поднимать планку требовательности к обучающимся.

Вариативные образовательные программы, новые формы обучения, индивидуализация и дифференциация образовательного процесса, система, обеспечивающая реализацию программ дополнительного образования, различные подходы к оцениванию достижений ребенка, отход от авторитарных методов работы с учащимися — все это вместе взятое позволяет реализовать принцип гуманизации образовательного процесса, т.е. такого процесса, который бы позволил учащимся саморазвиваться и самореализовываться, воспитывать подрастающее поколение высоко нравственным, культурным, человеколюбивым.

Как бы там ни было, но гуманизация образования в столичном регионе стала реальным фактом. Педагогическая теория и практический опыт А.С.Макаренко приобретают все более высокий удельный вес в решении этой проблемы.

Ближайшей коллективной перспективой после завоевания Кураяжа сделался праздник первого снопа.

Но я должен отметить один исключительный вечер, сделавший почему-то переломным в трудовом усилии кураяжан. Я, впрочем, не рассчитывал на такой результат, я хотел сделать только то, что необходимо было сделать, вовсе не из практических намерений.

Новые колонисты не знали, кто такой Горький. В ближайшие дни по приезде мы устроили вечер Горького. Он был сделан очень скромно. Я сознательно не хотел придавать ему характер концерта или литературного вечера. Мы не пригласили гостей. На скромно убранной сцене поставили портрет Алексея Максимовича.

Я рассказал ребятам о жизни и творчестве Горького, рассказывал подробно. Несколько старших ребят прочитали отрывки из «Детства». Новые колонисты слушали меня, широко открыв гла-

за: они не представляли себе, что в мире возможна такая жизнь. Они не задавали мне вопросов и не волновались до той минуты, пока Лапоть не принес папку с письмами Горького.

— Это он написал? Сам писал? Он писал колонистам? А ну, покажите...

Лапоть бережно обнес по рядам развернутые письма Горького. Кое-кто задержал руку Лаптя и постарался глубже проникнуть в содержание происходящего.

— Вот видишь, вот видишь: «Дорогие мои товарищи». Так и написано...

Все письма были прочитаны на собрании. Я после этого спросил:

— Может, есть желающие что-нибудь сказать?

Минуты две не было желающих. Но потом, краснея, на сцену вышел Коротков и сказал:

— Я скажу новым горьковцам... вот, как я. Только я не умею говорить. Ну, все равно. Хлопцы! Жили мы тут, и глаза у нас есть, а ничего мы не видели... Как слепые, честное слово. Аж досадно — сколько лет пропало! А сейчас нам показали одного Горького... Честное слово, у меня все на душе перевернулось... не знаю, как у вас...

Коротков придвинулся к краю сцены, чуть-чуть прищурил серьезные красивые глаза:

— Надо, хлопцы, работать... По-другому нужно работать... Понимаете?

— Понимаем! — закричали горячо пацаны и крепко захлопали, провожая со сцены Короткова.

На другой день я их не узнал. Отдуваясь, кряхтя, вертя головами, они честно, хотя и с великим трудом, пересиливали извечную человеческую лень. Они увидели перед собой самую радостную перспективу: ценность человеческой личности.

(3, 397—398)

* *

*

В *Беседуя со своими коллегами о педагогическом наследии А.С.Макаренко, часто слышишь, что его теория в основном касается вопросов воспитания, что он не останавливается на проблемах обучения своих воспитанников.*

Это не совсем так. Макаренко пишет, что они давали детскому или юношескому коллективу раб-

Многое уже прошло, и многое забывается. Давно забылся и первобытный героизм, блатной язык и другие отрывки. Каждую весну коммунарский рабфак выпускает в вузы десятки студентов, и много десятков их уже подходит к окончанию вуза: будущие инженеры, врачи, историки, геологи, летчики, судостроители, радисты, педагоги, музыканты, актеры, певцы. Каждое лето собирается эта интеллигенция в гости к своим рабочим братьям: токарям, револьверщикам,

фак, завод, план, зарплату, обязанности, работу и право ответственности. Проблему воспитания колонистов Антон Семенович решал в тесном взаимодействии с проблемой воспитания человека трудом. Он считал, что очень важно подготовить подростка к активной

трудовой деятельности, причем под трудом он подразумевал не только физический, но и интеллектуальный труд, то есть учебу. Его воспитанники были либо малограмотными, либо совсем безграмотными. Прекрасно понимая роль знаний, грамотности, культуры и образованности в будущей трудовой деятельности воспитанников, в дальнейшей жизни, Антон Семенович обеспечивает всеобщее образование через рабфак. Но он на этом не останавливается. Если он видит в колонистах способности к интеллектуальному труду, то убеждает их получать высшее образование. Многие бывшие воспитанники колонии стали инженерами, врачами, летчиками, педагогами, артистами и др.

Последователь и ученик А.С.Макаренко педагог-новатор В.А.Сухомлинский развил данное положение. В своей концепции трудового воспитания он утверждает, что подлинное трудолюбие формирует не только физический, но и умственный труд, учебная деятельность.

Но и в коммуне, и в летнем походе, и в те дни, когда «искрит», и в дни, когда тихо плещется трудовая жизнь коммунаров, то и дело выбегает на крыльцо круглоголовый, ясноокий пацан, задирает сигналку к небу и играет короткий сигнал «сбор командиров». И так же, как давно, рассаживаются командиры под стенами, стоят в дверях любители, сидят на полу пацаны. И так же ехидно-серьезный ССК говорит очередному неудачнику:

— Выйди на середину!.. Стань смиренно и давай объяснение, как и что!

И так же бывают разные случаи, так же иногда топорщатся характеры, и так же временами, как в улье, тревожно гудит коллектив и бросается в опасное место. И все такой же трудной и хитрой остается наука педагогика.

Но уже легче. Далекий, далекий мой первый горьковский день, полный позора и немощи, кажется мне теперь маленькой-маленькой картинкой в узеньком стеклышке праздничной панорамы. Уже легче.

(3, 450)

* * *

Я убежден, что в будущем в педагогических вузах обязательно будет преподаваться и постановка голоса, и поза, и владение своим организмом, и владение своим лицом, и без такой работы я не представляю себе работы воспитателя. Конечно, постановка

голоса имеет значение не только для того, чтобы красиво петь или разговаривать, а чтобы уметь наиболее точно, внушительно, повелительно выражать свои мысли и чувства. Все это вопросы воспитательной техники.

Например, относительно голоса — как нужно делать выговор, в каких границах вы имеете право показать свой гнев или негодование, имеете ли право показать или не имеете права, и если имеете право, то как вы должны показать. Это постоянное действие воспитателя и есть воспитание. Воспитанник воспринимает вашу душу и ваши мысли не потому, что знает, что у вас в душе происходит, а потому, что видит вас, слушает вас. Если мы идем в театр и любимемся актерами, которые играют прекрасно, то там эта игра — наше эстетическое наслаждение, а здесь воспитанник имеет перед собой такой же живой организм, но не играющий, а воспитывающий.

Я не могу долго останавливаться на этом вопросе. Важно, что воспитатель должен быть активно действующим организмом, сознательно направленным на воспитательную работу.

Во-вторых, ни один воспитатель не имеет права действовать в одиночку, на свой собственный риск и на свою собственную ответственность. Должен быть коллектив воспитателей, и там, где воспитатели не соединены в коллектив и коллектив не имеет единого плана работы, единого тона, единого точного подхода к ребенку, там не может быть никакого воспитательного процесса. Поэтому лучше иметь 5 слабых воспитателей, объединенных в коллектив, воодушевленных одной мыслью, одним принципом, одним стилем и работающих едино, чем 10 хороших воспитателей, которые работают все в одиночку, как кто хочет.

Здесь может быть очень много всяких искривлений. Вы, наверно, знаете такое явление, как явление любимого учителя. Я учитель в школе, и я воображаю, что я любимый учитель, а все мои коллеги — нелюбимые. Незаметно для самого себя я веду определенную линию. Меня любят, я стараюсь заслужить любовь, я стараюсь понравиться воспитанникам. Вообще, я любимый, а те — нелюбимые.

Какой это воспитательный процесс? Человек уже выбил себя из коллектива. Человек вообразил, что его любят, и поэтому он может работать так ему нравится и как он хочет.

Я уважал своих помощников, а у меня были просто гении в воспитательной работе, но я их убеждал, что меньше всего нужно быть любимым воспитателем. Я лично никогда не добивался детской любви и считаю, что эта любовь, организуемая педагогом для собственного удовольствия, является преступлением. Может быть, некоторые коммунары меня и любят, но я полагал, что 500 человек, которых я воспитываю, должны выйти гражданами и настоящими людьми, зачем же к этому еще прибавлять какую-то припадочную любовь ко мне дополнительно к моему плану.

Это кокетничанье, эта погоня за любовью, эта хвастливость любовью приносят большой вред воспитателю и воспитанию. Я убедил себя и своих товарищей, что этого привеска... не должно быть в нашей жизни...

Пусть любовь придет незаметно, без ваших усилий. Но если человек видит цель в любви, то это только вред... Если он любви воспитанников не добивается, то он может быть требовательным и справедливым и по отношению к воспитанникам, и по отношению к самому себе.

Такой коллектив воспитателей, объединенный общим мнением, убеждением, помощью друг друга, свободный от зависти друг другу, свободный от индивидуальной и личной погони за любовью воспитанников, только такой коллектив и может воспитывать детей. Поэтому я горячо приветствую напечатанное в газетах сообщение, что у вас в Наркомпросе сейчас серьезно поставлен вопрос об увеличении влияния и власти директоров школ и заведующих учебной частью. Это будет способствовать увеличению коллективности в работе педагогов.

Недавно мне прислали из редакции издательства «Советский писатель» рукопись, написанную одним московским педагогом. В этой рукописи изображается учительница, работающая в школе, изображается учебный год, педагогический состав, ученики и она. Книга написана от первого лица.

В «Советском писателе» мнения по поводу этой рукописи разделились. Одни сказали, что это пошлость, а другие сказали, что это замечательная книга; меня выбрали арбитром.

Если книгу и следовало бы издать, то только с одной целью. Там выведена такая отвратительная фигура учительницы, что, собственно говоря, очень полезно, чтобы люди читали и видели, какой не должна быть учительница. Но автор в восторге от этой учительницы.

Это педагогическая бестия, которая только и занимается тем, что гоняется за «любовью» воспитанников. И родители там все ужасные, она их не называет иначе, как «папаши» и «мамаши», с глубоким презрением, — «родители — это серая семья», а она, видите ли, педагог. Все учителя также отрицательные: один задавлен своей гордостью, другой ничем не интересуется, третий — интриган, четвертый — ленив; директор бездеятелен и туп. Одна она гениальна.

При этом все написано в самом мерзком вульгарном тоне.
(4, 172—173)

* * *

*

И не нужно говорить об идеалах, о добре, о совершеннейшей личности, о совершеннейшем поступке, мы должны мыслить всегда прозаически, в пределах практических требований нашего сегодняшнего, завтрашнего дня. И чем ближе мы будем к про-

стой прозаической работе, тем естественнее и совершеннее будут и наши поступки. Я думаю, что не может быть идеального совершенства в вопросах этики. Я переживал очень много сложных коллизий в своей педагогической работе как раз в работе совершенства. Возьмем такой простой вопрос: пить водку можно или нельзя? Христианин обязательно скажет: нельзя. Полное воздержание, водка — зло, не пей. И вот этот максимум при всей прочей христианской инструментровке, он кажется даже близкостоящим к какому-то серьезному требованию. И рядом тут же всепрощение, полная нетребовательность к человеку. И максимум висит в воздухе. В нашей этике не может быть такого максимума. Ничего не может быть свято, если это святое не идет навстречу интересам нашей революции.

Ко мне приходили ребята. Редко когда они приходили без бутылки водки в кармане. Эта беспризорная шпана больше пила, чем ела. Как это он придет в коммуны и не похвастается, что он пьет водку. И были такие люди среди них, которые приходили ко мне в 16—17 лет и они уже привыкли пьянствовать. Что с ними делать? Вот в нашей советской современной школе есть подобный, хотя и более мелкий, вопрос — курение. Курят ученики V, VII, X классов. Что мы — педагоги — делаем? Мы говорим с чисто христианским выражением на лице «нельзя курить», а они курят. Что мы дальше должны делать? Выгонять из школы? Нет. Та же наша христианская душа не позволит выгнать из школы за курение, эта же христианская душа запрещает курить и не может выгнать за курение. И естественный результат — курят, только не открыто при вас, а в уборной, в отхожем месте, т.е. в самых вредных условиях. Что делать? Как бороться? Надо же решить, а мы его решить не можем и делаем вид, что все у нас благополучно. Мы запрещаем курить. Ребята курят, получают полное удовольствие, а мы не видим, мы ничего не знаем, все благополучно. Но это еще курение. Ну, а водка? У меня были ребята, которые привыкли пить водку и которые иногда из отпуска приходили пьяные и потом сидели у меня в кабинете и плакали на моем плече. Что, мне легче от того, что он будет каждый выходной день плакать? Выгонять тоже нельзя. Я, конечно, по секрету от педагогического начальства вынужден был заняться этим вопросом с точки зрения коммунистической этики. Что мне делать? Выгонять? Куда же его выгонять? У меня последняя стадия его развития, и я знаю, что если я буду сидеть на этой христианской двурушнической позиции, то он будет у меня жить 5 лет, 5 лет будет пить и будет пьяницей. И мы все знаем, товарищи педагоги, что у нас дети живут до 18 лет, потом выходят в жизнь, а в жизни они будут пить водку. Мы считаем это нормальным. Пусть он пьет после 18 лет, я за него не отвечаю. А я не мог так поступить. Потому что главной моей задачей было не образование, а воспитание.

Что я делал? Я пришел к выводу, что я должен был научить их пить водку. Я их приглашал к себе домой, завхоз покупал вод-

ку, я ставил на стол закуску, приборы, клал салфетки, ножи, вилки, все очень культурно, я собирал 8—10 человек «отъявленных пьяниц» в 11 часов вечера, когда уже все легли спать, и говорил им: «Строгий секрет, никто не должен знать о нашем пире. Никто». — «Будьте покойны». Они уже перепуганы этой обстановкой. А я говорю: «Буду учить вас пить водку и дам вам следующий совет. Вот три правила: на голодный желудок не пей; второе правило — закусывай. Повторите. И третье правило — знай, когда нужно остановиться, на какой рюмке, чтобы не потерять лицо человека». Это, говорят, хорошие правила.

«Ну, давай сделаем первое упражнение».

Налили по рюмке. Выпили, закусили. Есть такие, спрашиваю, которые считают, что нужно остановиться на первой? Нет, говорят, таких нет. Выпили по второй, по третьей. Я говорю: «Проверьте себя, вы себя знаете». И вот кое-кто говорит: «Нужно остановиться». Но были такие храбрецы, которые на десятой остановились. «Ну, теперь идите спать!» И все трезвые. Они уважали меня и понимали, что я делаю дело.

А вот наше российское дело: где-нибудь в переулке перевернуть литр, упасть и тут же заснуть у парадного крыльца.

Через неделю, через месяц спрашиваю: «Будете помнить мои правила?» — «Спасибо, сердечное вам спасибо, — говорят. — Будем всегда ваши правила помнить. В голову нам не приходило, что и в этом деле нужна культура и можно чему-нибудь научиться. Когда пойдешь в город и купишь бутылку, нужно ведь ее всю выпить, куда же девать остаток. Закусывать? Где будешь закусывать? И поэтому все так и делается неправильно. Пьешь — и все». И человек 50 за свою жизнь я вот так научил пить водку. У меня не было другого выхода. Я только в этом году стал рассказывать об этом, а то делал это в секрете.

Когда, например, в гости приезжает какой-нибудь капитан Красной Армии, ну, поставишь графинчик, закуску. И он говорит: «Всегда на шестой останавливаюсь. Всю жизнь буду помнить».

Товарищи, я к чему это рассказываю? Если бы я был христианин и захотел бы балансировать, жонглировать этикой, они бы у меня вышли пьяницами и теперь они были бы несчастные люди.

В колонии им. Горького, когда я еще не научился сам, как их исправлять, был у нас Лапотъ, замечательная личность, блестящий характер, блестящая натура, а спился. Не научил я его пить. Из-за пустяка спился. Влюбился в красивую девушку, женился, а он сам некрасивый. Какая же гарантия, что такая женщина не будет тебе изменять? А он нарвался на легкомысленную особу. Он человек больших чувств — запил. И теперь пьет. Я уже его взял в руки, я его отправил в колонию к Калабалину.

(4, 334—335)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Товарищи, я вас должен предупредить, что в сегодняшнем моем сообщении не могу быть совершенно беспристрастным. Видите ли, тема нашей беседы «Художественная литература о воспитании беспризорных и безнадзорных» для меня очень близка, так как в разработке этой темы я сам участвовал не только литературно, но и педагогически, будучи рядовым работником жизненного фронта. В связи с этой работой у меня сложились определенные взгляды, если хотите, определенные доктрины по вопросу, как должно быть организовано коммунистическое воспитание.

В решении этой задачи комплекс моих мнений, опыта, педагогических убеждений сложился так крепко, что из-за какой бы то ни было деликатности или даже товарищеской уступчивости я не могу поступиться на одной буквой. Поэтому я в таком для меня близком вопросе, в вопросе моей жизни, могу быть только сугубо пристрастным. За это я заранее прошу у вас прощения.

Литература о воспитании у нас в Союзе не так еще велика, художественная литература в особенности, и, прежде всего, мы должны отметить в ней одно удивительное явление.

У нас написано несколько книг о воспитании трудных детей, о воспитании правонарушителей. Вы знаете хорошо нашу литературу; вспомните более или менее замечательные явления в литературе о детях — это почти исключительно книги о работе с правонарушителями. Художественных книг вообще о воспитании, даже о воспитании тех же беспризорных, но не правонарушителей, а так называемых нормальных детей, вы, пожалуй, вспомните очень мало.

Почему у нас такое исключительное внимание к так называемым правонарушителям? Можно было бы подумать, что общество и писатели особенно заинтересовались именно воспитанием правонарушителей. Однако этого на самом деле нет. Мы одинаково интересуемся и воспитанием правонарушителей, и воспитанием нормального детства. Все эти вопросы для нас чрезвычайно важны, чрезвычайно сложны и даже дороги.

Почему же художественная литература особенно сконцентрирована только на теме о правонарушителях? Это произошло по

причинам не педагогическим, не связанным с педагогической методикой. Это произошло потому, что как раз в этом пункте наиболее ярко сказалось основное отличие нашего общества от общества буржуазного, дореволюционного. Именно в отношении к несовершеннолетнему человеку, который может считаться врагом общества, в отношении к ребенку, который может стать бандитом, который нарушает право, совершает преступления, ворует, даже убивает, — в отношении к такому ребенку наше общество стоит на диаметрально противоположной позиции, чем общество буржуазное или наше дореволюционное. Здесь сказывается наша основная позиция по отношению вообще к человеку.

Мы знаем, какие основания имеются для преступности в буржуазном мире. Таких оснований у нас в Советском Союзе нет. Поэтому если человек совершает преступление, то для нас совершенно ясно, что это зло можно вырвать, победить, ибо этого зла в самом обществе не может быть. Отсюда и проистекает совершенно исключительное ярко выраженное наше отношение к правонарушителю только как к объекту воспитания, как к человеку, который должен быть переделан, а не как к преступнику, требующему изоляции. Вот поэтому-то у нас и наблюдается в жизни очень много различных методов воспитания. Одним из таких методов была литература, посвященная правонарушителям.

Но были попытки и не столь положительные. Человеческое отношение к преступнику, уважение личности человека даже в преступнике, уверенность, что из каждого человека можно выработать члена общества, иногда у некоторых людей приобретает характер любования преступником. Это в особенности заметно в так называемой халтурной литературе, или халтурной кинематографии, или в театре, где иногда беспризорный или преступник перестает быть объектом культуры, где [автор], ищущий в нем те черты, которые можно назвать человеческими, перестает их искать, а преступник становится объектом любопытства и некоторого любования. Почему? Потому что он ищет либо отражения в этом романтичности вкуса, либо сентиментальности, отражающей его вкус, чего как раз в фигуре правонарушителя или беспризорника нет. В некоторых наших книгах автор интересуется не серьезным вопросом о характере человека, а только тем, насколько любопытна, насколько необычайна, остроумна эта маленькая фигура преступника.

Я посвятил работе с малолетними преступниками 17 лет и знаю, что это не только тяжелый труд, но и труд, который меньше всего может быть связан с удовлетворением каких-то моих вкусов к приключениям или к сентиментам или вкуса к романтизму. Но я, так же как и все другие работники в этой области, знаю, что ничего особенно эстетического, на чем можно было бы остановиться, у беспризорных и у преступников нет.

Каждый правонарушитель представляет собой явление отрицательное, со всеми деталями, присущими отрицательному явлению.

нию. И наблюдать беспризорного настоящему, живому человеку, культурному человеку никакого удовольствия доставить не может. Следовательно, с точки зрения эстетики, фигура беспризорника должна быть решительно отброшена. Она может представлять интерес только с точки зрения педагогической: как из беспризорного, из нарушителя воспитать настоящего нового человека.

Прежде всего посмотрим, как этот вопрос разрешается в педагогике, иначе мы не сможем проверить нашу художественную литературу; не будем здесь вдаваться в особенно большие глубины педагогики, скажем только несколько слов.

Волей нашей партии уничтожена педология¹. Педология представляла особое направление, так называемое теоретическое, и педологическая мысль являлась враждебным направлением по отношению не только к нашим нуждам, но и к нашей чести, и к нашей преданной работе.

Что утверждала педология, и не только педология, а вообще педологическое направление? Педологическое направление было не только в самой педологии, оно затягивало очень много умов, которые воображали, что никакого отношения к педологии не имели. Педология затягивает даже сейчас много умов, когда формально педология не существует.

Основное, что характеризует педологию, — это определенная система логики. Система такая: надо изучать ребенка. Изучая его, мы что-то найдем, а из того, что мы найдем, сделаем выводы. Какие выводы? Выводы о том, что с этим ребенком нужно делать. Вот основная логика педологического направления.

Здесь метод работы с ребенком, метод воспитания должен быть выведен из изучения ребенка, при этом не всего детства в целом, а всего детства в целом и каждого отдельного ребенка и отдельного типа ребенка. Таким образом, сделан был вывод, что поскольку это изучение должно привести нас к разным картинам [личности], то и метод воспитания должен быть разный. Один ребенок оказался одним, его нужно так воспитывать, изучили другого — он оказался другим, его нужно воспитывать иначе, третьего — тоже иначе, и так сколько детей — столько методов.

Педологи нашли очень много групп детей — и умственно отсталых, и социально запущенных, и трудных детей, и правонарушителей и т.д.

Отсюда очень недалеко до чисто фашистской теории, утверждающей, что между расами существуют умственные различия, что отдельным расам предопределены и отдельные судьбы. Естественно, что раз отдельные исторические судьбы, то и метод воспитания у немцев должен быть один, у славян — другой, у негров — третий.

Эта теория близка к теории Ломброзо², который утверждал, что люди рождаются с преступными наклонностями. Педология в конце концов только и могла прийти к такому заключению, что в самой человеческой натуре, в самом ребенке, в биологиче-

ской картине его личности и характера заключаются такие различия, такие особенности, которые должны привести и к особым, отдельным методам для его воспитания.

Повторяю, педологическая логика затягивает не только тех людей, которые себя формально называли педологами, но и очень много людей, считающих совершенно честно, что они не педологи. Вывести педагогический метод из рефлексологии, из психологии, из экспериментальной психологии, вывести данный метод из обстоятельств данной личности — это и есть педологическое направление.

Необходима другая логика, которая метод педагогики выводит из наших целей.

Мы знаем, каким должен быть наш гражданин, мы должны прекрасно знать, что такое новый человек, какими чертами этот человек должен отличаться, какой у него должен быть характер, система убеждений, образование, работоспособность, трудоспособность, мы должны знать все, чем должен отличаться, гордиться новый, наш, социалистический, коммунистический человек.

Раз мы это знаем, раз мы честные педагоги, мы должны стремиться всех людей, всех детей воспитывать в наибольшем приближении к этому нашему коммунистическому идеалу. Вот откуда должна исходить наша практическая педагогика. Она должна исходить из наших политических нужд и при этом диалектически, критически. Она должна исходить из нужд не только настоящего, а из нужд нашего социалистического строительства, из нужд коммунистического общества.

Предположим, раньше говорили, что нужно воспитывать гармоническую личность³. Это тоже была какая-то цель, но цель вне времени и пространства, цель вообще идеального человека, а мы должны воспитывать гражданина Советского Союза. В нашу великую эпоху мы должны воспитывать наиболее полноценного гражданина, достойного этой эпохи.

Вот из этой нашей священной цели, наиболее простой и практической цели, мы должны выводить метод воспитания. А знание психологии, знание детской души, знание каждого отдельного человека только поможет нам приложить наш метод наиболее удобно в одном случае, несколько отлично — в другом.

Кто из вас читал «Педагогическую поэму», тот знает, что в 3-й части изображен мой последний бой с представителями педологической теории⁴. Я в книге тогда не называл их педологами, но речь идет как раз о педологах. Они мне говорили в этом последнем сражении:

«Товарищ Макаренко хочет педагогический процесс построить на идее долга. Правда, он прибавляет слово «пролетарский», но это не может, товарищи, скрыть от нас истинную сущность идеи. Мы советуем товарищу Макаренко внимательно проследить исторический генезис идеи долга. Это идея буржуазных отношений, идея сугубо меркантильного порядка. Советская педа-

гогика стремится воспитать в личности свободное проявление творческих сил и наклонностей, инициативу, но ни в коем случае не буржуазную категорию долга».

Что такое свобода проявления? Это и есть настоящая педология. Когда человека изучили, узнали и записали, что у него воля — А, эмоция — Б, инстинкт — В, то потом, что дальше делать с этими величинами, никто не знает. Потому что нет цели, и естественно нам умыть руки: ага, А, Б, В есть, пускай себя свободно проявляют, куда покатятся, там и будут. *(Смех в зале.)*

Совершенно естественно, что педология была построена на воспитании при отсутствии политических целей. Но на деле это была враждебная нам политика. Педологи рассуждали о нас, советских воспитателях, так: вы теперь являетесь сторонниками пассивного наблюдения за ребенком и бездеятельного присутствия при его жизни и развитии, а ребенок пускай себе свободно развивает свои творческие силы.

Нет, мы не являемся сторонниками такого пассивного наблюдения. Мы — сторонники активной большевистской педагогики, педагогики, создающей личность, создающей тип нового человека.

Я уверен в совершенно беспредельном могуществе воспитательного воздействия. Я уверен, что если человек плохо воспитан, то в этом исключительно виноваты воспитатели. Если ребенок хорош, то этим он тоже обязан воспитанию, своему детству. Никаких компромиссов, никаких середин быть не может, и никакая педагогика не может быть столь мощной, как наша советская педагогика, потому что у нас нет никаких обстоятельств, препятствующих развитию человека.

Тем более печально, если люди, которым доверено было воспитание детей, не только не захотели воспользоваться этим великим могуществом нашей педагогики, но ограничились простым наблюдением, простым изучением ребенка, разделением всех детей на разряды, на отдельные биологические группы и т.д.

Но тогда спрашивается: откуда же взялись правонарушители? Мы говорим, что всех можно воспитать, что нужно исходить не из качеств данной личности, а только из целей нашей педагогики. А что же такое в таком случае правонарушитель, разве это не отдельная группа, не отдельный сорт людей?

Тут, товарищи, я говорю только от себя лично, только я отвечаю за свои слова — да, товарищи, не отдельный. Вот если бы мне сейчас поручили самых настоящих ангелов с крылышками, херувимов и серафимов, я бы и их воспитывал так же, а не иначе, потому что в этом заключается существо нашего, социалистического отношения к человеку.

Человек плох только потому, что он находился в плохой социальной структуре, в плохих условиях. Я был свидетелем многочисленных случаев, когда тяжелейшие мальчики, которых выгоняли из всех школ, считали дезорганизаторами, поставленные

в условия нормального педагогического общества, буквально на другой день становились хорошими, очень талантливыми, способными идти быстро вперед. Таких случаев масса.

То, что не правы педологи, настойчиво требовавшие особых методов, практически иллюстрирует лучше всего, к сожалению, малоизвестный еще и мало изучаемый нашими педагогами опыт колоний НКВД.

Я только что вернулся с Украины, где участвовал последние 2 года в организации новых трудовых колоний, тоже из правонарушителей. Мы, например, не соблазнились данным нам правом иметь карцер. Во всех наших 15 украинских колониях нет карцеров, а ведь нам присылают ребят, осужденных судом, их привозят под конвоем. В украинских колониях нет не только карцеров, нет стен, нет ворот, нет калитки.

Что это значит? Это значит, что практика трудовых колоний НКВД не только платонически, а и на самом деле стоит за широкую демократию, за широкое демократическое, настоящее воспитание детей, без карцеров, без стражи, без забора и ворот.

Вот здесь, товарищи, вы видите подтверждение этой основной нашей мысли, что воспитание правонарушителей не является по существу какой-то особой задачей, отличающейся от воспитания всех остальных ребят.

Где-то в моей книге сказано, что самые лучшие мальчики в условиях плохо организованного коллектива очень быстро становятся дикими зверушками⁵. Это так и есть. Соберите самых лучших детей, поставьте около них плохих педагогов, и через месяц они разнесут и колонию, и детдом, и школу, и этих педагогов.

Таким образом, существует не проблема воспитания правонарушителей, а проблема воспитания вообще. В практике наших колоний очень много найдено таких методов, таких организационных принципов, таких даже художественных находок, которые применяются нашей общей педагогикой.

Я сделаю поправку: очень часто для воспитания правонарушителей люди мудрили, хитрили, придумывали разные фокусы. Почему? Только потому, что мало еще опыта, мало людей, знающих, как нужно вести себя с детьми, а не только с правонарушителями.

Вот общие положения, в свете которых мы должны рассмотреть нашу литературу о правонарушителях. Во-первых, посмотрим, как писатель расценивает самый материал, беспризорника или правонарушителя, как он его себе представляет, что это за материал. Во-вторых, мы рассмотрим вопрос такой: что писатель думает относительно метода, как писатель изображает метод организации детства и творческое лицо педагога? Наконец, третий вопрос: как автор мыслит, как рисует результаты воспитания, что получается или что должно получиться в результате воспитания нарушителя?

Начнем с классической книжки Сейфуллиной «Правонарушители»⁶. Это небольшой рассказ, тем не менее он сыграл очень

важную роль, гораздо более важную, чем «Педагогическая поэма». Почему? Потому что в этом рассказе впервые, и довольно неожиданно и смело, были высказаны истины о правонарушителях, составляющие аксиому.

Что это за истины? Читая этот рассказ, вы во всем тексте, от первой до последней строчки, чувствуете, как звучит глубокая искренняя вера в человека, вера в то, что не может быть прирожденной преступности, вера в лучшие человеческие качества, уверенность, которая теперь уже для нас составляет несомненную истину.

Эта вера в человека блестяще звучит у Горького, это то, что можно назвать оптимистической перспективой в подходе к человеку. Вот эта вера звучит в произведении Сейфуллиной гораздо сильнее, несравненно сильнее, чем во всех остальных книгах, посвященных правонарушителям.

Основные фигуры в рассказе Сейфуллиной — мальчик, который совершил разные правонарушения, и вторая фигура — педагог.

Следовательно, отвечая на вопрос, как автор подходит к материалу, как он расценивает педагогическую среду, мы должны сказать, что Сейфуллина стоит на наших позициях, она стоит на позициях глубокой веры и надежды в человека, на позициях оптимистического воспитания, на позициях, противоположных педологии.

Как же Сейфуллина рисует метод? Вот здесь, уже не по своей, конечно, вине, Сейфуллина говорит слабо. Метод она видит в совершенно неуловимых влияниях природы и труда. В то время, когда писалась книга, это звучало достаточно убедительно. Для нас это никак не звучит, потому что труд «вообще» не является воспитательным средством. Воспитательным средством является такой труд, который организован определенным образом, с определенной целью, который является частью всего воспитательного процесса.

Что же касается природы, то мы вообще можем сказать, что природа прекрасная вещь, что хорошая погода — лучше плохой, солнечный день — лучше дождливого, но что природа сама по себе есть какое-то особое, мощное средство, которое облагораживает или отвлекает человека от преступности, мы сказать не можем...

Вот этот пантеизм Сейфуллиной или Мартынова, конечно, не созвучен нашим советским педагогическим воззрениям.

Еще менее созвучна та картина личного творчества, которое приписывается Мартынову-педагогу. Между тем Сейфуллина хотела нарисовать фигуру педагога-мастера.

Что это за фигура? Первый раз Мартынов появляется на сцене, когда он приходит в отдел Наробраза, Гришка увидел его впервые...

«А в комнату бритый, долгоносый, с губами тонкими вошел. На голове, острый кверху, кепка приплюснута была на самые

глаза. Ступал твердо. Точно каждым шагом землю вдавливал. И башмаки, чисто лапы звериные, вытоптались. Как вошел, на стул плюхнулся. И стул тоже в пол вдавливался».

Вы видите чрезвычайно неуклюжего, несобранного и какого-то чудаковатого человека. Дальше это подтверждается:

«Глазки узкие шурил и тонкие губы кривил. Над всем смеялся. Как говорил, руки все тер ладонями одна о другую, ежился, ноги до колен руками разглаживал. Весь трепыхался. Смирно ни минуты не сидел. Каждый сустав у него точно ходу просил».

У мальчика Гришки совершенно справедливое впечатление. «...Обезьяну этакую в зверинце видим, похожа...» (*Читает.*) Дальше вы его увидите на каждом шагу кривляющегося, который имел в своем распоряжении единственное средство — вот это желание заинтересовать, рассмешить, удивить, но удивить только кривлянием, только дерганьем, трепыханьем, — словом, чем-то неестественным.

Ну что ж, может быть, в исключительных случаях такое педагогическое поведение и полезно. В некоторых случаях, очень редко, можно рекомендовать педагогу и некоторые «фокусы». Например, в прошлом году мой воспитанник Калабалин¹, ныне начальник Винницкой трудовой колонии НКВД, проделал такой фокус.

Группа беспризорных, присланных к нему из Винницы, не захотела оставаться в колонии, потому что там старые дома, бараки и т.д. Калабалина в то время в колонии не было, и ребята, не долго думая, двинулись по шоссе к городу. Воспитатели растерялись, не знают, как их вернуть. Ездили за ними на машине, а они не хотят возвращаться, да и только. Тут как раз в колонию вернулся Калабалин. Он немедленно сел на коня и поскакал вдогонку. Поравнявшись с беспризорными, спрыгивая с коня, он поскользнулся, упал и разыграл такую сцену:

«Ой, я поломався, мабуть я не встану, несіть мені в колонію».

Беспризорные видят, больной человек в беспомощном состоянии. Ребята небольшие, взвалили его на плечи и несут в колонию, с километр. Понесут, понесут — поменяются, кто несет, кто коня ведет — всем нашлась работа. Из простого сочувствия принесли в колонию, а сами в таком восторге, что спасли человека. Опустили на землю, а он встал на ноги и говорит:

«Вот спасибо, хлопцы, не хотелось идти пешком далеко».

Этим «фокусом» он расположил всех к себе, они сразу в него влюбились.

Такие отдельные фокусы разыгрывать можно, мы их в редчайших случаях рекомендуем. Это полезное дело. Мне самому приходилось сплошь и рядом разыгрывать такие «фокусы»; но одно дело разыграть специально, и притом необходимо талантливо задумать и разыграть, а другое — постоянно кривляться. Такой педагог может занять ребят на час, на два, на день, а потом они не будут верить ему, перестанут любить его. Такому педаго-

гу верить нельзя, а так как ни в чем другом творчество Мартынова не проявляется, а только в кривлянии, то, пожалуй, мы должны признать, что Сейфуллина изобразила это творчество неправильно, не так, как нам нужно. Во всяком случае, нашим педагогам рекомендовать именно такой способ поведения ни в коем случае нельзя.

Есть целая школа воспитанных мною педагогов, я им рекомендовал держать себя всегда с достоинством, искренне, весело, бодро, серьезно, но с большим торможением мускулов лица, с таким торможением, которое должно быть у каждого воспитателя.

Мы не можем обвинять Сейфуллину в том, что она исчерпала этим мастерство Мартынова, да, собственно говоря, в таком коротком рассказе она и не могла подать это творчество как следует. Но она говорит, что Гришка полюбил Мартынова.

О методе мы говорили. Нечего и говорить — этот рассказ Сейфуллиной, при его весьма симпатичной установке, пахнет несколько педологическим анархизмом. Это особенно проявляется под конец, когда говорится о том, что родители не нужны, родители — это барахло, природа — мать и т.д. Весь этот педологический анархизм ни к чему не нужен и никакого метода не показывает.

Несмотря на то что рассказ Сейфуллиной удовлетворить нас не может, в свое время он сыграл огромную роль, произвел огромное впечатление. Но, к сожалению, она <книга> сильно повлияла на очень многих читателей, но меньше всего повлияла на работников Наробрза.

Следующая книга, которая составила эпоху художественной литературы о правонарушителях, — это «Республика Шкид».

Тогда книга представлялась откровением. Когда я ее читал, то думал: «Вот здорово работают люди, куда мне до этой работы». А когда читаешь ее, и в особенности когда готовишься перед таким серьезным собранием докладывать, то удивляешься, как можно было 10 лет назад считать книгу педагогически ценной. Она имеет огромную ценность как художественная литература, и то, что в ней изображено, конечно, верно, но как педагогический труд эта книга неудачна, причем даже причины самой неудачи можно вскрыть по книге.

Что в этой книге изображается? Школа им. Достоевского в Ленинграде для правонарушителей. Это только школа, причем двери в этом доме всегда на замке. В доме есть заведующий Виктор Николаевич Соркин, Викниксор, как его зовут, и человек 100—120 нарушителей, которые ничего не делают, кроме своих занятий в школе. Они учатся, и это основной метод школы.

Что же можно ожидать от этой книги?

Давайте разберем книгу со стороны материала и со стороны результатов.

У Сейфуллиной никаких результатов нет, неизвестно, чем кончилась затея Мартынова, известно только, что Гришка полюбил Мартынова и стал хорошим человеком.

А тут что за материал? Правонарушители. Какие же это правонарушители? На с. 34 и 35 описана картинка, как ребята залезли в кладовку и покрали табак. Обычный случай в детдоме. Эти странные правонарушители украли табак, разделили между собой и спрятали. А потом табак нашел Викниксор, позвал ребят в кабинет, стукнул кулаком по столу, они испугались страшно и сказали, что взяли.

Эти правонарушители вначале совершенно как ручные дети. Надо знать в самом деле, какие правонарушения могут совершать ребята, если они разойдутся по-настоящему. Здесь материал показан довольно легкий вначале, а потом, на протяжении 300 страниц, ничего, собственно, не изображается, кроме различных проказ ребят, самых разнообразных. Причем проказы по своей моральной сущности становятся все хуже и хуже.

Можно вам перечислить главные преступления этих шкидцев. Какие преступления? Прежде всего, развлечение убийством крыс. Крысы бегают по комнате, их убивают ногами. Дикая сцена, несимпатично характеризующая ребят.

Затем один из воспитанников — Слонов, настоящий кулак, умеет так устраиваться в этом детском коллективе, что весь хлеб, почти вся пища переходит в его собственность и он держит в руках даже старшие классы. Все это терпят, и никто не может ничего против него сделать. Полное бессилие этих мальчиков против одного. Это говорит об отсутствии воспитательной работы, о полном отсутствии влияния педагога.

Затем идет так называемая буза, избиение педагогов. Имейте в виду, что в особенности в Ленинграде это было очень модно. Я знаю много детдомов ленинградских, в то время почти каждый месяц происходили избиения. В один прекрасный день воспитанники хватались за палки, за кочерги, гнали педагога по всему зданию и били. Это была дополнительная педагогическая нагрузка. *(В зале смех.)*

И здесь это описано, бьют всех педагогов. Но педагоги терпят, кое-кто удирает.

Описана кража картошки. Потом игра «Улигания», это значит «хулигания». Вся игра заключалась в том, что были организации, был почему-то совнарком и даже наркомбузы, и все это держало в руках школу. Били окна, бросали камни.

Так до конца книги идут очень интересные приключения. А в конце книги такая строчка, что такая шкида хоть кого изменит, такая всесильная шкида, что всех изменит, но в книге никакого изменения нет, и даже авторы книги выходят из школы не потому, что они закончили воспитание и приобрели какие-то черты характера, приобрели знания, квалификацию, а потому, что они ставили спектакль, пропало два одеяла и им надо эти одеяла возвращать. Они уходят в жизнь, совершая воровское преступление. Следовательно, материал — это как будто нормальные люди, но настолько распустившиеся, что ничем

другим, кроме весьма сомнительных игр и развлечений, не занимаются.

Метод и творчество.

Метод — запертые двери, карцер и школьная работа. Когда Викниксор вдруг пришел к выводу, что необходимо трудовое воспитание, то он этот вывод оформил так: нужно их послать в какой-нибудь трудовой институт, находящийся за стенами школы. У него у самого никакого трудового воспитания нет, только никола. Лично у самого Викниксора никакого мастерства нет. Вообще эта фигура почти комическая, он строг, заводит летопись и отмечает положительные и отрицательные поступки и, в зависимости от количества их, назначает наказание. Авторитетом, даже уважением Викниксор не пользуется.

Каковы же результаты такого воспитания? Такой педагогический процесс, какой здесь изображен, может привести к чему угодно. На с. 134 мы уже видим результаты такого воспитания.

Изображается пожар. Целая толпа взрослых ребят увидела дым. Что эти ребята делают?

«Началась паника. Кто-то из малышей заплакал трусливо...» (*Читаем.*) Ни один из воспитанников не бросился туда, а бросилась женщина. «Минут через 5 в дверь постучали...» (*Читаем.*) Женщина спасает забытого на пожаре мальчика. Чем кончилось дело? «Всех ребят перевели в дворецкую». А что за пожар, кто тушил пожар — неизвестно.

Такое воспитание нам не нужно. Я не могу себе представить, чтобы в моем детском коллективе во время пожара я бросился кого-нибудь спасать. Я должен сидеть в центре и спокойно разговаривать по телефону. Все сделают ребята — и спасут, и потушат, и придут доложить, что все кончено. Иначе в советском детском коллективе быть не может.

Эта стадная картина, наблюдение за тем, как девушка спасает, говорит о том, что такое воспитание неудачно.

Я вам напомним чрезвычайно тяжелый случай, бывший недавно под Калинином, в селе Давыдове: убийство учительницы одним учеником. В том, что ученик выстрелил в учительницу, нет ничего хитрого. Такие случаи личного болезненного припадка, случаи личного разложения под влиянием дурного окружения возможны. Это индивидуальный припадок, единичный случай, который меня не пугает. Но меня страшно поражает, я не могу понять, как это могло случиться, что 24 мальчика VII класса в панике убежали, увидев ружье в руках своего сверстника. Я не представляю себе таких мальчиков. Не могу понять, как их воспитывали и чего от них можно ожидать в дальнейшем. Этот случай напоминает картинку из «Республики Шкид», а картинка показывает, что воспитание там было поставлено плохо.

Из своей практики и из практики многочисленных моих товарищей в разных колониях я прекрасно знаю, что при пожаре, при несчастном случае, угрожающем коллективу или отдельному

члену коллектива, тем более учителю — руководителю коллектива, на помощь бросаются все ребята, весь коллектив, без размышления о том, что можно погибнуть, что будет неприятно. Только такой коллектив может быть назван настоящим, нашим, советским коллективом.

Вот эта картина пожара для меня является совершенно ясно показывающей отрицательный способ воспитания в практике «Республики Шкид».

Несмотря на то что книга написана очень художественно, очень ярко рисуются все события в «Республике Шкид», само воспитание, которое было там организовано, находилось еще на низкой ступени развития, настолько низкой, что может явиться только отрицательным примером для наших педагогов и отрицательным толчком для наших школьников.

Есть еще одна книга, которую вы, вероятно, мало читали, это «Утро» Микитенко. Написан только 1-й том, книга не окончена. Тут уже сказалось полное отсутствие эрудиции педагогической у автора. Чтобы долго не говорить, я вам прочту два места. Одно место из моей книги, не в качестве хорошего отрывка, а в качестве чисто технического, профессионального подхода. «Все время, сидя, морщил...» (*Читаем.*)

Это один разговор, и другой разговор, который рисует Микитенко. Грибич, руководитель, разговаривает с приезжим педагогом. Она говорит, что не может больше работать, и подает заявление. «Грибич написал сбоку — категорически против...» (*Читаем.*) Педологический кабинет, да еще в ужасном состоянии. (*Смех.*) Вот вам оружие.

Я как раз эту коммуну знаю и могу с уверенностью сказать, что такого разговора не было, ни хорошего, ни плохого. И никто такого оружия не искал. А просто политически неприлично, как это так? Педагогическое учреждение НКВД — и вдруг без педологического кабинета, надо завести.

Что же изобразил Микитенко? Ничего, кроме материала, но сырье подано шикарно. То есть тут не бандиты, тут архибандиты, то, что у нас беспризорные называют «бандюки», это в превосходной степени бандит.

Это, оказывается, упорный народ. Им дали хорошие спальни, они спальни испачкали, кровати поломали, одеяла порвали, простыни изодрали на маленькие клочки. Для чего такие бандиты! Они ушли гулять в лес и пока там гуляли, им положили все новое. Они вернулись и в знак протеста легли спать на полу. Вот какие бандиты!

Этого мало. На другой день они то же самое сделали в столовой: побили посуду, котлеты не ели, а бросали в потолок, и эти котлеты прилипали к потолку. На другой день они разгромили мастерскую, притом сознательно. И один какой-то «кукла» говорит: «Испортит нас коммуна, смотрите, уже...» (*Читаем.*) (*В зале смех.*)

Понимаете, с такими бандитами действительно ничего не сделаешь.

А их преступления? Это какие-то джеки-потрошители, а не просто беспризорники. Миленко, на двух страницах рассказывается, как девушку, выдавшую одного из героев, они решили убить. Такая миленковая картинка! «Сказал я об этом ребятам...» (*Читает.*)

Мало вам? Можно больше. Оказывается, не убились насмерть, пришлось помирать еще раз. «Приехала она после выздоровления в Запорожье...» (*Читает.*) Вот какие страшные бандиты!

И все, что здесь написано об этих людях, показывает главным образом, какие это прекрасные бандиты, какие замечательные преступники, какие оригинальные характеры! Вот до какого падения дошли люди! А во 2-м томе мы напишем, каких мы героев из них сделаем.

На самом деле материал не такой. Я имею наибольший стаж работы в Союзе с правонарушителями, через мои руки прошло несколько тысяч, и даю вам честное слово, я ни одного такого убийцы не видел. Может быть убийство в драке, бывает убийство среди батрачков, бывало убийство в горячке, но у Микитенко нарушители такие блатные, таким идиотским блатным языком разговаривают, какого не встретишь на самом деле. В моей практике среди детей, прошедших через мои руки, не было таких убийств.

Мало того, товарищи, как это ни странно, в моей практике не было ни одного сифилитика, а сколько было рассказов о том, что половина из них сифилитики...

Вот это стремление нарисовать общество правонарушителей мрачными красками является самой отвратительной и дешевой формой безответного романтизма, не имеющего под собой никакого основания. Т. Микитенко бросил писать книгу, потому что действительно: что можно сделать из таких бандитов? А я прилучан хорошо знаю. Бывает, что человек шел по улице и подрался, бывает, что и финку для фасона носит, устаивает известного внимания того, что плохо лежит. Но чтобы разорять свою собственную спальню — этого, я думаю, не бывает. Один, может быть, и захотел бы это сделать, но масса всегда настолько благоразумна, что ей хочется спать на хороших постелях, а уж тем более никогда не дойдет до того, чтобы котлеты бросать в потолок. Это уж совершенно невероятный поступок, котлету обязательно слопают. (*В зале смех.*)

На этом разрешите сделать перерыв с тем, чтобы потом остановиться на моей книге, которая, к сожалению, является самой большой из всех, какие написаны о беспризорных.

Я вас, вероятно, утомил подачей сухого педагогического материала, но что поделаешь, я должен остановиться на своем произведении.

Не могу из ложной скромности кокетничать перед вами, но считаю, что в моей книге педагогическая проблема отражена наиболее полно, чем в других книгах. Это, конечно, понятно, потому что я сам работал в этой области, состарился на педагогическом поприще и, совершенно естественно, могу подойти к вопросу педагогически более тщательно, чем другие авторы. Но у них есть то преимущество, что они раньше писали и в их книгах тема пролетарского гуманизма звучала раньше, чем у меня.

Книга Сейфуллиной на меня произвела в свое время большое впечатление и заставила остановиться на многих вопросах. Точно так же очень талантливо написанная книга «Республика Шкид» понравилась мне своим бодрым тоном, а в работе с беспризорными очень трудно сохранить бодрость тона, без поддержки же таких книг, может быть, даже невозможно.

Что вам сказать о моей книге «Педагогическая поэма»? Если вы ее читали, то я мог бы ограничиться сказанным, считая, что я свое дело сделал, а вы, прочтя книгу, тоже сделали свое. Что я могу еще прибавить? Да как будто и ничего. В моей книге есть много недостатков, которые вы тоже, вероятно, знаете.

Главнейший недостаток — это мелькание лиц, много лиц, некоторые начаты и не докончены, воспитательный персонал описан совсем слабо. Почему? По случайной причине, но я вам скажу по секрету.

Я никогда не был удовлетворен работой воспитателей. Когда книга писалась, я уже работал без воспитателей. Они постепенно растерялись, а последний персонал в коммуне им. Дзержинского я снял в один день. Этот момент был для меня наиболее трагическим, так как я боялся, что провалился в пропасть без поддержки взрослых людей. Но спасибо комсомольцам-дзержинцам, они в течение 8 лет не только не гробили дело, но подняли его на большую высоту. И даже когда в 1931 г. коммуна на одну неделю увеличила свой состав со 150 до 350 человек, комсомольская организация и совет командиров настояли передо мной, чтобы и в этом тяжелом случае не было приглашено ни одного воспитателя.

Для меня эта тема чрезвычайно неприятна, потому что я не могу утверждать, что в детском учреждении не должно быть воспитателей. Я не могу встать на такую позицию, на которой стоят некоторые авторы и практические работники коммун и колоний, утверждающие, что ребята будут сами себя воспитывать, что воспитатели не нужны.

Это, конечно, неправильно. В детском коллективе должны быть авторитетные, культурные, работоспособные, хорошие взрослые люди, только тогда может повыситься культура детско-

го коллектива. Откуда может привиться культура детскому обществу, если ей неоткуда взяться, если нет взрослого общества?

Воспитание в том и заключается, что наиболее взрослое поколение передает свой опыт, свою страсть, свои убеждения младшему поколению. Именно в этом и заключается активная роль педагогов, представителем которых являюсь и я.

Но в коммуне им. Дзержинского было кем заменить воспитателей. Там была школа-десятилетка⁸, было много инженеров, сильная партийная организация на заводе, словом, общество взрослых достаточно сильное, чтобы оказать влияние на ребят.

Вот именно поэтому я в своей книге отвел такую маленькую роль воспитательному персоналу.

Другой недостаток моей книги заключается в том, что пришлось говорить о постоянной грызне с Наркомпросом. Вас, вероятно, это тоже раздражало. (Голоса: «Правильно!»)

Критики уже отмечали эту сторону как несимпатичную. Но я должен сказать, что не мог обойтись без этого, потому что для меня это была книга моей борьбы, и, когда я писал, я меньше всего ощущал себя писателем, я был все-таки педагогом.

Почему же книга вышла в виде поэмы? Только потому, что иначе я писать не умею, как умел, так и написал. Но и в художественной форме отказаться от борьбы, от высказывания своих принципов я не мог. Возможно, что широкого читателя отдельные рассуждения о разных педагогических тонкостях могут утомлять, может быть, в художественном произведении этого не следовало делать. Это недостаток, который отмечают многие читатели.

Есть недостатки конструктивного характера. Многие меня обвиняли в том, что я не описал пребывание Горького в колонии. Я просто не решался со своим маленьким талантом описывать такую фигуру, как Горький, не хватило у меня смелости.

Намеревался я в своей книге сказать много, но сказано как будто меньше, чем хотелось. Что же я хотел сказать?

Во-первых, что даже те люди, которые считаются отбросами в капиталистическом обществе, у нас, в Советском Союзе, складываются в великолепные коллективы. Эти коллективы должны поражать своей красотой, потому что это новые, свободные трудовые человеческие коллективы. Это — первое.

Во-вторых, хотелось показать этого так называемого правонарушителя в том освещении, в каком я его сам видел, показать его как человека, прежде всего как хорошего человека, милого, простого. Я хотел вызвать симпатию к нему у общества, хотел, чтобы общество так же ему верило, как верил я.

Третье, чего я хотел добиться своей книгой: я хотел поставить ребром вопрос о стиле, о тоне советского воспитания. Я хотел настаивать на правильности формулы, которая существует у коммунаров-дзержинцев. Они утверждают, что человека нужно не лепить, а ковать, ковать — это значит хорошенько разогреть, а потом бить молотом. Не в прямом смысле, не по голове молот-

ком, а создать такую цепь упражнений, цепь трудностей, которые надо преодолевать и благодаря которым выходит хороший человек.

Я многого добился главным образом благодаря работе чекистов, которые находились со мной, благодаря тому простору для педагогического творчества, который давали чекисты, а в колонии Горького — благодаря завоеванной мною самостоятельности.

Наробразовцы меня немного боялись: сумасшедший человек — он что угодно может придумать! Они боялись и не трогали. На такой свободе многое удавалось сделать. Во всяком случае когда у меня в коммуне случился пожар, то я не должен был вытаскивать кого-нибудь из огня. Однажды ночью в литейной, запертой на замок, вспыхнул пожар. Страсть коммунаров была так велика, что Алеша Землянский прыгнул в литейную через трубу, чтобы потушить этот пожар. Такое воспитание для меня в последние годы не составляло никакого труда, и не нужно было никаких особых изобретений.

Мальчишеский коллектив, поставленный в здоровые педагогические условия, может развиваться до совершенно непредвиденных высот. Это я говорю с полной ответственностью и легкостью, потому что в этом не моя заслуга, а заслуга Октябрьской революции.

Могущество воспитательного приема у нас, в Советском Союзе, неизмеримо, мы даже представить еще не можем, каким всемогущим оно может быть, развиваясь дальше. Многие [педагогические] проблемы в моей практике разрешались даже для меня, человека, думающего в этой области, увлеченного этой работой, совершенно неожиданно.

Возьмите такой важный вопрос, как вопрос наказания, над которым теперь многие педагоги ломают головы, и не только педагоги, но и семьи.

У нас еще, вероятно, от Карамзина осталось русское интеллигентское прекраснотушение: как же так наказывать, ребенок — и вдруг наказывать! И у меня было такое отвращение к наказанию. Я начал свою работу с позорного дела, с преступления, настоящего преступления, которое карается 3 годами тюрьмы. Я начал работу с уголовного преступления, с наказания незаконного, вопиющего по своему отвратительному виду, оскорбительного и для того, кто наказывает, и для того, кого наказывают. Начал не потому, что в этом был убежден, а потому, что не мог затормозить свои страсти, свои стремления. С этого начинается «Педагогическая поэма».

За 17 лет работы в детском коллективе, в конце концов это был один коллектив — колония им. Горького, которая целиком перебежала в коммуну Дзержинского после моего перехода, — это один коллектив, с одними привычками, с одними фантазиями, — я изменил свой взгляд на наказание. К концу пребывания моего в коммуне им. Дзержинского наказание приняло совер-

шенно иные формы. Вот здесь присутствуют дзержинцы, они чувствуют это на себе.

Воровство — то преступление, которое повергает в панику даже энергичного педагога. Что делать, когда мальчик украл? Когда в коллективе дзержинцев такой мальчик украл в первый раз, его вызывают на середину комнаты, где проводится общее собрание, и говорят, что он последний человек, что его надо выгнать, что с ним нечего считаться, но фактически его никогда не наказывают. Его хотят «убить», «казнить», но все прекрасно понимают, что никаких результатов этим не добьются, что наказание за воровство не приносит никаких результатов.

Чем ограничивались? Ограничивались тем, что говорили: ты украл, ты еще украдешь, раза два украдешь, а потом не будешь

Он отвечал:

— Больше не буду.

— Что ж его наказывать, — говорят ему, — он ничего не понимает и украдет еще раз.

— Честное слово, нет.

— Нет, ты обязательно украдешь еще два раза.

И представьте себе, он обязательно крал еще раз, и ребята тогда ему говорили:

— Мы же тебе говорили, вот ты и украл, и еще раз украдешь.

И действительно, у человека складывалось глубочайшее убеждение, что он еще раз украдет, именно раз, а больше не сможет. Такое отношение к правонарушению детей может быть только в советском обществе, в советском воспитательном коллективе, уверенном в своих силах и в силах каждого человека.

Но зато если коммунар, проживший в коммуне 3—4 года, командир, по сигналу на сбор командиров приходит с опозданием на 2 минуты, то тут уже никто не будет думать — наказывать или нет, обязательно накажут. Это не воровство, это хуже воровства. Опоздал на 2 минуты — это 2 наряда, это 2 часа работы — мыть уборную или еще что-нибудь другое. И тут никто не скажет: что вы делаете с мальчиком, пожалейте. Если бы наказали за воровство, то обязательно ребята сказали бы: что вы делаете с мальчиком, он же ничего не понимает, он же «сырой»!

Вы понимаете, вопрос о наказании решается по-новому, потому что по-новому ставится вопрос об ответственности. Тут ты «сырой»; у тебя нет социального опыта, нет человеческого опыта, поэтому ты за себя отвечаешь в очень небольшой дозе, а здесь ты коммунар, тебя 27 командиров ждали 2 минуты, ты сознательно нарушил интересы коллектива, которые коллектив поручил тебе охранять, — ты должен быть наказан.

В этом наказании есть новая логика, и в наказании у дзержинцев вдруг стало звучать следующее. Не имеет никакого значения, что именно, какая нагрузка дается в наказание, а имеет значение символ, что такой-то человек наказан, что он находится под арестом на 10 минут в кабинете заведующего.

А что это за арест? Приходит наказанный в мой кабинет, берет книгу, садится на мягкий диван и спрашивает: «Антон Семенович, вы не знаете, завтра будет что-нибудь вечером в клубе или нет?» Потом 10 минут прошло, отбыл арест.

Какое это наказание? Однако попробуй наложить арест неправильно. Поднимутся протесты — не виноват. Символ осуждения коллективом составляет очень существенный момент. В самом наказании можно найти элементы особой чести.

У дзержинцев это понятие о чести в лучшем его значении сделалось в последние годы важнейшим моментом воспитания.

Например, человек, проживший в коммуне больше 4 месяцев, завоевавший доверие коллектива, получает звание коммунара, а до этого он называется воспитанником. Среди его привилегий есть такая: ему обязаны верить на слово. Если коммунары скажут: я там был, то никто не имеет права проверить, был он или не был. Эта привилегия может проистекать из убежденности в честности всего коллектива.

Если дежурный командир или просто дежурный мальчик, дежурный член санкома, а туда выбираются «чистюльки», и у санкома диктаторская власть, если кто-нибудь из них в частном разговоре сказал мне: вот, Антон Семенович, в такой-то спальне сегодня грязновато, то можно возразить: нет, у нас чисто. Но если вечером в официальном рапорте дежурный поднимет руку и скажет, что в 15-й спальне грязно, то проверять нельзя, здесь уже он ошибиться не может.

Уверенность, что в известном положении человек не может сказать неправду, делает то, что никто неправды не говорит.

Это и есть советская педагогика, основанная, с одной стороны, на безграничном доверии к человеку, а с другой стороны, на бесконечном к нему требовании. Соединение огромного доверия с огромным требованием и есть стиль нашего воспитания. На этом построена вся общественная жизнь Советского Союза. Это дает колоссальные результаты.

В коммуне им. Дзержинского и в колонии им. Горького в последние годы этот стиль являлся характерной чертой. Он не был моим изобретением, это естественная находка коллектива, и только потому, что коллектив этот не «коллектив» батраков, не «коллектив» заводов Форда, это советский коллектив, коллектив людей, живущих в свободном государстве, и только тут возможен такой стиль работы.

Этот стиль я и хотел как-нибудь передать в «Педагогической поэме», чтобы заразить им не только педагогов, но и молодежь и вообще читателей.

К сожалению, я не решался еще описать опыт коммуны им. Дзержинского, тоже восьмилетний опыт, а нужно было бы. Почему? Потому что там уже можно формулировать и аксиомы, и теоремы советского воспитания, формулировать точно и открыто доказывать. Надеюсь, что со временем это удастся сделать, тем

более теперь, потому что это не только моя работа, а работа многих людей, и в особенности чекистов Украины.

Вот что я хотел сказать о своей книге, больше прибавить что-нибудь сейчас, пожалуй, не могу.

Но если вы не устали, товарищи, то я остановлюсь еще на одном общем вопросе. Я имею в виду вопрос, который я ставил в самом начале, — о том, что наша советская педагогика должна отправляться от политических целей, а в нашем представлении это значит от того, каким должен быть новый человек.

«Педагогическая поэма» открывается разговором с загубна-образом, где сразу ставится вопрос о новом человеке, о том, что все надо делать по-новому.

А что же такое новый человек? Мало сказать — новый, надо его знать в подробностях, и вот это в моей книге, вероятно, показано слабо. А между тем я прекрасно знаю, что надо делать, я это делаю на живых людях, я это вижу в моем представлении, а в книге показать не сумел. Это потому, что я увлекся главной целью — показать прекрасный коллектив. В будущей книге я должен показать образец воспитания, образец, к которому мы должны стремиться как к нашей педагогической политической цели.

Три дня назад я получил письмо от бывшего своего воспитанника, которое меня очень растрогало, несмотря на то что я обычно растрагиваюсь с трудом⁹. Он пишет, что за один свой подвиг, сущность которого он в письме рассказать не может, но который заключался в том, что он не дрогнул перед смертью, за этот подвиг он получил орден. Он мне об этом сообщает и благодарит. Говорит просто: «Спасибо вам за то, что научили нас не бояться смерти».

Тут для меня проглянуло лицо нового человека в простом выражении. Научить не бояться смерти — до такой проблемы не может подняться буржуазное общество. Там может быть случай, что человек не боится смерти, а когда человек благодарит за то, что его научили, — это тема советская. При старом режиме такое качество рассматривалось как данное человеку от рождения. Вот я родился храбрым, это мне присуще. А этот юноша утверждает, что его этому научили.

Может быть, он от природы храбрый человек, но уверенность в том, что это достоинство, которому его научили, благодарность за это — все это качества нашего нового, социалистического общества. Когда он пишет: вы меня научили, то он не меня лично благодарит, а Советскую власть, коллектив дзержинцев, которые ему это свойство дали.

Я убежден, что если в будущем кто-нибудь даст в литературе образ идеального человека, то и работа всех нас, педагогов, будет значительно облегчена.

Я, товарищи, считаю, что о моей книге говорить довольно, тут есть вопросы, на которые нужно ответить.

Ответы на вопросы

Товарищей интересует судьба моих героев.

Я в книге об этом написал. Мне трудно отвечать на этот вопрос, потому что героев очень много, сколько же времени я займу для того, чтобы их перечислить? О *Карабанове* я вам говорил. *Ужикова*¹⁰ я оставил в колонии им. Горького, и куда он девался, я сказать не могу. С *Лаптем* произошла печальная история, о ней я расскажу.

По-моему, и в книге видно, что это очень некрасивый человек. И вот он женился на писаной красавице, в чем и состояла причина его трагедии. Она ему, конечно, изменила, а он, конечно, устроил из этого личную трагедию, бросил институт, не кончил высшего учебного заведения и пошел работать в какой-то жилкооп. Были постоянные драмы с женой. Мы узнали три года назад, что он пьет и страдает. У меня был устроен «консилиум»: приехал ко мне Карабанов, приехал Вершнев, и мы в общем заседании решили, что делать с Лаптем. Вершнев поехал к нему в Полтаву и сказал: «По распоряжению Антона Семеновича отправляйся к Карабанову работать, он тебя возьмет». Тот подчинился, поехал к Карабанову и работает завхозом. В прошлом году я был там и видел, что пить он перестал. Работает хорошо, но меня неприятно поразила в нем живая еще память об этой женщине. Я не мог себе представить, чтобы в одной женщине заключалось столько отравляющих веществ. А это была настоящая отравка на всю жизнь, и, конечно, помочь тут уговорами нельзя. Карабанов — большой мастер на такие разговоры, он доказывал, что у него две руки и такие же две ноги, а также два уха, но ничего не помогало. И я боюсь, что еще пройдет несколько лет, пока эта женщина из Лаптя выветрится. А жаль, потому что это был огневой талант, это был огневой юмор, человек необычайной коллективности. Очень жаль, что случайная встреча повлияла на него так. Но это произошло именно благодаря его страсти, искренности чувства, преданности какой-то безоглядной. Это его и скрутило.

Братченко работает ветеринарным врачом в кавалерийском полку в Новочеркасске. Он не изменяет лошадям.

В нескольких записках у меня спрашивают мнение о фильме «Путевка в жизнь».

«Путевка в жизнь» — страшная вещь. В этом году моя книга была переведена на английский язык, издавало ее одно буржуазное издательство в Лондоне. Оно мне поставило условием, что издаст книгу только под названием «Путевка в жизнь». Они сказали: «Иначе мы не можем, потому что, если будет заглавие «Путевка в жизнь» — у нас книгу раскупят, а если другое название, то кто ее знает. И как я ни вертелся, так ее и издал»¹¹.

Я получил несколько отзывов английских газет, и все они почти написаны так: кто видел «Путевку в жизнь» и перечувствовал то глубокое переживание, которое она вызывает, тот должен

прочитать «Педагогическую поэму» — она дополняет «Путевку в жизнь».

Так избавиться от «Путевки в жизнь» я и не мог, а между тем ничего общего между «Путевкой в жизнь» и «Педагогической поэмой» нет, объединяют советские принципы отношения к человеку, а методы воспитания в этих произведениях разные. Я не могу признать уместным разрешать такой важнейший вопрос, как вопрос воспитания, при помощи двух-трех фокусов с ложкой и т.п.

Но ведь это все-таки кинофильм, и в свое время он имел огромное значение. Да в кинофильме и нельзя было показать педагогической проблемы, а тот же пролетарский гуманизм, та же вера в человека, та же страсть, какая есть у всех нас, там показаны.

Конечно, когда «Путевку в жизнь» смотрели коммунары-дзержинцы, они только улыбались, потому что приятно поют песенку беспризорные, приятно вспомнить, что и сами певали ее, но когда лучший герой вдруг становится кондуктором, то у коммунаров разочарование: стоило ли из-за этого картину пускать, вот если бы летчиком! И это верно!

В картине много и неудачного, и смерть Мустафы не нужна никому, ни в чем она не убеждает, и воровская «малина», и игрушечный поезд — все это окрашивает картину в искусственный цвет, но основной тон все-таки взят правильно.

Сейчас я пишу сценарий. Хочется взять для картины совсем новую тему. Я считаю, что довольно показывать героиню пройденного уже нами в педагогике пути. Не Мартыновых надо показывать — романтизм борьбы человека с беспризорностью кончен. Есть уже прекрасные готовые коллективы, где по неделям не приходится делать ни одного замечания. Надо показывать готовый советский коллектив, где это «сырье» переваривается незаметно для глаза¹².

Я расскажу вам об одном из пополнений коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Нам сказали: надо взять сегодня 30 человек с поездов. Раз надо, — следовательно, выполняй.

На вокзал командирится 5 человек: командир Алеша Землянский — Робеспьер, в коммуне его называли Робеспьером за то, что он за каждый проступок требовал выгнать из коммуны. Или выгнать, или никакого наказания. Едем: Робеспьер, я и еще 2—3 коммунара. На вокзале знакомимся с дежурным и говорим: «Дайте нам комнату, мы сегодня собираем пополнение в коммуну».

«Пожалуйста, вот вам комната».

Подходит один поезд, другой, третий, четвертый. Поездов много. Эта тройка заглядывает под вагоны, залезает на крыши и приглашает следовать за собой. Кого за ногу вытащили, кому просто сказали. Действуют без лишних нежностей. Вводят всех в комнату. У дверей комнаты становится часовой. Собирается 30 человек. Страшно возмущены:

— Кто вы такие, какое ваше дело, что вам надо?

В комнате всего 3 человека против этих 30. Преимущество то, что трое организованны, а 30 — нет. После этого начинается митинг. Митинг самый простой:

— Товарищи, вы тут шатаетесь, по поездкам ездите, а у нас рабочих рук не хватает. Куда это годится? Нам рабочие руки нужны. Будьте добры, помогите нам работать.

— А что там такое?

— Завод строим, не хватает рабочих рук.

— Посмотрим...

— Да чего смотреть, решайте сейчас, у нас оркестр, кино, спектакли.

Начинают интересоваться, тогда им говорят:

— Вот вам Алеша, он остается вашим командиром, вот деньги на ужин, без разрешения Алеши никуда не уходить, часового снимаем. Если командир разрешит выйти на 5 минут, выйдешь и через 5 минут не вернешься, лучше совсем не приходи. А мы завтра придем за вами.

Завтра приезжает грузовик и привозит ботинки. Просто неприлично идти по улице без ботинок. Все остальное привезти нельзя, надо их обмыть, остричь и т.д. Они падевают ботинки. Одежда их обычно не застегнута, без пуговиц, кое-как держится на плечах. Тут Алеша строит их в комнате по 6 человек в ряд, 5 рядов, командует — равняйся, держите интервал.

— В ногу умеете ходить?

— Пойдем.

Из комнаты Алеша их не пускает. Настроение ироническое: что такое, ботинки привезли, какие-то 5 рядов по шести, какой-то командир!

А в этот момент к вокзалу подходит коммуна — 500 человек в парадной форме. Это значит — белый воротник, золотая тубейка, галифе, словом, полный парад. Строй у них очаровательный, свободный, физкультурный, повзводно, оркестр в 60 человек, серебряные трубы и знамена.

Подожли, выстроились в одну линию, заняли всю вокзальную площадь, расчистили интервал для нового взвода.

— Алеша, выводи!

Вы представляете себе, пол-Харькова на этом вокзале, никто не понимает, в чем дело, почему парад, все серьезные, никто не улыбается.

Выходит Алеша со своим собственным взводом. Команда: «Смирно! Равнение налево!» Салют. Что такое? Коммунары салютуют своим новым членам.

Взвод проходит по всему фронту, все держат руку в салюте, поворачивают головы, оркестр гремит в честь нового пополнения...

У публики нервный шок, слезы, а для беспризорных — это все равно что хорошая «педагогическая оглобля» по голове. Такая встреча! После этого справа по шести марш, через весь город. Оркестр, знаменщики, особый взвод, все в белых воротни-

ках, мальчики, потом девочки, а в середине — этот новый взвод. Идут серьезно, видят, что дело серьезное.

Без всяких преувеличений — на тротуарах рыдают женщины. Так и надо, надо потрясти.

Приходят в коммуну, баня, парикмахер — на это час. Через час это общий взвод, они уже входят в общую семью. Попробуйте любого беспризорного остричь, помыть, одеть в парадную форму с вензелем, начищенные ботинки, галифе — и он войдет в общий строй.

И последний акт — это сжигание остатков прошлого¹³. Одежду поливают керосином и поджигают. Приходит дворник, все это выметает, а я говорю: «Вот этот пепел — это все, что осталось от вашей прежней жизни». Прекрасное зрелище, без всякой помпы, а уже с шутками, со смехом.

А вечером, посмотрите на них, какие они нежные, осторожные, вежливые, как боятся кого-нибудь зацепить, с каким они удивлением глазят на всех коммунаров, и на меня, и на девочек, и на педагогов, — словом, на все.

У этих 30 все будет в порядке. Один какой-нибудь выскочит, что-нибудь проявится, какая-нибудь привычка, его выведут на общее собрание, и обязательно Робеспьер скажет:

— Выгнать!

Он еще раз переболеет душой, и этим кончится. Что он может сделать?

Вы видите, как незаметно для глаза вся эта страшная трагедия, пачавшаяся мордобоем, сейчас разрешается почти без всякого усилия¹⁴.

Тут спрашивают: *есть ли колонии для детей безнадзорных, у которых есть родители, но они заняты работой?*

Такие колонии разрешены уже постановлением ЦК партии от 1935 г., но я ни одной не знаю. Сам мечтаю как о лучшем конце моей жизни заведовать такой колонией.

Дело в том, что безнадзорные родительские дети гораздо труднее. Вот в последние месяцы мне поручили организовать новую колонию под Киевом, привезли ко мне исключительно таких семейных детей¹⁵. Мое положение было очень тяжелым; когда ко мне привозили 15—20 человек беспризорных, было гораздо проще. А тут привозили из тюрьмы 15 человек, конвой подавал истрепанную бумажку и говорил:

— Расписывайтесь.

Я расписывался и ужасался, потому что конвой снимал штыки с винтовок и уезжал, а эти 15 вновь прибывших пацанов и я оставались друг против друга. Беспризорные у меня в руках, им больше некуда ехать, а этот говорит:

— Я не хочу тут жить, тут плохо кормят, у папы лучше, у папы можно украсть 2 рубля на кино, а тут взять негде.

И, кроме того, они избалованы, это почти всегда единственные сыновья. Я надеюсь, что когда-нибудь будет издан такой де-

крет: у кого родился сын, а через 3 года не родился второй — штраф.

Мне задают такой вопрос: *сколько нужно, по-вашему, времени, чтобы раз и навсегда уже из беспризорного воспитать настоящего человека?*

Тут решает начальная стадия. Если вы берете мальчика 8 лет, то нельзя быть уверенным, что он совсем воспитан, пока ему не будет 18 лет. Самый лучший мальчик, вытолкнутый в жизнь очень рано, может свихнуться. Для того чтобы ответить, необходимо прежде всего знать лета, затем колоссальное значение имеет образование. Если бывший беспризорный окончил полную среднюю школу, это хорошая гарантия от рецидивов. У малограмотных иногда рецидивы бывают.

Где я теперь работаю и как реагировали на «Педагогическую поэму» мои воспитанники, увидя свои портреты?

Я болен, у меня переутомлены нервы, и мне врачи предложили годок не работать. Поэтому я сижу в Москве, ничего не делаю и пишу книгу.

Герои «Педагогической поэмы» никак не реагировали. У них такой критерий: если написана правда, значит, хорошо. Так как написана правда, то они решили, что это хорошая книга — и всё. Причем каждый из них глубоко убежден, что если бы он сел писать, то написал бы такую же книгу. Следовательно, особого преклонения у них предо мной на этот счет не было. Это хорошо.

Тут спрашивают относительно книги Шишкова «Странники». О воспитании там мало говорится, а что касается беспризорных, то эта часть там изображена неверно.

Тут написано: «Дзержинцы считают, что летчики важнее кондукторов. Верно ли это?»

Во-первых, не только дзержинцы так думают; а во-вторых, не в важности дело. Дело в том, что у летчиков есть столько притягательных сторон, сколько у кондукторов никогда не будет. Во-первых, металл, машина, бензин; во-вторых, высота, воздух; в-третьих, опасность; в-четвертых, красивая форма; в-пятых, общий букет советских летчиков — «сталинских соколов». Это даже и взрослого человека может увлечь. Советский летчик Арктики, сколько славных имен, сколько героев-орденоносцев, что же вы хотите, чтобы мальчика это не привлекало? Кондуктор может прекрасно работать, но все-таки неплохо, если мальчик по мечтает в юности о том, что он станет летчиком, может быть, на самом деле он будет прекрасным кондуктором.

В чем заключалась борьба с детской беспризорностью в дореволюционное время?

До революции у безнадзорного была одна дорога — в «мальчики». Я вышел из той социальной среды, в которой большинство моих товарищей уходило в «мальчики» — кто к сапожнику-кустарю, кто к жестянщику, маляру и т.п. Почему уходили они в «мальчики», а не на улицу? Потому что иная позиция была мальчика в

то время и в семье, и вне семьи. Теперь мальчик свободен, он чувствует себя гражданином, он настолько доверяет всей нашей жизни, что претя куда попало. Он действительно нигде не пропадет.

Я очень хорошо знаю теперешних мальчиков, которые не уживаются в детских домах. Что они делают? Обычно передвигаются: Одесса, Винница, Полтава, Киев, Харьков, опять Одесса и т.д. Они бродят, воруют и смотрят, где лучше. В этих поисках у них очень много возможностей.

До последнего постановления партии о ликвидации беспризорности¹⁶ беспризорники плохо относились к милиционерам. За последние 2 года это отношение резко изменилось. Если мальчик удрал из детдома, он прямо заявляет милиционеру, что он ушел. Какой расчет? Может быть, в другом детдоме будет лучше. Не понравилось в Киеве, поехал в Харьков, может быть, там лучше? Эта типичная беспризорность, теперь ликвидированная, была страшна не столько числом, сколько движением. Один и тот же беспризорный очень быстро оборачивался по разным городам, а фактически это было немногочисленное войско.

Когда мы принялись за выполнение постановления партии о ликвидации беспризорности, мы боялись: сколько их, тысячи, десятки тысяч? А когда мы их взяли в руки, когда мы их пересчитали, переписали, карточки на каждого завели, то их оказалось немного: у нас в Киеве была картотека с портретами всего этого общества, и мы прекрасно их знаем. Скажем, Павел был сначала в Днепропетровске, потом в Одессе, потом в Харькове и т.д. Мы знаем каждого, кто проходит через наши руки, и делаем все возможное, чтобы он осел, нашел для себя место. Как только ему понравится — помещение ли, управляющий, товарищи, — так он и оседет. Оседет такой Павел, живет-живет месяц, а ему и говорят: ты инструктора оскорбил, мы тебя в другую колонию переведем. И вот если он упадет на колени и начнет кричать, что больше не будет, конечно: значит, наш.

До революции у таких мальчиков никаких перспектив не было, они работали с утра до вечера, бегали за водкой и знали, что податься им некуда. А теперешний беспризорник — куда хочешь: в инженеры — пожалуйста, в летчики — пожалуйста.

Вот и здесь сейчас сидит один бывший коммунар, он теперь будет летчиком. Когда он пришел в коммуну, я думал, что с таким характером, как у него, то ли выйдет, то ли нет. А теперь он поступает в летную школу. И это очень хорошо, что он туда идет, потому что он мастерски делает «мертвые петли» и в буквальном смысле, и в переносном. В свое время он тоже долго искал по свету и наконец осел в коммуне.

Какую я получил награду за свою работу?

Во-первых, я получал жалованье, а во-вторых, золотые часы с надписью от коллегии НКВД¹⁷.

Женаты ли вы?

серьезных и принципиальных ограничений детской тематики указать нельзя.

Интересно рассмотреть тематический вопрос с другой стороны: нет ли таких комплектов тем, которые уместны только в детской литературе и для взрослого читателя не годятся? Если бы такие темы нашлись, они могли бы в известной мере характеризовать особенности детской литературы и ее отличия от литературы для взрослых. Однако при самых тщательных поисках ультрадетских тем нет никаких оснований утверждать, что такие темы могут быть найдены. Даже такие до конца беззубые новеллы, в которых рассказывается о том, как птичка прыгает на ветке, или изображается безмятежная вневременная и внепространственная идиллия:

*А у нас над рекой
Тишина и покой,
И налива со дна
Я достану рукой, —*
(«Дружные ребята», № 6)

даже такие «детские» идеи свободно могут быть предложены и взрослым, среди которых есть немало охотников достать налива рукой и вообще насладиться природой без каких бы то ни было дополнительных приспособлений или соображений. Может быть, трудно найти в литературе для взрослых целые книги, посвященные подобным наслаждениям, но отдельные страницы и вставки попадают часто.

Особенности, которые отличают «детскую» литературу от «взрослой», заключаются не в том, о чем рассказывается, а в том, как рассказывается.

Писателям, работающим в большой литературе, мы предоставляем обычно полную свободу стиля. Больше того, мы требуем, чтобы у каждого писателя был свой стиль, отличающий его от всех остальных писателей. Мы не требуем от писателя, чтобы у него обязательно был разработанный пейзаж, чтобы у него практиковались лирические отступления. Мы не обязываем его непременно показывать диалог, и можно назвать много авторов, у которых диалог почти отсутствует. Мы предоставляем писателю полную свободу в выборе метафор и не возражаем, если у него метафоры просто отсутствуют. Собственно говоря, очень трудно назвать или перечислить те стилевые каноны, которые считались бы общепринятыми и могли бы составить какой-нибудь свод художественных правил. Проза Пушкина и проза Л. Леонова стоят на разных концах стилевой линейки, оставаясь каждая в отдельности высокохудожественной прозой. То, что мы требуем от писателя в обязательном порядке, лежит за пределами стиля как такового: реалистическая наполненность темы, яркость и выразительность образов и характеров, эмоциональная взволнованность текста или подтекста — вот то, чего мы во всяком случае ожидаем от художественного произведения, предо-

ставляя автору какими угодно средствами идти навстречу нашим ожиданиям. И если писатель беден в самой своей реалистической правде, невыразителен и неразборчив в образах, сер и скуп в своих явных или скрытых эмоциях, мы осудим его произведение, независимо от того, какие им употреблены художественные приемы и средства, лаконичен он или многословен, употребляет метафоры или избегает их, живописует природу или обходится без природы.

Художественный минимум, невыполнение которого выбрасывает произведение из художественной литературы, обязателен и для произведений, предназначенных для молодого читателя. И в этом случае мы должны требовать реалистической полнокровной правды, яркости, впечатляемости образа и эмоционального подъема. При наличии всех этих качеств мы признаем художественную ценность произведения достаточной. Но теперь мы уже не можем предоставить художнику такую же свободу в выборе изобразительных средств, иначе говоря, мы ограничиваем его в стилевом отношении. Если такое ограничение не выполняется, мы угрожаем автору... в лучшем случае мы угрожаем ему тем, что отнесем его произведение к разряду «взрослых». Фактически такая угроза никогда не существует, ибо обычно дело обстоит хуже: удовлетворяя нашим стилевым требованиям в одном приеме, автор не выполняет их в другом. Произведение останавливается где-то посредине, между детским и взрослым читателем.

По отношению к детской литературе можно, стало быть, говорить о некотором своде стилевых ограничений или правил. В своей сущности они представляют педагогические акты, вполне естественные всегда, когда дело касается ребенка или подростка. Их происхождение заключается в самой природе ребенка, описывать которую в настоящей статье нет надобности отчасти потому, что она более или менее синтетически известна, отчасти потому, что эта природа отражается и в самых законах наших стилевых требований.

Размеры настоящей статьи не позволяют развернуть широкую логическую картину, не позволяют связать стилевые особенности детской книги с тем или другим признаком детства. В большинстве случаев бывает полезно выводить эту связь не из педагогической логики, а из прямого опыта, достаточно у нас известного и широкого. Вообще в области детского чтения наиболее уместной остается индуктивная логика. В нашей советской действительности она должна направляться марксистским представлением о личности и коллективе, диалектическими законами развития. Именно поэтому мы прежде всего должны отказаться от какой бы то ни было идеи «остановившегося детства» (обычный порок педагогической дедукции). Ребенок растет с каждым своим днем. Книга, прочитанная им сегодня, и та же книга, прочитанная им через несколько дней, встречает, в сущности, разных читателей и разный читательский прием. Наша книга не

ДЕТСТВО И ЛИТЕРАТУРА

Воспитание нового гражданина происходит у нас везде. Трудно назвать такое место, такой общественный процесс, такое общественное явление, где не происходило бы становление нового человека. Коллективизация нашего села есть, может быть, самый яркий в истории случай активного и целеустремленного перевоспитания масс, одно из самых глубоких и смелых по замыслу педагогических явлений человечества.

Перед нами раскрываются широкие политические перспективы, далеко, впрочем, не мирные и далеко не безоблачные. Впереди у нас не только победы, но и борьба. Для этих побед и для этой борьбы воспитываются люди, они сейчас растут в нашей семье и в нашей школе.

Как же отражает советская литература важнейшие явления в области воспитания будущего гражданина?

В этой статье мы не будем касаться литературы, предназначенной для детского возраста. У нее свои способы освещения жизни. Точно так же мы оставляем в стороне работы советских писателей, касающиеся дореволюционного времени. Нас здесь интересует художественная литература, изображающая советские дни.

Можно назвать очень немного произведений художественной литературы, посвященных вопросам воспитания советских детей, но все эти книги говорят о детях-«правонарушителях». Правда, и в этой узкой теме можно всколыхнуть вопросы общего воспитания. Но этого не случилось. В нашей литературе о правонарушителях больше романтики беспризорности, чем педагогики.

Отношение нашего общества к преступнику и беспризорнику ярко отличается от отношения буржуазного общества. Уже одно это — большая и особая тема. Между тем у некоторых авторов описание жизни беспризорников принимает форму любования ими. Здесь — большой простор для дурного вкуса, для дешевого и бездеятельного романтизма, для дешевой сентиментальности. Некоторые наши авторы интересуются не вопросом о формировании характера человека, а только тем, насколько необычайна, остроумна и привлекательна анархическая поза беспризорного.

Разумеется, преступник — явление отрицательное. Никакого удовольствия фигура беспризорника живому и культурному человеку доставить не может. Она может представлять интерес только с точки зрения педагогической.

Но как раз педагогический момент в нашей литературе отражен очень неудачно. Первой ласточкой этой литературы были «Правонарушители» Сейфуллиной. Педагогическое действие представлено здесь педагогом-чудаком Мартыновым, о котором даже беспризорник Гришка отзывается с суждением: «Обезьяну эдакую беспокойную в зверинце видал...» Этот Мартынов, на каждом шагу дергающийся и кривляющийся, проповедующий своеобразный пантеизм¹ и отрицание семьи, мог, конечно, поразить на некоторое время десяток-другой ошеломленных жизнью беспризорных, но серьезного воспитательного дела поручить ему нельзя, а тем более нельзя видеть в нем какой-либо прообраз социалистической педагогики.

В таком же жалком состоянии представлена воспитательная работа и в «Республике Шкид» Белых и Пантелеева. Собственно говоря, эта книга есть добросовестно нарисованная картина педагогической неудачи. Книга наполнена от начала до конца описаниями весьма несимпатичных приключений «шкиды», от мелкого воровства до избиения педагогов, которые в книге иначе и не называются, как «халдеи». Воспитательный метод руководителя «шкиды» Викниксора и его помощников совершенно ясен. Это карцер, закрытые двери, подозрительные дневники, очень похожие на кондуит. Здесь сказывается полное бессилие педагогического «мастерства» перед небольшой группой сравнительно «легких» и способных ребят. До самой последней страницы проходят перед читателем якобы занятные трюки одичавших воспитанников.

В «Утре» Микитенко есть попытки остановиться на некоторых воспитательных принципах, но слишком много внимания автор уделяет блатному великолепию беспризорного мира. Герои Микитенко доходят до такого парада, что отказываются даже спать на чистых постелях и есть хорошо приготовленный обед. Здесь любование беспризорной «красотой» доходит у автора до степени восторга. Педагогические деятели «Утра» не имеют лица. Главный из них, Грипич, с некоторой гордостью утверждает, что даже «ужасный» педологический кабинет (ужасный — значит очень бедный) в его руках — важное оружие. Это вовсе не значит, что Микитенко выступает как сторонник педологии. Сия знаменитая наука интересует его так же мало, как и Грипича, но, поскольку роман был задуман на тему педагогическую, вполне прилично было упомянуть и о педологии.

Из указанных «правонарушительских» книг невозможно ни представить себе картину советского воспитания, ни тем более прикоснуться к спорным вопросам нашей педагогики. Педагогически эти книги так же нейтральны, как и бесполезны.

Что же имеется в нашей литературе о школе и семье как факторах воспитания?

Почти ничего.

Особняком стоит «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева. Можно спорить о верности нарисованной здесь картины нашей школы в первые годы нэпа, но нельзя отказать этой книге в живом и здоровом остроумии, в удачно схваченном колорите юношеского общества. В книге педагогика еще беспомощна, школа еще слабо организована и часто вызывает ироническую улыбку.

Дети в произведениях наших писателей, как правило, отсутствуют. Герои наших романов и повестей принципиально бездетны, наше советское общество имеет чрезвычайно взрослый вид.

Между тем дети составляют самую красивую, самую звучную и радостную часть этого общества. Изображая советскую жизнь в искусственно созданной тишине бездетности, не рискуем ли мы получить сильно искаженную картину? Взрослые без детского окружения не будут ли просто «ненастоящими» взрослыми?

Детские фигурки только изредка мелькают на страницах наших книг, но роль этим фигуркам назначена чисто служебная. В самом лучшем случае ребенок выступает как украшающая подробность, его значение не превышает значения других предметов авторского натюрморта: платья, мебели.

В книге Юрия Германа «Наши знакомые» есть такой симпатичный мальчик Федя, сынок главной героини Антонины. Он необходим как усложнение и без того сложной жизни героини, он придает некоторым страницам характер неприятельской и милой лирики, но присутствие его не несет с собой никаких проблем, ни воспитательных, ни человеческих. Федя — это эстетический орнамент. Недаром автор заставляет его выражаться интересным и симпатичным слогом. В самые трудные минуты жизни матери Федя больше всего интересуется игрушкой-зайцем, и этот заяц играет в романе роль, пожалуй, не менее значительную, чем сам Федя. Круг приключений Антонины кончен, кончен и роман — ни автор, ни читатель не интересуются, что будет дальше с Федей.

Такую же служебную роль играет и Зямка в «Дороге на Океан» Леонова. Как и Федя, Зямка просто «хороший» ребенок, специально приготовленный автором для духовного отдыха умирающего Курилова. И этот ребенок, как и все прочие литературные ребенки, говорит специальным украшающим языком: «Она бюлье вешает на чурдаке»; но Леонов не довольствуется такой сравнительно пассивной формой детского действия. В предсмертной тревоге Курилова такие разговоры были бы слишком пресны. Поэтому Зямке поручается гораздо более ответственный диалог. Зямка прямо спрашивает Курилова:

«— Ты смерть боишься?»

И в конце романа Зямка утешает Курилова:

«— Может, еще выждоровеешь...»

На этом роль Зямки кончена.

Некоторые авторы пользуются детскими фигурками для своих эгоистических целей, пожалуй, даже чересчур безжалостно. В рассказе Василия Гроссмана «В городе Бердичеве» изображается только что родившая мать, комиссар батальона Вавилова. Красные оставляют город, в него с минуты на минуту должны вступить поляки. Мать примиряется с тем, что ей придется остаться, пока красные снова возьмут город. Но вступают не поляки, а красные курсанты. Их боевая песня на улицах города решает судьбу новорожденного.

«...Видели, как по улице вслед курсантам бежала женщина в папаше и шинели, на ходу закладывая обойму в большой тусклый маузер».

А «проснувшийся Алеша плакал и бил ножками, стараясь развернуть пеленки».

Мать оставила только что рожденного ребенка в случайной еврейской семье. В рассказе не изображается никаких переживаний матери по такому случаю, может быть, потому, что ребенка этого родил не комиссар батальона Вавилова, а сам автор Василий Гроссман.

Гораздо лучше поступил тот же автор в рассказе «Муж и жена». Рассказ изображает семейную драму, измены и прочее. Автор вполне правильно решил, что раз есть семья, должны быть и дети. Но чтобы не возиться с ними на страницах книги, он остроумно вписал в первые же абзацы рассказа:

«Верочку Ариша увезла с утра к дедушке».

В дальнейшем о Верочке не вспоминают ни автор, ни ее родители.

Эта Верочка Гроссмана может служить моделью бедных советских детей. Авторы отправляют их к дедушке, чтобы они не мешали взрослым жить, совершать подвиги, иногда совершать и гадости.

Можно еще вспомнить несколько детских фигурок в нашей литературе, но искать в ней воспитательные проблемы или хотя бы детские характеры было бы совершенно бесполезно. Даже в вещах, специально посвященных детской личности, дети выступают обязательно в искусственной роли. Такова «Таня» Сейфуллиной, двенадцатилетняя девочка, существо ходульное, резонерствующее, воспринимающее мир «по-взрослому».

Нет, дети, роль которых не идет дальше сюжетного орнамента, — это не наши дети. И детские «словечки», книжное детское остроумие, сделанное специально для того, чтобы щекотать чей-нибудь испорченный вкус, нам не нужны. А любовь к таким словечкам у авторов иногда доходит до размеров, абсолютно неприличных. В рассказе Сейфуллиной «Молодость» умирает девушка.

«...Мать спросила:

— Что дать тебе, доченька, что?

Нина взглянула на мать совершенно сознательно и ответила строго:

— Откуда я знаю? Я умираю в первый раз».

Ведь правда же, трудно не улыбнуться этому остроумию не то умирающей девушки, не то здравствующего автора.

Все эти дети — случайные фигуры в нашей литературе. Мы не верим в этих однообразно хороших детей потому, что не видим их жизни и их индивидуальности. И совершенно уже мы не видим в наших книгах советской школы, советских воспитательных проблем и тех трудных педагогических положений, которые на деле так часто занимают и нашу семью, и наше общество. Еще меньше мы видим, как в детстве воспитывались действующие в романах герои.

Ни в какой мере мы пока еще не можем выдержать сравнение с нашими классиками, которые так много уделяли внимания детству своих героев. Вспомним картины детства Обломова, Евгения Онегина, Наташи Ростовской, детей из «Пошехонской старины», из романов Тургенева, «Детство» и «Отрочество» Л. Толстого, «Детство» М. Горького и др.

Это печально в особенности потому, что детская жизнь — органическая часть всей нашей жизни. Мы не имеем права забывать о детстве, ибо это значит игнорировать требование художественной правды.

Наша художественная литература должна уделить детям большее творческое внимание. В ее изображении советские люди не должны выступать как бы обреченно-бездетными. Дети — это живая сила общества. Без них оно представляется бескровным и холодным. Изображая наше общество без детей, советская литература обедняет его, дает картину, лишенную богатства красок и подлинной жизненности.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Каждая книга для детей прежде всего должна преследовать воспитательные цели. К сожалению, мы еще не имеем исследований о воспитательном влиянии литературы, и в каждом отдельном случае нам приходится опираться главным образом на наш опыт — педагогический и литературный.

В жизни очень трудно бывает определить, какие поступки детей являются следствием чтения. Мне приходилось очень часто наблюдать неожиданный воспитательный результат чтения — совершенно не тот, на какой можно было надеяться, судя по содержанию книги. Неопытному человеку очень трудно предсказать, какое — положительное или отрицательное — влияние она произведет на молодого читателя. Вообще, надо прямо сказать: для такого заключения требуется очень тонкая педагогическая логика. И конечно, такая логика должна быть и у тех людей, которые руководят изданием детских книг, и у тех, которые пишут для детей.

Нашей целью, целью советской детской литературы, должно быть воспитание цельной коммунистической личности.

Художественная литература не должна развивать в ребенке только воображение или ставить перед собой узкопознавательные задачи.

Точно так же нельзя выделять и какую-нибудь специальную политическую цель, потому что каждая наша книга должна быть книгой политической. Но как раз в области политического воспитания у нас часто грешат «толстой» логикой, не замечая всей ее неповоротливости и вредности.

Я знаю, что в пионерских звеньях у нас иногда занимаются соревнованием в составлении альбомов, посвященных событиям в Испании. Руководители при этом уверены, что делается дело очень полезное для политического воспитания. Пионеры разыскивают во всех иллюстрированных журналах картинки, вырезают их, наклеивают в альбомы, снабжают надписями и с гордостью посматривают на своих менее удачливых соперников.

Испанская борьба, ее напряжение, ее ужасы, мужество, героизм очень близки нам, они непреложно утверждают для каждого

советского гражданина единство фронта трудящихся, и именно поэтому нужно со всей серьезностью подойти к интернациональному воспитанию ребенка. Поручая составление альбомов детям, не воспитываем ли мы в них хладнокровных наблюдателей, способных с ножницами в руках «препарировать» какое угодно общественное явление.

Конечно, это вовсе не значит, что каждая книга или каждая строчка должны ставить перед собою такую грандиозную цель, как воспитание цельной личности, и достигать немедленно этой цели. Воспитательный процесс — процесс очень длительный и сложный, одна литература вообще не способна справиться с этой задачей. Но каждая книга должна видеть перед собой эту цельную советскую личность как общую нашу цель, к которой следует стремиться.

«Рассеянный с улицы Бассейной» на первый взгляд просто веселое детское стихотворение, но в нем содержится синтетический образ молодого советского читателя, который не просто зубоскалит, а смеется здоровым смехом.

Мы находимся в исключительно благоприятных условиях, потому что настоящая художественная литература всегда была литературой гуманистической, всегда отстаивала лучшие идеи человечества. Поэтому мы можем давать нашим детям и Марка Твена и Жюль Верна и других. На первый взгляд, что особенно ценного заключается в «Томе Сойере»? И взрослые плохие, и дети шалуны, а иногда даже хулиганы. Но в книге так много человеческого цельного, проникнутого радостным и деятельным чувством бытия, что она принципиально созвучна с нашей эпохой.

Только книги, преследующие цель создания и воспитания цельной человеческой личности, несомненно полезны для наших детей. И не всякая книга, написанная на прекрасную тему, сама по себе прекрасна. Трудно представить себе, например, книгу о товарище Кирове, если в ней не будут ярко изображены его характер, его воля в политической борьбе.

Этому основному требованию, которое нужно предъявить к каждой детской книжке, больше всего противоречит очень распространенная у нас добродетельная манера наших авторов. Часто писатели хотят быть «лучше», чем это требуется для наших детей. Источниками этой добродетели являются не советские идеи и не идеи гуманизма, а идеи христианской морали. Это скучная, серенькая, бездеятельная, прибранная христианская добродетель, «доблесть» воздержания, «героизм» умеренности и непротивленчества. Очень живучи эти силы, они еще находят себе место и на страницах нашей книги, и в работе некоторых педагогов.

В нашей книге должно быть очень много энергии, смеха, проказливости — все это прекрасные детские черты, определяющие силу характера, его мажорность, его устойчивость и коллективизм. Наша детская книга должна быть ярко жизнерадостной.

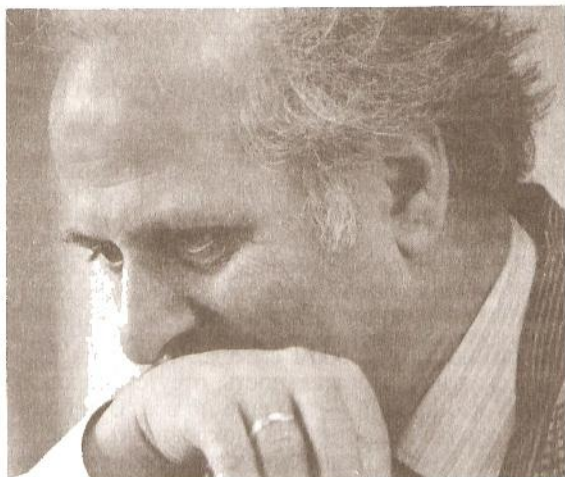
Несколько слов о стиле нашей детской книги.

Критики любят вопить: «Детская книга должна быть высокохудожественной книгой!» Подобные заявления кажутся настолько похвальными, что никому в голову не приходит возражать.

В самом деле, как можно возражать против высокой художественности? Но что вкладывается в эти слова? Честное слово, ничего. Никакого конкретного значения такие заявления не имеют. Мы хорошо знаем, что все дети раньше или позже начинают читать Толстого и Горького¹. У одних это происходит в 15 лет, у других в 13. В известном возрасте детям становится доступной настоящая «взрослая» литература, высокохудожественная. Но до тех пор детям нужна специальная детская литература.

В чем отличие ее стиля, ее письма? Этой литературе должна быть присуща художественность в особом смысле. Простота рассказа, его строгая логическая последовательность, отсутствие каких бы то ни было словесных изощрений — это еще не все. В детской литературе должны быть особая яркость и полнокровность красок, совершенно явный реализм, точное разделение светлого и темного. Здесь неуместен никакой импрессионизм, не должно быть никаких эстетических оттенков. Та прямая борьба светлого и темного, какая есть в сказке, должна быть и в каждой детской книжке, в ней не нужны тонкая психологическая игра, слишком детальный анализ. Еще менее уместны в ней пассивно-созерцательная лирика, старческие, грустные размышления над природой.

Общее различие стиля детской литературы по сравнению с литературой «взрослой», мне кажется, должно определяться некоторым, самым незначительным (повторяю, самым незначительным!), приближением ее к лубку. Такое приближение есть и у Купера, и у Жюль Верна, и у многих других. В нашей литературе наблюдалось всегда сопротивление такой тенденции, и, прямо нужно сказать, это не принесло особенной пользы. В лубке есть тоже своя необходимая эстетика, которую нельзя просто игнорировать. Такое приближение к лубку требует от авторов и таланта, и изобретательности, и, самое главное, яркости чувства.

От первого читателя

Я впервые знакомлюсь в таком полном виде с перепиской А.С.Макаренко с А.М.Горьким.

Убежден, что в этих доверительных письмах заключена тайна, которая так искусно маскируется во внешне лояльном к власти творчестве Антона Семеновича.

Из откровений этих удивительных людей стала для меня ясна вся глубина трагедии великого педагога, повторившаяся в жизни Василия Александровича Сухомлинского.

Ключом текстов сочинений Антона Семеновича Макаренко является его педагогический опыт, ключом контекстов — время, в котором он жил; а вот ключом подтекста я считаю письма, адресованные им А.М.Горькому. Это я понял только сейчас, к сожалению, очень поздно, в чем раскаиваюсь искренне.

Шалва Амонашвили

ПЕРЕПИСКА А.С.МАКАРЕНКО с А.М.ГОРЬКИМ

Полтава,
Колония им. М. Горького.
8 июля 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

NB *Что бы случилось, если бы это письмо, отправленное «на деревню, дедушке», не нашло своего адресата или же адресат этот не откликнулся бы на него? Возможно, мир все же получил бы «Педагогическую поэму», и имя Антона Семеновича Макаренко стало бы известным. Но с уверенностью можно сказать: «Педагогическая поэма» осталась бы недописанной, без второй и третьей части, а Макаренко не взойшел бы на пьедестал классики. Ибо адресат этот был Алексей Максимович Горький. Письма Антона Семеновича есть молебные крики души педагога, ищущей надежду, вдохновение в сердце великого писателя; сердце же это, как колокол, чутко отзывалось при каждом ударе и тут же посылало спасение, надежду и вдохновение. Трудно читать эти письма спокойно, без возмущения теми, кто умеет губить и отрицать, без восхищения и чувства благодарности перед теми, кто умеет создавать и утверждать. Можно сказать, что А.М.Горький — творец Антона Семеновича Макаренко.*

Трудно поверить, но я второй год не могу получить Ваш точный адрес. Писал в редакции всех журналов, в которых Вы участвуете, но ответа не получал. Наши воспитатели писали кое-кому из людей, побывавших у Вас в гостях, но тоже ответом нас никто не порадовал. В общем мы знали, что Вы в Сорренто, но ведь нужно знать и что-то большее. Наконец в «Огоньке» мы нашли статью о Вас и в ней Вашу литературную фамилию, написанную по-итальянски. Так и посылаем. В статье «Огонька» написано, что в Сорренто все знают Ваш адрес.

Кто мы такие? В Полтаве 25 августа 1920 года была открыта колония для несовершеннолетних правонарушителей. Я состою заведующим этой колонией с самого ее основания, мне тогда же удалось собрать крепкий коллектив воспитателей, который рабо-

тает в колонии вот уже 5 лет, почти без изменений в составе. Благодаря этому и некоторым другим обстоятельствам наша колония все время жила здоровой жизнью и, по отзывам в педагогической литературе, считается лучшей в России. Это позволяет нам со спокойной совестью носить Ваше имя. Мы просили о присвоении колонии Вашего имени в 1921 году, и теперь гордимся, что носим его с честью. Выбирая Вас своим шефом, мы руководствовались не простым желанием носить имя известного всему миру лица, а какой-то глубокой родственностью между Вами и нами. Эту родственность мы видим и чувствуем не только в том, что и Ваше детство подобно детству наших ребят, и не только в том, что многие типы в Ваших произведениях — это наши типы, но больше всего в том, что Ваша исключительная вера в человека, нечто единственное во всей всемирной литературе, помогает и нам верить в него. Без такой веры мы не могли бы 5 лет работать без отдыха в колонии. Теперь эта вера стала и верой наших хлопцев, она создает в нашей колонии здоровый, веселый и дружный тон, которому удивляются все, кто у нас бывает. Когда меня спрашивают, какое главное доказательство успешности нашей работы, я указываю: наши мальчики, присланные к нам принудительно, по постановлению судебных органов, носящие позорное клеймо правонарушителя, через несколько месяцев уже гордятся тем, что они колонисты, да еще горьковцы. Я бы сказал — пожалуй, чересчур гордятся, задирают носы, важничают и на всех остальных людей смотрят несколько свысока. Всякий воспитанник, пробывший в колонии 1 год, также и каждый служащий получают от Педагогического Совета почетное звание колониста.

Разрешите более подробно описать нашу колонию. Сейчас мы помещаемся в 10 верстах от Полтавы в имении б. помещиков Трепке. Получили мы это имение еще в 1920 году в совершенно разрушенном виде и до ноября 1924 года ремонтировали его, а сами ютились в старой колонии малолетних преступников, верстах в трех. Истратили мы на ремонт 14000 рублей и около 20000 детских рабочих часов.

Колония стоит на реке Коломаке. При ней 40 десятин пахотной земли, 3 десятины луга, парк и сад.

В настоящее время в колонии живет 130 хлопцев и 10 девочек (возраст от 14 до 18 лет). Воспитателей 8.

К нашему счастью, нас никто никогда не баловал особенным вниманием. Поэтому мы пережили много тяжелых дней. Две зимы хлопцы не имели теплой одежды и обуви, но работы не прекращали. Только с 1923 года, когда мы стали опытно-показательной колонией Наркомпроса УССР, нам стало легче, и мы даже начали обрастать всяким добром. Сейчас мы уже арендуем паровую мельницу, имеем 7 лошадей, 4 коровы, 7 штук молодняка, 30 овец и 80 свиней английской породы. Имеем свой театр, в котором еженедельно ставим пьесы для селян — бесплатно. Театр собирает до 500 человек зрителей.

Живем мы в общем хорошо. Правда, у нас всегда бывает до 30% новеньких, еще не привыкших к дисциплине и труду, которые всегда привносят в нашу общину беспорядочный дух городской улицы, рынка, вокзалов и притонов. Под влиянием дружной семьи более старых колонистов этот дух очень быстро исчезает, и только в редких случаях нам приходится приходить в отчаяние.

Колония организована как открытое учреждение. Кому в ней не нравится, может свободно уходить. В то же время мы завоевали право общим собранием принимать в колонию тех детей, кто к нам непосредственно обращается с улицы.

Все хозяйство колонии находится в руках колонистов. Они владеют всеми кладовыми, амбарами, вообще всеми ключами. Разделены колонисты на 16 отрядов, во главе каждого отряда командир. Совет командиров — высший хозяйственный орган колонии.

Нам удалось добиться крепкой дисциплины, не связанной с гнетом. Вообще мы думаем, что нашли совершенно новые формы трудовой организации, могущие понадобиться и взрослым.

В течение года мы выпускаем в жизнь до 40 юношей. Часть из них идет на производство, часть в армию, наиболее способные в рабфаки. Рабфаковцы — это наша гордость. По ним равняются, за ними тянутся все живые силы.

К сожалению, в колонии много детей умственно малосильных.

Наш день — это строгий до минуты трудовой комплекс. Но почему-то он у нас всегда проходит со смехом и шутками. Особенно оживляемся мы в дни великих праздников. Между ними мы имеем наши собственные праздники. «День первого снопа», когда мы первый раз выезжаем в поле с жнейками, и день «Первого хлеба», когда выпекается первый хлеб из собственного зерна. На эти праздники к нам приезжает много гостей из села, Полтавы и Харькова. Зато 26 марта, в день Вашего рождения, мы не приглашаем никого. Нам всем это страшно нравится. Колония вся украшается флагами и зеленью (сосны у нас свои). В столовой белоснежные скатерти, все в праздничных костюмах, но ни одного чужого человека. Ровно в 12 часов к Вашему портрету торжественно выносятся знамя, и вся колония до единого человека усаживается за столы. Всегда в этот день у нас печется именинный пирог. Произносятся короткие, но горячие и душевные речи. В этот день мы ежегодно повторяем:

— Пусть каждый колонист докажет, что он достоин носить имя Горького.

Обед заканчивается множеством сладостей — это единственный день, когда мы позволяем себе некоторую роскошь.

Знамя у Вашего портрета стоит до вечера, и возле него меняется почетный караул из воспитанников и воспитателей. На меня, как заведующего, возложена особая честь нести караул последнему.

Вот и все. Но как раз простота и немногословие делают этот праздник особенно прекрасным. Наши хлопцы, если припоми-

нают что-нибудь, то обыкновенно говорят: «Это было до именин» или «после именин».

Вечером в театре мы все эти 4 года ставим «На дне». Говорят, что хорошо выходит. Пьесу мы знаем почти на память.

И наконец, в этот день мы с особенной страстью мечтаем, что Вы к нам когда-нибудь приедете. Часто газеты нас обманывают — пишут, что Вы скоро приедете в Москву. Мы иногда вслух рисуем себе картину: что было бы, если бы Вы приехали к нам на целый месяц.

Мы надеемся, что Вы откликнетесь на это письмо. Если мы от Вас получим ответ и более точный адрес, мы пришлем Вам снимки фотографические из жизни нашей колонии и будем присылать Вам время от времени отчеты о нашей работе. Надежду видеть Вас мы не решаемся претворить в просьбу приехать, так как знаем, что Вам не позволяет приехать здоровье.

А. Макаренко.

Полтава,
Колония им. М. Горького,
ящ. № 43.
А.С.Макаренко

Гр. А.С.Макаренко

Примите сердечную мою благодарность за Ваше письмо, очень обрадовавшее меня, а также и за обещание прислать снимки с колонии и колонистов. Может быть, пришлете и отчет о работе, если отчет имеется?

Мой адрес:

Italia. Sorrento. M. Gorki.

Италия. Сорренто. М. Горькому.

Есть ли в колонии библиотека? Если есть — не могу ли я пополнить ее? Буде Вы нуждаетесь в этом — пошлите список необходимых Вам книг в Москву, Кузнецкий мост, 12.

«Международная книга»,

Ивану Павловичу Ладыжникову.

Мне очень хотелось бы быть полезным колонии. Передайте мой сердечный привет всем колонистам. Скажите им, что они живут во дни великого исторического значения, когда особенно требуется от человека любовь к труду, необходимому для того, чтоб построить на земле новую, свободную, счастливую жизнь.

Привет работникам, это всегда — самые великие герои в истории человечества, в деле, цель которого — свобода и счастье!

19.VII.25.

М. Горький.

Дорогой Алексей Максимович!

Вчера мы получили Ваше письмо. Я не хочу даже искать слов, чтобы изобразить нашу радость и нашу гордость, — все равно ни одного слова не найду, и ничего не выйдет. Сегодня с утра задождило — бросили молотьбу и все пишут Вам письма. Кому-то вчера на собрании после чтения Вашего письма пришла в голову мысль: общее письмо никуда не годится, пускай каждый напишет Вам записку. Насилу убедил хлопцев, что Вам будет очень трудно читать столько писем. Тогда решили писать по отрядам — сейчас вся колония представляет нечто вроде «Запорожцев» Репина, умноженных на 15 — число наших отрядов: такие же голые загоревшие спины и такие же оживленные лица, нет только запорожского смеха. Писать письмо Максиму Горькому не такая легкая штука, особенно если писаря не очень грамотные. Дождь перестал, и наш агроном, у которого тоже усы еще не успели вырасти, волнуется молча: все же ему стыдно признаться, что молотьба выше всех писем.

Все же я серьезно боюсь, что и письма хлопцев, и мое собственное составят для Вас слишком тяжелое бремя, а ничего не поделаешь, — слишком большой зуд рассказать Вам все и как-нибудь описать Ваше великое для нас значение. Вы вот написали: «Мне очень хотелось бы быть полезным колонии». А мне эту строку Вашу даже неудобно читать как-то. Если Вы станете для нас полезным в каком-либо материальном отношении, то это будет профанацией всего нашего чувства к Вам. Я очень хорошо знаю, что это общее наше настроение. Разрешите мне несколько подробнее на этом остановиться.

Наш педагогический коллектив до сих пор одинок в вопросе о значении деликатности по отношению к нашим воспитанникам. С самого начала мы поставили себе твердым правилом не интересоваться прошлым наших ребят. С точки зрения так называемой педагогики это абсурд: нужно якобы обязательно разобрать по косточкам все похождения мальчика, выудить и назвать все его «преступные» наклонности, добраться до отца с матерью, короче говоря, вывернуть наизнанку всю ту яму, в которой копошился и

погибал ребенок. А собравши все эти замечательные сведения, по всем правилам науки строить нового человека.

Все это ведь глупости: никаких правил науки просто нет, а длительная вивисекция над живым человеком обратит его в безобразный труп. Мы стали на иную точку зрения. Сперва нам нужно было употреблять некоторые усилия, чтобы игнорировать преступления юноши, но потом мы так к этому привыкли, что в настоящее время

В *Только вообразите себе: привозят в колонию подростка, злого и опасного нарушителя — вора, взломщика, бандита, хулигана — и передают под дулом пистолета молодому человеку на перевоспитание. А этот очкастый не интересуется его прошлым, не требует никаких «дел». Он доверяет*

подростку, он верит в его духовную мощь. В колонии он уже не правонарушитель, а свободный член самоуправляемого сообщества. Разумеется, от этого могла сойти с ума так называемая педагогика, лелеющая злокачественные язвы авторитаризма, догматизма, идеологического монизма и бездуховности, но имевшая силу над действительностью, ибо являлась представительницей диктаторской власти. Могла ли эта педагогика, люди, ее творящие и осуществляющие, дать волю творческому взлету истинной педагогики, которая не интересуется криминальным прошлым своих воспитанников?

Но вне колонии мы не в состоянии бороться со всеобщей бестактностью. Представьте себе: у нас праздник, мы встречаем гостей, мы радостны, оживленны, мы украшаем гостей колосьями и цветами, показываем свою работу, хозяйство, демонстрируем свое улыбающееся здоровье и гордо задираем носы, когда выносят наше «наркомпросовское» знамя. Гости приветствуют нас речами. Такими:

«Вот видите. Вы совершали преступления и не знали труда. А теперь вы исправляетесь и общаете...»

А был и такой случай:

— Бандиты на вас не нападают?

— Нет, не нападают.

— Хе-хе! Бандиты своих не трогают?

Я не умею описать ту трагическую картину, которая после таких речей и разговоров наступает. Видим ее только мы, воспитатели. Суровая сдержанность, крепкое задумчивое молчание надолго. Никто из колонистов не будет делиться с другими своим оскорблением, но до вечера Вы не услышите смеха, а обычно у нас половина слов произносится с улыбкой.

Мы с большим трудом сбросили с себя официальное название «Колония для несовершеннолетних правонарушителей». Но сбросили для себя только. Иногда хорошие люди пишут о нас статьи в газетах и журналах, статьи хвалебные, но их приходится прятать от хлопцев, потому что начинаются они так (по-украински): «Вчора в колонії малолітніх злочинців...»

Даже не правонарушителей, а «злочинців». Убийц и мошенников, когда они сидят в тюрьме, называют «заключенными», т.е. определяют их внешнее положение, а детей почему-то «правонарушителями», т.е. пытаются определить их сущность.

Мы поэтому особенно крепко привязываемся к тем людям, которые к нам относятся как к обыкновенным людям, которые просто разговаривают с нами, не опасаясь за свой карман. И с особенной злостью мы находим утерянные кошельки и забытые портфели и галантно вручаем владельцам. Мы не преступники, идиот ты несчастный, а колония Максима Горького.

Я сам не понимаю хорошо, почему в представлении наших хлопцев наше шефское имя является самым убедительным и неотразимым аргументом против смешивания нас с «преступниками», но это так. Отрывок из недавней речи:

— ...вы ничего не понимаете, товарищ. Если вы ехали в колонию малолетних преступников, то значит не туда попали. Здесь колония Максима Горького.

Ваше имя и Ваша личность для нас для всех лучшее доказательство, что мы тоже люди. В день Вашего рождения у нас серьезно ставится девиз: «Каждый колонист должен доказать, что он достоин носить имя Горького». А теперь, когда мы почувствовали Вас не только как символ, а как живую личность, когда мы все держали в руках лист, который держали и Вы, и когда мы слышали Ваши слова, обращенные к нам, о свободной и счастливой жизни, нам сам черт не брат: Ваше шефство для нас большое счастье, и много, очень много сделано нашими воспитателями только благодаря Вам. Сейчас у нас серьезно ставится вопрос о переводе колонии в новое имение с 1000 десятин и об увеличении ее населения до 1000 детей. Мы ставим единственное условие, чтобы колония осталась горьковской.

Простите, что так много написал.

Отчета печатного у нас нет. Вместо него посылаю Вам книжку Маро. В ней на стр. 61—77 описание колонии, правда, немного устаревшее. В конце августа празднуем 5-летний юбилей и готовим юбилейный сборник. Тогда Вам пришем. На днях вышло Вам большие снимки, а пока посылаю несколько последних любительских.

Теперь мы будем писать Вам часто. За подарок (книги) благодарим Вас крепко, но Вам не нужно думать ни о какой материальной помощи, Вы для нас дороги и страшно «полезны» только тем, что живете на свете. Хлопцы просили у Вас портрет. У нас действительно нет хорошего портрета и достать негде — есть только маленькие. Большой я сам нарисовал углем по репинскому портрету. Сейчас снимаем копию с портрета в «Огоньке». Но у Вас ведь тоже большого портрета нет.

Если Вы будете в России, Вы когда-нибудь подарите нам знамя. Может быть, Вы не согласитесь со мной, что это будет страшно хорошо. И «полезно». Простите за шутку.

Хлопцы заваливают мой стол своими письмами. И спрашивают: «А это ничего, что мы так написали?» После этого можно еще пять лет поработать в колонии.

1925 г., август.

А. Макаренко.

Дорогой А. С.,

я очень тронут письмами колонистов и, вот, отвечаю им, как умею. В самом деле, жалко будет, если эти парни, выйдя за пределы колонии, одиноко разбредутся кто куда и каждый снова начнет бороться за жизнь один на один с нею.

Ваше письмо привело меня в восхищение и тоном его, и содержанием. То, что Вы сказали о «деликатности» в отношении к колонистам, и безусловно правильно, и превосходно. Это — действительно система перевоспитания и лишь такой она может и должна быть всегда, а в наши дни — особенно. Прочь вчерашний день с его грязью и духовной нищетой. Пусть его помнят историки, но он не нужен детям, им он вреден.

Сейчас я не могу писать больше, у меня сидит куча иностранцев, неловко заставлять их ждать. А Вам хочется ответить хоть и немного, но сейчас же, чтоб выразить Вам искреннейшее мое уважение за Ваш умный, прекрасный труд.

Крепко жму руку.

17.VIII.25.
Sorrento.

М. Горький.

Полтава,
Колония им. М. Горького.
8 сентября 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я опять пересылаю целую кучу писем. Они во всех отношениях неудачны, наши хлопцы не умеют в письме выразить то, что они чувствуют, да это ведь часто и наши взрослые не умеют. К тому же вся наша верхушка в числе 19 человек уехала на рабаки.

А чувствуем мы много. Ваши письма делают у нас чудеса, во всяком случае делают работу нескольких воспитателей. Простите за такой «рабочий» взгляд на Вас, но ведь Вы сами этого хотели. Нужно быть художником, чтобы изобразить наши настроения после Ваших писем. С внешней стороны как будто нечего протоколировать. Сидит за столом председатель и возглашает: «Слушается предложение Максима Горького!» А в это время зал никак не может настроиться на деловой лад. Глаза у всех прыгают, чувства тоже прыгают, и все это хочет допрыгнуть до Вашего портрета и что-нибудь сделать такое... Ночью в куренях мечтают о том, как будут Вас встречать, когда Вы приедете, какую Вам дадут комнату, чем будут кормить. Наши хлопцы ведь всегда были одиноки: отцы, матери, дедушки, бабушки — все это растеряно давно, мало кто помнит о них. А любовь у них требует выхода, и вот теперь такое неожиданное и великое счастье — можно

любить Вас. Раньше у нас был шеф великий писатель Максим Горький, ведь из хлопцев больше половины не могли Вас ощущать, как писателя. А теперь у них шеф живой человек, великий тоже, но не писатель, а человек, большой и расточительно ласковый по отношению к нам, назло всем милиционерам, которые нас «тыряли» по участкам и угрозыскам.

«Общество взаимопомощи колонистов-горьковцев» обещает сделаться чем-то в высшей степени интересным. Специальная комиссия заканчивает устав, который после принятия его общим собранием будет Вам прислан на утверждение. Вы подняли вопрос самый важный в нашем быту. Неверное будущее, полное неизвестности и новых страданий, основательно портит наши теперешние дни. Патронирование выпущенников налаживается с трудом, в особенности в таком захолустье, как Полтава.

Хлопцы писали Вам под впечатлением юбилейного праздника, но едва ли из их писем Вы этот праздник представите себе. Нас чествовали, как следует. Были гости из Харькова. 8 сотрудников, работающих в колонии с самого начала, Полтавский окрисполком наделил подарками. Наркомпрос мне дал звание «красного героя труда», а Полтава командует меня в «научную» командировку в Москву и Ленинград на два месяца, на какое дело ассигновали 200 рублей. К сожалению, едва ли я этой командировкой воспользуюсь: не умею осторожно тратить деньги, а поэтому мне не хватит, самое же главное, не сумею на такое долгое время бросить колонию — за пять лет я не оставлял ее больше как на 2—3 дня. Сейчас же у нас обычный осенний кризис. Старики-колонисты ушли учиться, а на их место присылают новых. Переварить два десятка совершенно разболтавшихся, разленившихся, диких хлопцев трудно. По опыту я знаю, что нужно не меньше 4-х месяцев, чтобы увидеть на их мордах первую открытую человеческую улыбку доверия и симпатии. В особенности трудно с новыми девочками. Пережившие всякие ужасы, вступившие на путь проституции, озлобленные, вульгарные, они очень нескоро начинают нас радовать. С ними не с чего начать, у них нет совсем уважения к себе и нет никаких надежд.

По закону в колониях, подобных нашей, запрещено совместное воспитание. Я добился давно присылки девочек в качестве опыта, и теперь именно совместное воспитание много мне помогает. В настоящее время я вожусь с 17-летней девочкой Крахмаловой. На ее глазах, когда ей было 11 лет, ее мать убили, облили керосином и сожгли. Крахмалова после того перебивала во многих притонах, тюрьмах и колониях, отовсюду бежала, везде обкрадывала. У этой девочки прелестное лицо, невинное и серьезное, но взгляд жесткий и какой-то остановившийся. Она у нас живет с месяц, послушна и вежлива; но я не знаю, с какой стороны к ней подойти. На авось, просто по чутью, я просил воспитателей не обращать на нее никакого внимания, держать строго деловой и вежливый тон, чуждый лишних слов и сентиментов.

Только к концу месяца я наконец поймал первый ее внимательный взгляд, в котором жажда тепла смешана с гордой осторожностью. В этот именно момент я дал ей ключ от своей комнаты и поручил принести портфель, но... она отказалась от ключа и убежала, а теперь смотрит еще более внимательно, но страшно угрюмо и дико... Жду чего угодно.

Простите, что я разболтался. Вы теперь страшно заняты, мы это знаем по Вашему письму акад. Ольденбургу, а мы надоедаем Вам своими письмами и своими буднями. Все мы очень хорошо знаем, что поступаем эгоистично, но ничего с собой поделаться не можем. Мы эгоистичны, как дети, а Вы такой родной и наш собственный. Один из наших пацанов так и говорит:

— Когда Горький приедет, так он уже у нас будет жить? А другой отвечает:

— Вот, если он приедет, так такое будет! Он никуда и не захочет ехать. Он тогда уже будет совсем нашим.

Посылаю Вам снимки нашего юбилея. Получили ли Вы посылку с снимками и книжкой?

Не чересчур ли мы надоедаем Вам? Если будете нам писать, то одну-две строчки, не обращайтесь внимания на наши аппетиты.

Будьте здоровы и радостны.

Полтава,
почт. ящ. № 43

А. Макаренко.

А. Макаренко.

Получил письма колонистов и Ваше, очень радуюсь тому, что отношения между мною и колонией принимают правильный характер. Я прошу и Вас, и колонистов писать мне всякий раз, когда это окажется желаемым, — а тем более, — нужным.

Я послал колонии снимки Неаполя и Сорренто, получили Вы их? И написал в Москву, чтоб колонии выслали все мои книги.

Мне хотелось бы, чтоб осенними вечерами колонисты прочитали мое «Детство», из него они увидят, что я совсем такой же человек, каковы они, только с юности умел быть настойчивым в моем желании учиться и не боялся никакого труда. Веровал, что действительно: «учение и труд все перетрут».

Очень обрадован тем, что мой совет устроить общество взаимопомощи понравился Вам и колонистам. Надо бы обратить особенное внимание на помощь тем из них, которые пошли в рабаки, — рабфаковцам живется особенно трудно, не так ли?

Скажите колонистам, приславшим мне письма, что я сердечно благодарю их, но ответить им сейчас же не имею возможности, очень занят. Желаю им всего доброго и бодрости духа. Вам — тоже. Будьте здоровы.

19. IX. 25.

М. Горький.

Полтава,
Колония им. М. Горького.
24 ноября 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я надеюсь, что Вы не будете на меня сердиться за то, что я на время прекратил поток наших писем к Вам. Мы чересчур злоупотребляли Вашим расположением к нам и, вне всякого сомнения, много отнимали у Вас дорогого времени. Хлопцы немного дулись на меня за то, что я решительно запротестовал против целых ворохов бумаги, которые они опять наладили в Сорренто. Я считаю, что только изредка мы имеем право беспокоить Вас и то должны чувствовать угрызения совести.

В колонии сейчас хорошо. Наша злоба дня — переезд в Запорожье. Уже давно мы хлопотали о переводе нашей колонии на какой-нибудь простор. В этом вопросе не только хозяйственное устремление. По моему мнению, наше советское воспитание так,

В *Добрый Антон Семенович, до какой степени вы неосторожны! Хорошо, что это частное письмо, да еще такому человеку, как Горький! Вам еще предстоит пережить 37-й год. Эту же самую свободу мысли, или, как потом говорили, инакомыслие, вы проявляете и в других письмах. Вам спасибо, что осмелились сказать правду, которая так драматично обнаружила себя спустя несколько десятилетий. В «советской педагогике», утонувшей в авторитаризме и бездуховности, действительно было мало разумного и научного, и она действительно сотворила практику без теории. Этот драматизм переживает сегодня образовательная система в целом.*

как оно определяется в нашей литературе, и в особенности как оно сформировалось на практике, не представляет ничего ни революционного, ни советского, ни просто даже разумного. Мы оказались без определенной системы, без строгой линии, а самое главное, без какого бы то ни было воспитания. Наши педагоги просто не знают, что они должны делать, как держать себя, а наши воспитанники просто живут в наших детских домах, т.е. едят, спят, кое-как убирают после себя. Картина очень печальная. В Управлениях люди зарылись в чисто материальные планы, в статистику и отчеты, а на фронте кое-как волеют, чтобы благополучно провести день до вечера без скандалов. Нельзя никого винить в этом. Мы перекроили нашу жизнь по новым выкройкам, которые давно были заготовлены, а о воспитании и о его планах никто у нас серьезно не беспокоился.

Сейчас у нас вместо воспитательной системы только и есть, что несколько лозунгов, безобразно брошенных к ногам революции. К этим лозунгам давно уже пристроились несколько десятков бесланых людей, а то и просто спекулянтов, которые вот уже несколько лет размазывают словесную кашу в книжках, речах и

брошюрах и непосвященному смертному представляются учеными. На деле из этой словесной каши нельзя воспользоваться ни одной строчкой (буквально, без преувеличения ни одной). Гастев (из Института Труда в Москве) называет всю педагогику «собранием предрассудков». Он, вероятно, даже не подозревает, насколько он прав.

НВ Дорогой А.С.! Думаю, этот ваш проект с его главной идеей противоречит идеям «Педагогической поэмы» и той жизни, которую создали вы вашими колонистам. Разве у вас в колонии культивировалось воспитание как массовое производство в огромных коллективах? Понятие «производственное воспитание» и для вас, я уверен, и для меня неестественно. Вы говорите еще, что воспитание должно быть без всякой романтики. Как это так, когда все ваше неординарное творчество, вся ваша устремленность пронизаны именно романтикой, мечтаниями, полетами? Может ли быть поэтическая педагогика без романтики? Отсюда и невероятный успех в самоорганизации, самодисциплине, самовоспитании. Может быть, вы предложили Наркомпросу такой проект, который выдержал бы критику, чтобы оставили вас и вашу колонию в покое, чтобы дали вам возможность еще больше развернуться? Я полагаю, что было именно так. Иначе как же «атаман шайки», которого «до слез трогает его шайка», может воспитывать членов «шайки» без романтики?

Тем не менее я решил настаивать на правильности нашего пути и представил в Наркомпрос проект. Главную его мыслью является утверждение, что воспитание должно быть организовано как массовое производство, в огромных коллективах, хозяйственно ответственных и самостоятельных, в то же время сконструированных без всякой романтики и предвзятых догматов, а прежде всего по теории здравого смысла. Мой проект был поддержан фактическим успехом нашей колонии и бросающейся в глаза спаянностью всей нашей общины. Так или иначе, а к настоящему дню мы уже имеем постановление о преобразовании нашей колонии в Центральную для Украины. Предлагают нам имение Попова в 30 верстах от Александровска. В имении 1200 десyatин пахотной <земли>, какой-то прекрасный дом-замок. Имение сейчас занято коммунаой «Незавождник», но коммуна страшно задолжалась, дом развален, в итоге мы принимаем наследство чаепрогвца. В субботу выезжает наша комиссия для ос-

мотра имения. Вы не сможете себе представить, какой у нас подем. Хлопцы на собраниях встречают меня аплодисментами. Интересно: нам было предоставлено на выбор: либо имение Попова, либо князя Голицына под Харьковом (500 десят.). Голицынское вполне исправно. Голосование общего собрания дало за Запорожье 111 голосов, за Голицына 27. Мотивы такие: дальше от центра, больше земли, близко Днепр.

Дело поднимаем трудное. Я не сентиментальный человек, но меня до слез трогает моя шайка. Казалось, чего бы нужно. Четыре года мы восстанавливали руины здесь. Наполовину зимою ходили босые и раздетые. Теперь у нас все в порядке, чистота и уют, свое электричество и даже прибыль — 120 английских свиней и прочее. А вот-вот все же бросают это и едут на новые места в разваленный дворец, в опустошенную степь.

Но зато 1200 десятин. Какой там размах будет, дорогой Алексей Максимович! Хлопцы знают, что будет трудно. Для того, чтобы обработать 1200 десятин с нашими 120 хлопцами, нужны тракторы, сноповязалки, паровые гарнитуры, много всего прочего. Дворец стоит без окон и дверей (незаможники жили в конюшне). Один посев будет стоить больше 10000 рублей. Наркомпрос, конечно, нам денег не даст, какой ему смысл давать, да и нет их у него в таком количестве. Единственный выход — кредитная операция и труд. Значит, нам в первые годы предстоят солидные лишения, и хлопцы об этом хорошо знают. И все же они все как будто начинены ракетами и выстрелами, и нас, «педагогов», увлекают за собой.

Простите, что пишу о таких вещах, которые, может быть, только для нас интересны, но так хочется, чтобы и Вы представили наши радости и поняли нас. Ведь для нас так важно, страшно важно, что на месте вольницы запорожской мы поставим флаг с Вашим именем. У нас уже и сейчас решено, что мы будем хлопотать о переименовании ст. Попово в станцию «Колония им. М.Горького».

Занимаемся усиленно и довольно интересно. Рабфаковцы все идут хорошо. Спасибо, что Вы беспокоитесь о них. Мы им помогаем деньгами и вещами. Живут они хорошо. Писали нам о том, что писали Вам.

Желаю Вам здоровья и хорошего настроения.

А. Макаренко.

Колония им. М. Горького.
10 февраля 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы меня так расхвалили в Вашем письме от 13 декабря, что я постеснялся даже показать письмо Ваше хлопцам, сказал им только, что Вы переехали в Неаполь, что Вы нездоровы и что Вы передаете им привет. От частых и обильных писем я продолжаю хлопцев удерживать. Сейчас у нас такой порядок, что письма Вам будут посылаться только по постановлению Совета Командиров. Иногда мне кажется, что когда Вы получаете наши листы, то должны хвататься за голову, а потом принимать валерьянку. У Вас такая большая напряженная работа, Вам так мешают всякие посетители, а тут вдруг почтальон приносит письмо Ваших провинциальных родственников. Мы искренне сочувствуем Вам, дорогой Алексей Максимович, и удивляемся, что Вы так терпеливо и так ласково нам отвечаете, но в то же время мы ничего не можем сделать с собой, от природы, как и всякие провинциалы, мы эгоисты и должны писать Вам о поросятах и о бешеных собаках. Мы прекрасно знаем, насколько мы большие эгоисты, ибо мы сознательно пользуемся своим исключительным правом любить Вас. Вы нам раз навсегда простите нашу надоедливость и считайте в числе крестов, выпавших на Вашу долю, Полтавскую колонию. Вы же знаете, что мы уверены, что Вы когда-нибудь к нам приедете. Как видите, мы и до этого доходим.

Живем мы «средне». С Запорожьем заминка, кажется, просто волокита. Коммуна незаможников, сидящая в имении Попова, просто не спешит ликвидироваться. До тепла досидит, а с теплом поцарапает буккерами десятины сорок. Ее не может особенно беспокоить, что сотни десятин останутся невозделанными. Мы не имеем никаких рук и связей и можем давить только нашим делом... Если нынешняя волокита окончится ничем, нам остается только два пути: или обратиться к Петровскому с деловой истерикой, или занять Запорожье явочным порядком. Последний план вовсе не шутка, и, представьте, он, вероятно, принесет и наибольшую пользу. Просто достанем где-нибудь две тысячи, погрузимся в вагоны и выгрузимся в Запорожье. Замок Попова стоит пустой, значит, поселиться будет где, а за лето что-нибудь сделаем. Обращение к Петровскому может помочь только в том случае, если мы сумеем уверить его, что наш план достоин внимания. А у нас план огромный и с первого взгляда может показаться химерой...

Нужно создавать новую педагогику, совсем новую. Наш коллектив чувствует себя в силах принять участие в этом создании, и мы уже много сделали за 5 1/2 лет. Но первое, что нам нужно, это свобода от делопроизводителей, свобода от всякого хлама, которым мы завалены, а потом уже мы легко избавимся и от пе-

дагогических предрассудков. Вот почему мы и стремимся в Запорожье. Там экономическая мощь и общий размах помогут нам посадить бухгалтеров на их место.

То обстоятельство, что вместе с нами стремятся и все хлопцы, страшно нас поддерживает и внушает веру в успех.

Сейчас мы живем в большом нервном напряжении и тревоге. Каждое письмо, каждая телеграмма из Харькова возбуждают надежды и разочарование. Большая радость жить в таком движении.

Альбомы Сорренто и Неаполя мы получили. Вы нас балуете своим вниманием. В одном только хлопцы разочарованы — видно только крышу Вашего дома, а у нас огромный интерес к Вашей частной жизни, виноваты, каемся.

«Общество взаимопомощи колонистов-горьковцев» еще не имеет устава. Не хочется его делать здесь. Все кажется, что Запорожье нам откроет невиданные просторы в этом деле. Фактически несколько пунктов проводятся в жизнь. Мы уже разыскали около четверти бывших воспитанников, некоторым оказывают помощь. Рабфаковцы все поддерживаются.

Простите большое письмо. Чисто провинциальная манера, ничего с собой поделаться не можем.

Желаем Вам полного выздоровления и всякой радости.

А. Макаренко.

Ваша похвала мне может меня заставить действительно взять Запорожье штурмом. Никогда в жизни мне никто таких слов не говорил. А все-таки хвалить человека особенно крепко не стоит. Он от этого начинает «воображать».

24.11.26.

А. Макаренко.

Не смогу ли я быть полезен Вам и колонии в деле «завоевания» ею Запорожского имения?

Я мог бы написать о Вашем деле... на кого Вы укажете.

Очень занят, пишу наскоро. Отвечайте. Если хотите — телеграммой одно слово: «пишите».

Адрес новый

Неаполь. Posilippo
Villa Galotti
Вилла Галотти.
Napoli Posilippo

Извините, напутал.

Привет колонистам.

А. Пешков.

Будет лучше, если Вы сами изложите Ваше дело в письме и пришлете его мне, а я, приписав к нему, что следует, pošлю отсюда с дипкурьером.

А.П.

Полтава,
Колония им. М. Горького.
25 марта 1926 года.

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо Вам большое за заботу о нас. Возможно, что объективно мы не заслужили такого внимания. Ваше предложение вызвало у нас целую дискуссию, которая заняла целую неделю. На первом общем собрании голоса поделились. 69 высказалось за то, что мы имеем право воспользоваться Вашей помощью, 66 за то, что так поступить мы не должны. Я отказался руководиться мнением такого незначительного большинства и предложил хорошенько продумать вопрос прежде, чем голосовать. После этого в течение 4-х дней мы вели горячие споры. Представители большинства доказывали, что наше стремление в Запорожье есть здоровое стремление, которое пойдет на пользу всего государства, а поэтому мы должны воспользоваться помощью Вашей. Представители противоположной точки зрения, по моему мнению, были все-таки правы. Они говорили:

— Хотите иметь помощь, так выбирайте шефом Госбанк или Совнархоз, а если вы имеете шефом Горького, то не воображайте, что вы можете надоедать ему своими делишками. Не хитрая штука, что Горький напишет письмо и вам поднесут Запорожье. Зачем нам тогда работать, было б с самого начала обратиться к Горькому и нам бы все дали. Мы добиваемся Запорожья потому, что мы его заслужили.

— В какое положение вы ставите Горького? Почему он будет просить за нас? Потому что мы носим его имя? А если мы оскандалимся с Запорожьем?... А откуда Горький знает, какие мы? Из наших писем? Какое мы имеем право ставить Горького в такое положение.

Я любовался своими хлопцами...

В колонии мне всегда приходилось доказывать, что мы не можем профанировать Ваше имя в нашем собственном представлении принятием от Вас материальной помощи. Это означало бы, что мы чересчур носимся с собой, это значит, что мы себя недостаточно уважаем.

В данном споре я и воспитатели держались совершенно таинственно, хотя мою точку зрения многие чувствовали. На втором собрании картина получилась иная. За Вашу помощь 27, против 101.

Двадцать семь пробовали продолжить войну.

— Ну, как теперь написать Горькому. Он нам предлагает помощь, а мы важничаем!

Вы нас должны понять, Алексей Максимович. Как раз Вы, один во всей мировой литературе, сумели сказать, что человек — это прекрасно. И другие пробовали говорить это, но у них человек получался или вроде петуха, или вроде сумасшедшего, только у Вас человек сумел свою гордость совместить с любовью к людям и с трепетным уважением к чему-то высшему. Может быть, в моих словах эта экскурсия в литературу звучит дико, но ведь Вы меня между строк поймете.

А для нас так хорошо ощущать Вашу близость к нам во всей ее чистоте. Ну в самом деле, разве можно Вам кого-то просить о каком-то Запорожье. Для таких дел есть другие люди. Вы нам могли оказать эту помощь потому, что Вы многим помогаете, мы это хорошо знаем, но нам, имеющим честь носить Ваше имя и честь быть с Вами в общении, нужно избавить Вас от всякой заботы.

Может быть, и впереди нам придется описывать Вам свои нужды, это так естественно, но никогда Вы не читайте в наших письмах необходимости нам помогать. С нашей стороны было бы просто гадко смотреть на Вас, как на человека, который может нам принести пользу.

От Запорожья мы отказались (даже телеграфно). Запорожский Окрисполком не желает нас пускать на свою территорию, боится, что колонисты «терроризируют население». Поэтому он значительные куски уже роздал кое-кому. У нас была еще возможность надеяться — мы передали дело в Совнарком Украины, но и Совнарком отказал нам — слишком дорогой ремонт требуется. Совнарком (какая-то комиссия Совнаркома) уверен, что мы с ремонтом не справимся. Дальше идти уже некуда. Теперь мы требуем себе место под Харьковом. Нам предлагают имение б. Куряжского монастыря в 7 верстах от Харькова. В имении этом сейчас детская колония, в педагогическом отношении яма, ужаснее которой я не видел в жизни. Мы соглашаемся переехать туда со всем имуществом с условием, чтобы нам оставили из тамошних колонистов не более 200 и убрали куда-нибудь весь персонал. Наш Наркомпрос приходит в ужас — боится, что мы не только ничего не сделаем с этими двумястами, но и сами потеряем свою стройность и дисциплину. Посмотрим. Дело, кажется, выгорит. Задача страшно трудная, но у нас есть еще пафос.

Сегодня 10 часов вечера, а все в колонии работает и поет. Запекли целое стадо гусей. К сожалению, не можем поставить пьесу, так как окружены на своей горе со всех сторон водой. Страшно досадно. У нас уже приготовлены «Враги». Завтра в 2 часа «обед со знаменем», речи, декламации, а вечером моя лекция о детских типах в Ваших произведениях. К сожалению, некогда написать даже хороший конспект, а подумать пришлось много. У меня есть способность разбираться в художественных данных, но

в условиях моей жизни разобратся в целом море Ваших детских лиц страшно трудно. Поэтому я, вероятно, буду нести ересь. Но ведь меня будут слушать только наши хлопцы и воспитатели.

Простите за такое длинное письмо.

Преданный Вам
А. Макаренко.

Мы получили прекрасные альбомы из Москвы от Е. П. Пешковой. Как Вас благодарить за ласку. В марте в нашей школе были разработаны комплексы для младших: «Где живет Горький», для старших: «Италия». Альбомы эти мы изучили вдоль и поперек. Но... только крыша Вашего дома в Сорренто говорит прямо о Вас.

В колонии все умирают: кто такая Е. П. Пешкова? Написали письмо, в котором требовали откровенного признания.

Полтава, ящик 43.
Колония им. М. Горького.

А. М.

Полтава,
8 мая 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Только вчера окончилась страстная борьба за Куряж. Я уже Вам писал, что, потерпев поражение в войне за Запорожье, мы поставили вопрос о передаче нам имения б. Куряжского монастыря в 7 верстах от Харькова. В первые же дни вопрос как будто был решен окончательно, но потом нашлись другие претенденты и заварилась целая каша, потому что «Засватана дівка всім гарна». Харьковская Комиссия Помощи детям, которой принадлежит нынешняя весьма неудачная колония в Куряже, не хотела передавать колонию нам главным образом потому, что не хотела признать своей неудачи и надеялась в будущем поправить дело. Мы требовали от комиссии 20 000 рублей на ремонт домов, приведенных в негодность. Комиссия соглашалась дать нам 50000, но с тем условием, чтобы колония по-прежнему называлась «Куряжской колонией им. 7 ноября» и была ответственна перед Помдетом. На общем нашем собрании единогласно было заявлено категорическое требование, чтобы колония называлась «Харьковской колонией им. М. Горького» и подчинялась Наркомпросу. Помдет на это не согласился и, пользуясь тем, что ставки жалованья Наркомпроса очень малы (воспитатель у нас получает 48 рублей), гораздо ниже ставок Помдета, предложил перейти в Куряж нашему персоналу. Когда наши хлопцы узнали об этом, возмущению не было границ. Воспитателей стали подозревать в желании «продать Горького». Нужно сказать, что эти подозрения были неосновательны. Разумеется, каждому лучше жить под

Харьковом и получать 90 рублей, но без меня и без наших хлопцев ехать в Куряж на растерзание 200 малыми хулиганами никто бы не решился. Независимо от этого каждому воспитателю имя Ваше дорого, как наше зная.

В последнем счете мы одержали победу. Договор подписан. Копию Вам посылаю. У нас страшный подъем.

В то же время мы переживаем очень большое напряжение. В Куряже все работники снимаются. 200 детей, какие там имеются, представляют из себя огромный клубок копошащихся в грязи распущенных подростков, привыкших к пьянству и матерной ругани. Перебросить в Куряж наших 130 хлопцев немедленно — значит создать там сразу два враждебных лагеря. Наши будут задирать носы и задаваться, куряжане от стыда и старого озлобления будут смотреть на нас как на завоевателей. Поэтому я решил ехать один. Надеюсь, что мне удастся заразить куряжан хоть небольшим пафосом, увлечь моей верой в их человеческую ценность (Вашей верой). Тогда они смогут встретить наших хлопцев с некоторым достоинством, тем более, что я постараюсь их организовать и поставить на работу.

Не скрою, я немного побаиваюсь. Мне еще не приходилось сразу нагружать свою волю и нервы такой массой человеческого несчастья, принявшего уже формы застаревших язв.

Завтра я с двумя воспитанниками выезжаю в Куряж принимать колонию. Вам будем сообщать о нашей работе.

Разрешите в этот критический и, может быть, самый интересный момент в жизни нашей колонии приветствовать Вас от имени всей колонии и благодарить за ту энергию и бодрость, которую сообщает нам одно Ваше имя, не говоря уже о живом общении с Вами.

Преданный Вам
А.Макаренко.

Дорогой Алексей Максимович!

Пишем из Куряжа. Сюда собрался первый наш эшелон — 4 воспитателя, 11 воспитанников и старший инструктор. Вот уже две недели спим на столах и кое-как организуем новую жизнь. Трудно представить себе большую степень запустения, хозяйственного, педагогического, просто человеческого. 200 детей живут не умываясь, не зная, что такое мыло и полотенце, загаживают все вокруг себя, потому что нет уборных, отвыкли от всякого подобия работы и дисциплины. Но дети в общем хорошие, мы надеемся, что за лето их удастся привести в некоторый порядок. Очень надеемся на организующее влияние горьковцев. После-завтра они уже грузятся в вагоны и числа 27-го, вероятно, будут здесь. Как нашим хлопцам, так и работникам придется, вероят-

но, еще долго жить во временной обстановке, т.к. здания все крайне запущены, требуют большого ремонта.

Жизнь начинается интересная и страшно напряженная. Самая главная задача — изжить потребительскую философию наших новых питомцев. Ко всему они подходят с единственным вопросом: нельзя ли потратить? Очень любят лечиться: приблизительно 30% больных всякими болезнями. Мы надеемся, что огромная работа по ремонту и развитию хозяйства поможет нам перевести эту философию на рабочие рельсы.

Положение наше затрудняется тем, что борьба за Куряж еще и не окончена. Наши враги пустили в дело последнее средство — пытались опорочить Полтавскую колонию и добились даже посылки в Полтаву представителя РКК для обследования. Это очень понизило было наше настроение — просто стало обидно. Разве можно обследовать колонию, которая вся запакована в ящики, откуда уже уехал заведующий и большая половина персонала?

Теперь к этой обиде привыкли. Как-то хочется смотреть больше вперед.

ВВ Да, Антон Семенович, я понимаю ваше положение: 1926-й год, свирепствует воинствующий атеизм, агрессивный материализм. Эти грубые властные силы с благословения партийной диктатуры мо-

гут растоптать вас вместе с вашими колонистами. Вас и так травят. Ваш уникальный талант мог бы показать всему миру всю прелесть и мощь соединения «двух стихий» — воспитания и церкви. Где еще можно найти такие благие условия? Конечно, в вашей (но бывшей монастырской) церковной усадьбе, с колокольней, главным храмом. Пусть войдут в храм бывшие правонарушители, пусть покаются, помолятся, очистят свою душу через веру в Бога. Выйдут из храма и погрузятся в богатство вашего воспитательного, преобразующего процесса. Пусть... Но кто это допустит? И даже вы, такой ярый инакомыслящий педагог, дорогой Антон Семенович, не осмеливаетесь идти против грубой силы власти, и потому нужно положить много энергии, чтобы добиться сноса церкви. Кто-то сегодня скажет: «Вот видите, Макаренко сносил церкви, какой же он гуманный педагог?» Но для меня вы не безбожник, независимо от того, верили вы в Бога или нет. Вы верили в человека, в добрые начала в нем, в его глубинные стремления стать Человеком. Не начали вы поход против церкви, не стало бы вас и вашей колонии. А «Педагогическая поэма» еще не была написана. Можно ли сегодня представить педагогический мир без ваших творений? Я не оправдываю вас, но без «Педагогической поэмы» тоже не хочется оставаться. Было бы иначе, если бы все ваши книги были изданы и вы были бы живым классиком. Вот тогда эти строки в письме возмутили бы меня, ибо я преклоняюсь перед преданностью Корчака. Но в 1926 г. вы еще не были Макаренко, каким вас сделали в 40—50-х годах.

Мешают очень церкви, колокольни бывшего монастыря в самом центре нашей усадьбы. В главном храме совершаются служения, и мы представляем соединение двух стихий несоединяемых. Нужно много положить энергии, чтобы добиться сноса церкви.

К нам вчера вечером приехали гости. Софья Владимировна Короленко и заведующий Полтавской колонией им. Короленко Ф. Д. Иванов. Они являются нашими последниками — занимают нашу полтавскую усадьбу. Вчера они меня «накрыли». В Полтаве мы торговались, что посевы мы уступаем им за 1600 рублей, а в Харькове они завлекли меня в кабинет к важному лицу, и я, по своей провинциальной скромности, принужден был уступить посевы за 1200 рублей. За это я их тут же в кабинете выругал «интеллигентами».

Но люди они страшно хорошие, и так приятно, что они навестили нас в нашей яме.

Дорогой Алексей Максимович, к Вам большая просьба: если Вам не трудно и если Вы находите удобным, напишите несколько слов благодарности президиуму Харьковского Окрисполкома. Они оказали нам огромное доверие, защищая нашу колонию и выдержав большую борьбу из-за нашего перевода. Это обстоятельство в особенности понуждает нас все сделать, чтобы колония Вашего имени и под Харьковом справилась с задачей. Будьте здоровы. Приветствуем Вас в самый критический момент нашей работы.

Преданные Вам горьковцы.
А.Макаренко.*

Наш новый адрес: Харьков, Песочин. Почтов. Отделение. Колония им. М.Горького.

[23 мая 1926 г.]

А. Макаренко.

Сердечно поздравляю Вас и прошу поздравить колонию с переездом на новое место.

Новых сил, душевной бодрости, веры в свое дело желаю всем вам!

Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно.

Земля эта — поистине наша земля. Это мы сделали ее плодородной, мы украсили ее городами, избороздили дорогами, создали на ней всевозможные чудеса, мы, люди, в прошлом — ничтожные кусочки бесформенной и немой материи, затем — полужвери, а ныне — смелые зачинатели новой жизни.

Будьте здоровы и уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя и что нужно ей дать волю развиваться и расцвести, чтоб она обогатила землю еще большими чудесами.

Привет.

Sorrento
3.VI.26

М. Горький.

* Далее следуют подписи педагогов и воспитанников. (Ред.)

Харьков,
16 июня 1926 г.

Думали ли Вы, дорогой Алексей Максимович, что Ваше письмо будет поворотным пунктом в истории нашей борьбы с Куряжской разрухой. С воскресенья 13 июня у нас совершенно новое настроение и новая работа. Ваше письмо получено в субботу. Как раз на воскресенье был назначен мой доклад о Вас. Мне посчастливилось быть в ударе. Ребята в течение 2 1/2 часов были захвачены рассказом о Вашей жизни. Очень помогли выдержки из «Детства» и «В людях», которые были мною прочитаны. Страшно Вы понравились куряжанам. Много задавали вопросов, и каждый захотел подержать в собственных руках Ваше письмо. Потом целый день толпились возле Вашего портрета, который мы выставили только утром.

После доклада я прочитал Ваше письмо. Когда я читал его при получении, мне казалось, что запущенные, одичавшие ребята не поймут великой любви Вашей к Человеку и Вашей веры в человеческую культуру, и я думал, что мне придется много им объяснять, но когда я прочитал письмо на общем собрании и увидел, как блестели глаза набежавшей слезой, я понял, что эти оборванные худые дети тоже имеют отношение к человеческим идеалам и что это Вы силою своего слова заставили их это почувствовать.

Вечером все писали Вам письма. Интересны письма куряжских отрядов, если у Вас найдется время, может быть, Вы их прочтаете. (Это отряды 9, 16, 17, 18, 19, 20, 22). Многие хотели писать отдельно от отряда, но им не позволили. Только письмо Котова я посылаю, ибо он ни за что не хотел помириться с запрещением и представил мне письмо в запечатанном конверте, спросил, сколько нужно марок, и ходил целый вечер по колонии, упрашивал всех воспитателей позаимствовать ему 28 копеек на марки.

В понедельник все мы поражались величиною радости и энергии, с которой ребята работали и жили. Впервые здесь мы вздохнули с облегчением. Нужно при этом отметить, что куряжане взялись за работу даже охотнее полтавцев, хотя, конечно, далеко уступают им по выдержке и умению работать. Благодаря «горьковскому» дню, как наши воспитатели называли воскресенье, первый, самый тяжелый период овладения Куряжем окончился вдруг в один день нашей блестящей победой. Сейчас мы живем уже хорошо. Начали бороться с грязью, красим, штукатурим, моем. К сожалению, куряжское голое состояние совершенно растворило наши запасы одежды, и вид мы имеем крошечный. Очень много страдаем от паразитов. Окончательно очиститься успеем, вероятно, только осенью, т.к. сейчас каждую лишнюю копейку ухлопываем на ремонт. Хочется кое-что сделать и в организации мастерских, а в особенности свинарни, молочной фермы и оранжереи. Зато цветники мы уже разбили везде, где успели убрать сор. Монастырские стены, которым 212

лет, развалили. От этого стало больше света и воздуха, расширился двор, открылись прекрасные виды на всю долину. По секрету Вам, как родному, признаемся, что думаем блеснуть на празднике Первого Снопа и после этого выцганить что-нибудь.

Настроение у всех прекрасное, жизнерадостное — хорошо строить — Вы ударили нас по самому человеческому месту.

По Вас прямо скучают. Как будто раньше видели Вас и давно уже пора повидаться. На Вашем портрете разглядывают морщинки и спрашивают, какого Вы роста и какой у Вас голос. Я говорю, что Вы высокий, худой, говорите басом, очень сердитый и страшно добрый. А какого цвета Ваши усы, затруднился определить. Мечтают все о Вашем приезде. В тех шершавых письмах, которые хлопцы Вам шлют (плоды обучения на «родном» языке), они пишут правду. 15-й отряд (они гордятся тем, что ближе всего к Вам — работают в пекарне) прекрасно, хоть и глупо, выражает общие чувства: «В эту минуту готовы обнять Вас в своих молодых, но крепких объятиях и крепко расцеловать». Если Вы к нам приедете, то Вам придется плохо, потому что некоторые обладатели молодых, но крепких объятий производят очень внушительное впечатление. Но что же делать, дорогой Алексей Максимович? Я сам, кажется, забыл свою давнюю любовь к Вам, как к писателю, а люблю сейчас Вас, как мальчишка.

Мы все очень тронуты Вашим письмом к Г., у нас у всех тепло на душе, как будто нашли крепкую любящую руку отца, которая нам поможет, и защитит, и приласкает. Только Вы напрасно, дорогой Алексей Максимович, хвалите меня (письмо напечатано в газетах). Я боюсь личной известности, страшно боюсь и, кроме того, совершенно не заслуживаю особенного внимания Вашего. Я потому и отдался колонии, что захотелось потонуть в здоровом человеческом коллективе, дисциплинированном, культурном и идущем вперед,

В *Что значит — вы не педагог и терпеть не можете педагогов? Кто же вы тогда? И для кого вы написали книги, о ком они? Я вас не понимаю, Антон Семенович! Может быть, вы вкладываете что-то другое в понятие «педагог»? Может быть, речь идет о тех людях, которые своими догмами и предрассудками травмировали вас? Мы вас так и называем: Великий педагог, и не думаем, что тем самым оскорбляем ваше самлюбие.*

а в то же время и русском, с размахом и страстью. Задача как раз по моим силам. Я теперь убедился, что такой коллектив в России создать можно, во всяком случае из детей. Раствориться в нем, погибнуть лично — лучший способ рассчитаться с собой. Мне удалось посвятить этот коллектив Вам — вот тот великий максимум, о котором я только мечтал. А я не педагог и терпеть не могу педагогов.

Простите, что я о себе. Мое желание, чтобы Вы меня поняли, конечно же, никуда не годится — мы не имеем права затруднять Вас такими пустяками. То, что наша жизнь так крепко связана с Вашим именем — мы пере-

живаем как совершенно незаслуженную милость к нам кого-то — судьбы? Но мы Вас крепко любим, так крепко, что стесняемся Вам об этом говорить: а вдруг Вы этих сентиментов не любите

Простите, что так много мы все написали. Спасибо Вам, что живет Ваша душа у нас, живая, родная, мы так ее прекрасно чувствуем.

Преданный Вам
Антон Семенович.

Балуете Вы меня, Антон Семенович, похвалами Вашими. Ведь я знаю, что для колонии я не делаю ничего, что, хоть немного, облегчило бы жизнь и работу колонистов. Не делаю, да и не могу ничего делать. Вот разве посылать Вам для библиотеки колонии книги, переводы с иностранных языков, прочитанные мною? Книг таких набралось бы не мало. Хотите? Буду посылать.

Очень волнуют меня милые письма колонистов, с такой радостью читаю я эти каракули, написанные трудовыми руками. Пожалуйста — прочитайте им мой ответ.

Вас я крепко обнимаю, удивительный Вы человечиче и как раз из таких, в каких Русь нуждается. Хоть Вы похвал и не любите, но — это от всей души и — между нами.

Будьте здоровы, дорогой дружище.

12.VII.26.
Sorrento

А. Пешков.

P.S. А что, как живет та диконьякая девица, о которой Вы мне писали? Помните — недоверчивая, все молчала? Напишите о ней.

А.П.

Колония им. Горького.
Харьков. Песочин.
24 ноября 1926 года.

Дорогой Алексей Максимович!

Три месяца мы не затрудняли Вас своими письмами. В августе хлопцы написали целую кучу отрядных писем, но я рассердился на них, ругал, ругал, — пишут одно и то же, не умеют писать писем, прямо убивают меня. Они согласились со мной, были очень убиты, но решили написать, когда подучатся. Сегодня они спрашивали меня: когда? Сказал им, что после триместровых зачетов. Если Вы меня осудите за это, так тому и быть, но не могу я переносить ни безобразных почерков, ни *трафаретного*..

письма, бессодержательного и всегда глупого... Хлопцы на меня дулись, но не осудили.

У нас множество всяких событий, как я Вам о них напишу? Ремонт закончили, но все же ОкрПомдет надул нас на 7 1/2 тысяч. В один прекрасный день вдруг он заявил нам, что все 20 000 на ремонт выданы. Как выданы? А еще 7 1/2 тысяч! Четыре тысячи стащили с нас за медь, которая в количестве 150 пудов для чего-то была в Куряже, которую мы получили по всем правилам и которую, конечно, продали. А 3 500 еще красивее. В июле приехал в колонию президиум ОкрПомдета в полном составе и подарил нам 300 одеял. Подарил в торжественной обстановке, при знамени, с речами, барабанным боем. Хлопцы играли туш, подбрасывали президиум в воздух и кричали ура! А в сентябре за эти самые одеяла удержали 3 1/2 тысячи. Теперь приходится судиться с Помдетом.

Мы почти уверены, что высудим деньги, но пока сидим в долгах, а самое главное, не закончили постройку свинарни, и наш завод гибнет. Приходится очень много работать хлопцам и в очень тяжелых условиях.

Тем не менее настроение у всех прекрасное. Нас обуревают множество всяких планов и проектов. В начале октября в Одессе был съезд всех детских городков и колоний. На нем выяснилось довольно бедственное состояние нашего соцвоя: нет людей, нет четкой работы, прекрасные принципы наши остаются нереализованными. Зато наша колония стоит крепко и весело. На съезде нам много аплодировали и вообще качали, но практические предложения наши вызвали у всех страх: мы оказались слишком решительными. Я предлагал организацию всеукраинской детской трудовой армии, с широким активным самоуправлением, но с горячей дисциплиной. Разумеется, из этого ничего не вышло. Грустно, дорогой Алексей Максимович. У нас были широкие полеты. когда мы разрушали, а вот когда приходится строить, мы боимся стонуться с места.

В Харькове к нашим проектам относятся почти сочувственно, здесь разговор идет об объединении всех детских учреждений Харьковского округа — их около 30 с 10 000 детей. Сочувствие, впрочем, помогает мало. Нужно разбить много мелких сопротивлений, страшную толщу формализма, нужно преодолеть апатию, вялость; а самое трудное, ...веру в пустые словечки, ...сектантскую глупость.

Поэтому надежд у нас больших нет.

Я боюсь, что еще через год нам придется тоже положить оружие. Несмотря на то, что все признают большие достоинства нашей работы, даже исключительные достоинства, все же наша колония пока только черновой набросок. Закончить нашу систему нам не позволяет отсутствие совершенно необходимых условий. Например, система финансирования, какая сейчас практикуется, в совершенстве обуславливает воспитание жадного

потребителя, но ни в каком случае не коммунара. Деньги выдаются полумесечными долями да еще с разделением на полтора десятка всяких параграфов. Что можно с такими деньгами сделать? Только проесть. Хлопцы не имеют даже права распоряжаться ими. Если нам дали на питание 1000 рублей, а мы истратили 900, то 100 рублей мы уже не можем истратить на одежду, или на оборудование мастерской, или на покупку сырья. Говорить о том, что у нас при таких условиях возможно какое-то новое воспитание, конечно, нельзя. Вообще, у нас очень мало нового, а если оно и зарождается, то исключительно благодаря отчаянным усилиям отдельных лиц, которым приходится при этом лезть не на один рожон.

У нас тут в колонии поэтому странное двойное настроение: с одной стороны, у всех огромное желание работать и большие запасы энергии, с другой — страшная усталость от вечного тыканья в каменные стены. И выхода как будто нет. Бросить колонию мы уже не в состоянии: за шесть с лишним лет в нее чересчур много положено и чересчур много сделано, наконец, образовались слишком крепкие живые связи, которые без боли не разорвешь. А продолжать работать — значит убивать силы и время. Неинтересно топтаться на месте.

Вы простите меня, что я затрудняю Вас нашими бедами. У нас есть и кое-что радужное. Давно уже работает школа, работает весело и с большим напряжением. Я никогда не видал еще такой охоты учиться. Много очень значит, что у нас под боком рабфаковцы (некоторые уже студенты). Сейчас в Харькове отряд в 20 человек, из них одна девушка. Правда, в этом году у них тоже настроение почему-то пониженное, но это замечаю только я, среди же хлопцев царит воодушевленное отношение к рабфаковцам.

Несмотря на тяжелое положение, в которое нас поставил Помдет своей помощью, мы стараемся развиваться.

Сейчас мы заняты устройством производственной столярной мастерской. Денег у нас, правда, нет, но мы взяли заказ на 10 000 ульев и в счет платы получили оборудование мастерской. Заказ мы обязаны выполнить в 6 месяцев. Дело очень интересное. Уже установили строгальный станок, всякие пилы, сушилки. Харьковские табачники подарили нам трактор, который и будет двигать нашу мастерскую. С организацией труда произошел казус. Для того чтобы поднять производительность труда в столярной мастерской, я предложил отряду (их 60 человек) установить премию за хорошую выработку с тем, чтобы эта премия не выдавалась на руки, а сберегалась до выхода воспитанника из колонии. К моему удивлению, хлопцы заявили, что они будут и так хорошо работать и никакой премии не нужно. Получается совершенно идеально, но непрактично — мы тоже не можем найти середину между идеалом и жизнью.

У нас много новых людей, и воспитателей, и хлопцев. Последних за лето мы приняли около сотни — много очень запущенных, присланных к нам после трех-четырёхмесячного тюремного сиденья. Мы их получаем почти всегда в совершенно развалившемся платье, завшивевшими и немывыми давно. Колонисты отчаянно сопротивляются внедрению этих новичков, конечно, по соображениям гигиены.

И все же до сих пор я не имею возможности всех новичков одеть как следует.

Еще раз простите, что затрудняю Вас нашими мелочами.

Ваше предложение взять у Вас книги нельзя, дорогой Алексей Максимович, приводить в исполнение. Вероятно, с книгами этими у Вас связано много, и с нашей стороны будет нехорошо, если мы лишим Вас библиотеки.

Желаем Вам здоровья

А. Макаренко.

Колония М. Горького.

Харьков

14 марта 1927 года.

Дорогой Алексей Максимович!

Опять посылаю Вам кучу наших безграмотных писаний. Стыдно мне, как учителю, за эту безграмотность, ведь с некоторыми я буюсь не первый год, но трудно переучивать наших запущенных ребят, а кроме того, режет нас украинизация: хлопцы городские, по-украински никогда не говорили, сейчас вокруг них, даже в селе, все говорят по-русски, читают книги исключительно русские, а учатся исключительно «на родном языке». Я удивляюсь, откуда еще у них берется охота учиться. И смотрите, письма к Вам написаны почти все по-русски. Все это наводит на чрезвычайно печальные размышления, не столько об украинском языке, сколько о нашем... формализме, догматизме, головоутиении.

В той мере, в какой нам не мешают жить, живем сносно...

Сейчас в колонии довольно бедно. То обстоятельство, что осенью нам недодали 11000 рублей, здорово нас подкосило, никак не можем оправиться. Сейчас судимся, как будто успешно, но времени потеряно много, и у нас погибли свинарня и коровник. В то же время хочется не только жить, но и работать — без капитала это, собственно говоря, невозможно. Сейчас мучительно зарабатываем столярную мастерскую (с машинами), начинаем организовывать производство английских кроватей, все это чрезвычайно тяжело, с протестованными векселями, с угрозами: «Попробуйте описать!», с бегством от телефонной трубки, с большими заминками в одежде и пище.

Ничего. Уверен, что выберемся к зиме из всех затруднений, и в том числе из самого большого — из обилия закончивших воспитание ребят, которых давно пора выпустить и... почти невозможно. Невероятно трудно разбить толщу общего безразличия, волокиты и нечестной работы, защищенную ворохами бумажных правил и переписки. Кажется, у нас командует жизнью бывший коллежский регистратор, где-то тайно организованный, везде имеющий своих незаметных агентов и везде убивающий всякое здоровое движение.

Настроение всех наших 350 ребят не только превосходное, а удивляющее даже меня, который видит их вот скоро 7 лет. Страшно любопытно видеть, как они обрабатывают каждого новенького. К нам теперь стараются присылать исключительно тяжелых, вконец расхулиганившихся подростков, вшивых матерщинников, лодырей, убежденных противников всякого авторитета и дисциплины. Но в течение двух дней их сопротивление коллективу рушится бессильно. На каждом шагу они натываются на острый, меткий, веселый взгляд, короткое энергичное слово, а в крайнем случае и на ряд кулаков, готовых разбить нос при первом антиобщественном движении. За это меня регулярно едят наши педагогические мудрецы. Я грешен, люблю мальчишеские драки, разбитые носы двух дуэлянтов меня просто радуют, в особенности потому, что владельцы их всегда с большой готовностью благородно подают друг другу руки, но все же и для меня сейчас вопрос о дисциплине скорее выражается в форме торможения. Мы выделили новеньких в особый отряд (22), две недели они не работают, мы ввели предварительное изучение конституции колонии. Через месяц, смотришь, сам новенький представляется мне дежурством как слишком энергичный защитник интересов и тона колонии.

Все мечтают о Вашем приезде. В печати очень часто врут, что Ваш приезд ожидается в Москву, я не вижу необходимости разувать их в этом, а они глубоко убеждены, что если Вы приедете в Москву, то приедете и к нам. Весь вопрос в том, сумеем ли мы Вас встретить?

Сейчас у нас хорошо пахнет весной, уже сделаны парники, возьмемся со всяким приплодом, летом нас ожидает до 40 десятин огорода, но общее настроение такое, чтобы ехать куда-нибудь на новое место. По-прежнему мечтают об острове, о море, о колонии в несколько тысяч человек, о «Первом детском корпусе имени Горького». Пусть мечтают. Если хлопцы не мечтают, то они ничего не стоят.

Теперь самое главное. Мы готовим сборник «Колония имени М. Горького». В рукописи он почти готов, издателей, жаждущих его издать, несколько. Мы придали ему боевой характер борьбы с педагогическими предрассудками, борьбы за живую личность. Участвуют в нем воспитатели и хлопцы.

Разрешите, дорогой Алексей Максимович, открыть его несколькими Вашими письмами — они будут, как декларация ос-

нового нашего принципа: «Нет ничего выше человека». Кроме того, нам нужен Ваш последний портрет. Если Вам не трудно, пришлите нам последний снимок, у Вас, наверное, есть свободный.

Простите за эти просьбы и за беспокойство, которое мы Вам причиняем.

Сборник обещает быть интересным — мы не посраим Вашего имени.

Письмо это Вы, вероятно, получите к 26 марта. От лица всей колонии приношу Вам поздравление с праздником. Вспомните в этот день, что в старом монастыре 400 людей в этот день будут любовно думать только о Вас и мечтать о том, что они Вас когда-нибудь увидят.

Мы желаем Вам надолго-надолго сохранить здоровье и силы.

Преданный Вам
А. Макаренко

Колония им. М. Горького.
Харьков, Песочин.
А. С. Макаренко

Прилагаю письма всех отрядов.
№№ 9, 14, 18, 21 24,
у нас совсем нет,
были ликвидированы
в последней реорганизации

Дорогой т. Макаренко, —

обладая способностью «воображать», я, разумеется, представлял себе, как должно быть трудно Вам командовать тремя сотнями юношей, не очень склонных к дисциплине и организованному труду. Но — представляя это, — я, конечно, не мог *почувствовать* всю сложность Вашего положения.

А вот теперь я это чувствую и — понимаю. Научили меня почувствовать и понять, что такое Вы и как дьявольски трудна Ваша работа, — два бывших воришки, Пантелеев и Белых, авторы интереснейшей книги «Республика Шкид». «Шкид» — сокращенное название «Школы имени Достоевского для трудновоспитуемых». Пантелеев и Белых — воспитанники этой школы, они описали ее быт, свое в ней положение, и они изобразили совершенно монументальную фигуру заведующего школой, великомуученика и подлинного героя Виктора Николаевича Сорина. Чтoб понять то, что мне от души хочется сказать Вам, — Вам следует самому читать эту удивительную книгу.

Я же хочу сказать Вам вот что: мне кажется, что Вы именно такой же большой человек, как Викниксор, если не больше его, именно такой же страстотерпец и подлинный друг детей, — примите мой почтительный поклон и мое удивление пред Вашей силой воли. Есть что-то особенно значительное в том, что почувствовать Вас, понять Вашу работу помогли мне такие же парни, как Ваши «воспитуемые», Ваши колонисты. Есть — не правда ли?

Ну, вот и все, что мне хотелось сказать Вам.

Прочтите «Республику Шкид», — издано Госиздатом, — напишите мне Ваши мысли об этой книге и о главном ее герое Викниксоре.

Крепко жму руку.

М. Горький.

P.S. Само собою разумеется, что Вы можете пользоваться для сборника моими письмами. Портрет будет выслан Вам из Москвы.

Колонистам — пишу, прилагаю письмо для них.

И еще раз — крепко жму Вашу руку.

28.III.27.
Sorrento

А.П.

Харьков,
25 февраля 1928

Дорогой Алексей Максимович!

Мы страшно много пережили за последние полгода, много работы и много борьбы, и чуть-чуть не погибли. Еще и сейчас наше положение опасно. Хуже всего то, что я начинаю чувствовать усталость.

Разрешите рассказать Вам все по порядку.

В июле и в августе развал в детских колониях и городках достиг высшей точки. Почти не было колонии, которая не была быотягчена актом прокуратуры или Р. К. И.

В это время мне предложили объединить работу всех 18 колоний Харьковского округа. Я не мог принять это предложение без определенных условий. Семь лет работы в горьковской колонии сделали-таки из меня специалиста по беспризорным и правонарушителям. Я поэтому мог представить органический план широкой реформы организации этих ребят с таким расчетом, чтобы они составили единое для округа общество, объединенное не только общим управлением, но и общим планом работы, общими внешними формами быта, общим хозяйствованием, взаимной помощью и прочее.

Случилось то, чего я даже не мог предполагать раньше: со мной как будто не спорили, но даже ни разу и не выслушали, по частям растащили весь мой план, отказали по мелочам на самых формальнейших основаниях в очень важных организационных

деталях, а кроме того, в самом подборе персонала прямо задавили самыми дикими кандидатами.

Во всей этой борьбе я нажил кучи врагов, и началась самая обыкновенная история: обрушились на колонию им. М. Горького. Осенью мы выпустили на производство до 70 ребят, разослали по другим колониям десятка два. В ноябре ГПУ открыло в новом специально отстроенном доме-дворце детскую коммуну имени Дзержинского. Организацию детского коллектива здесь поручили нашей колонии. Мы выделили в коммуну Дзержинского 62 воспитанника, разумеется, лучших, откомандировали туда же пятерых воспитателей. Еще раньше по другим колониям были назначены 6 воспитателей. Таким образом, к декабрю горьковская колония так щедро раздала свои силы, что сама оказалась в очень тяжелом положении. Кроме того, наш штат увеличили на 50 мальчиков (довели до 400), и мы буквально завалены новенькими. Они принесли к нам чесотку, вшей, разгильдяйство и особенную потребительскую философию детских домов.

Горьковцы, рассыпавшись по округу, разнесли вокруг «горьковскую» систему. Это и послужило причиной всяких нападков. Ведь у нас обычно так: в десятках и сотнях случаев дело просто гниет и гибнет, растут самые дикие, деморализованные и слабые людишки. Все смотрят на это безобразие опустивши руки. Но стоит образоваться одному серьезному дельному пункту, как все на него набрасываются: прежде всего требуют идеологии, да еще какой-то такой, о которой вообще никто толком ничего не знает. Во всяком случае, простая идеология работы и культуры объявляется каким-то страшным грехом. Во-вторых, стоит случиться одному случайному промаху, как немедленно подымается такой вой и такая истерика, что требуются чрезвычайно крепкие нервы, чтобы все это выдержать.

А как можно говорить об отдельных наших промахах? Законом у нас запрещено учреждать колонии для правонарушителей свыше 60 мальчиков (обязательно без совместного воспитания). Но вот мне все же дали 400. Ко мне их сплошь и рядом привозят в черной карете и сдают из-под револьвера. У меня нет карьера, и я ни одного за 8 лет не возвратил в тюрьму. Почему можно думать, что подросток только потому, что попал в колонию, сразу делается паинькой?

У нас, правда, нашлись и друзья, но я, в сущности, не имел ни одной свободной минутки для борьбы. Я поэтому ушел из Управления колониями и теперь кое-как отбиваюсь от всяких кирпичей влогонку. Горьковской колонии я не бросал, но на прямой работе в колонии работали мои помощники. Их переменилось четверо, и все они не выдержали больше месяца. В довершение всего наши сметы страшно порезали в этом году.

В результате мне приходится с горьковцами начинать чуть ли не новую жизнь. Правда, в колонии осталось ядро стариков около 100 человек и кадр воспитателей. Но отсутствие средств, ветхость

монастырских построек, их неприспособленность, наконец, страшно суровая зима, все это страшно усложнило ребячью жизнь, сделало ее настоящим подвигом. Все это далеко выходит за пределы какой угодно педагогики, эти 400 жизней «второстепенной необходимости», как выражается в письме к Вам 26-ой отряд.

Рядом с горьковской колонией — коммуна Дзержинского. Дворец, паркет, дубовая мебель, 19 электромоторов, мастерские по последней технике, души, ванны, прекрасное платье, богатые спальни, обильная пища. И там тоже почти все горьковцы, воспитанные, выдержанные, бодрые, чистые. И воспитатели горьковцы и, наконец, я — заведующий. 3 дня в неделю я провожу там, три дня у себя. Бросить дзержинцев не могу, не на кого. Боюсь, что уйду, а мой преемник наделает глупостей, и опять будут есть живьем горьковскую колонию и горьковскую систему.

Сейчас вокруг коммуны Дзержинского завязался интересный узел. ГПУ, учреждение замечательной четкости, представило мой воспитательный план на утверждение Наркомпроса (УССР) и потребовало ответа: «Так или не так»?

Одобрить мою «еретическую» укладку Наркомпросу страшно, это значит рекомендовать ее всем; не одобрить — значит нужно предложить иную, а это значит принять на себя ответственность прежде всего за целостность дворца, душ, ванн и пр.

Сижу и жду. В коммуне благодушная педагогика, уют, тепло, нега, хорошее настроение и маленькая расслабленность. У горьковцев в спальнях обувь примерзает к полу, валится везде штукатурка, в каторгу обратилась топка печей «горячим» сводным отрядом, сотни новеньких, не могущих пройти по лестнице, чтобы не плюнуть, срывается «мат», светят иногда голые колени — отчаянная борьба за жизнь, за каждую латку, за огрызки ботинок, но зато веселый дружный тон, дисциплина, смех, гремит оркестр — играет «Веселого горьковца», сыпятся язвительные словечки по адресу дзержинцев, ждут весны и с весной того, чего ждут семь лет, с чем уже ушли многие из колонии, — ждут Вашего приезда. Сомнений в том, что Вы к нам заедете, нет ни у одного, вопросы и проблемы только в одном: как Вас принять, как встретить, как पिщать от восторга и радости, когда Вы приедете.

Я лучше их знаю, как Вы будете нужны в каждом уголке России, и я не уверен даже, имеем ли мы право просить Вас заехать к нам, но несколько строк в 18-м томе о нашей колонии все-таки дают и мне некоторую надежду. Мы все сделаем, чтобы к Вашему приезду победить нашу бедность, чтобы не оскорбить Вас никаким неприятным впечатлением. Да нам и весна поможет. Дзержинцы также убеждены, что Вы навестите их.

Простите, что затруднили Вас нашими письмами.

Все наши педагоги и служащие просили меня передать Вам их любовный привет и гордость, что они горьковцы.

Навсегда преданный Вам

А. Макаренко.

Уважаемый т. Макаренко —

очень взволнован и огорчен Вашим последним письмом! Сожалею, что вы не сообщили о неприятностях, Вами переживаемых, в самом начале их; объясняю это Вашей удивительной деликатностью в отношении ко мне, Вашим нежеланием «беспокоить» меня. Это — напрасно! Знали бы Вы, как мало считаются с этим другие мои корреспонденты и с какими просьбами обращаются ко мне! Один просил выслать ему в Харбин — в Маньчжурию! — пианино, другой спрашивает, какая фабрика красок в Италии вырабатывает лучшие краски, спрашивают, водится ли в Тирренском море белуга, в какой срок вызревают апельсины и т.д. и т.д.

А Вы, человек, делающий серьезнейшее дело, церемонитесь. Напрасно.

Чем я могу помочь Вам и колонии? Очень прошу Вас — напишите мне об этом. Я уже написал в «Известия», чтоб к Вам послали хорошего корреспондента, который толково осветил бы жизнь и работу колонии, но это, разумеется, не важно, а вот чем бы я мог быть практически полезен Вам?

Прошу Вас передать ребятам мой сердечный привет и пожелания им всего доброго.

Могу прислать много книг различного содержания, но ненужных мне. Присылать?

На первый раз посылаю небольшой пакет.

Крепко жму Вашу руку. Ребятам скоро напишу длинное письмо, напишу и Вам, а сейчас прошу меня простить, — приехали иностранцы, и я должен принимать их. Утомительное занятие!

17.III.28.
Sorrento

А. Пешков.

Колония им. М. Горького.
18 апреля 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Ваше письмо и карточки, и подарок принесли нам оправдание и поддержку в самый трудный момент нашей жизни. Я не могу найти слова, чтобы выразить Вам то чувство благодарности и благоговения, которое я сейчас испытываю. Но все же я перестал бы уважать себя, если бы позволил себе хотя бы стороной причинить Вам заботы по поводу наших неприятностей. Не нужно Вам ничем помогать нам, ибо это значит, что Вы войдете в целую систему очень несимпатичных и непривлекательных историй. Наконец, Ваша помощь — явление совершенно исключи-

тельное, и поэтому нельзя на ней строить нашу работу: если судьбы здоровой детской колонии зависят от вмешательства Максима Горького, то нужно бросить все наше дело и бежать куда глаза глядят. Вы, дорогой Алексей Максимович, должны понять мое положение. Я веду колонию 8 лет. Я уже выпустил несколько сот рабочих и студентов. Посреди общего моря расхлябанности и дармоедства одна наша колония стоит, как крепость. В колонии сейчас очень благополучный ребячий коллектив, несмотря на то, что в нем 75% новых. И все же меня сейчас едят. Едят только потому, что я решительно отказываюсь подчиниться тем дурацким укладам, той куче предрассудков, которые почему-то слыvät у нас под видом педагогики. А разве трудно меня есть? Когда организуется жизнь 400 ребят, да еще правонарушителей, да еще в условиях нищеты, так трудно быть просто должностным лицом, в таком случае необходимо стать живым человеком, следовательно, нужно и рисковать и ошибаться. Где в работе есть увлечение и пафос, там всегда возможны отклонения от идеальных мыслимых движений.

А меня едят даже не за ошибки, а за самое дорогое, что у меня есть — за мою систему. Ее вина только в том, что она моя, что она не составлена из шаблонов. К этому должно было прийти. В то время, как в разных книжонках рекомендуется определенная система педагогических средств, давно уже провалившихся на практике, наша колония живет, а с осени на нашу систему (наша основная формула: «Как можно больше требований к воспитаннику и как можно больше уважения к нему») стихийно стали переходить многие детские учреждения.

Вот тут-то и поднялась тревога. Нашу колонию стали «глубоко» обследовать чуть ли не ежемесячно. Я не хочу говорить, какие глупости писались после каждого обследования. Но в последнем счете договорились до того, что нашу систему запретили по всему округу, а мне предложили перейти на «исполкомскую». В то же время никто не решается утверждать, что в колонии Горького дело поставлено плохо. Вообще никакой логики во всем этом нет. В декабре мне прибавили коммуны им. Дзержинского и сразу же подняли крик — «Почему и там горьковская система!» На днях вдруг мне прислали приказ о прибавлении к нам еще одной колонии — им. Петровского с явным расчетом, что я туда переброшу два-три отряда горьковцев, и полной уверенностью, что они там наведут порядок, но и там будут кричать, что я еретик!

Иногда мне хочется смеяться, глядя на все это ребячество, а чаще все-таки приходится прямо впадать в тоску. У нас так легко могут сломать и растоптать большое нужное дело, и никто за это не отвечает. И вот теперь для того, чтобы отстоять колонию после 8 лет работы, успешность которой никто не отрицает, мне приходится говорить о таких совершенно сверхъестественных мерах, как Ваша помощь.

После этого стоит ли что-нибудь делать. Ведь в таком случае гораздо спокойнее просто служить и честно получать жалование.

А то что же это:

— В колонии Горького хорошо?

— Хорошо, только идеология не выдержана.

— Как не выдержана? Ведь там 35% комсомольцев!

— Это ничего не значит, но там нет классовой установки.

— Позвольте, как нет классовой установки. Ведь все до одного работают и гордятся своей работой.

— Это ничего не значит. Работают потому, что там строгая дисциплина, а вот не будь этой дисциплины, то и не работали бы.

— Так ведь дисциплина — это хорошо!

— Хорошо, если она основана на классовом самосознании, а у Макаренко вместо этого долг, честь, горьковец, гордость какая-то.

И т. д.

Как тут можно спорить. К вам приводят запущенного парня, который уже и ходить разучился, нужно сделать из него Человека. Я поднимаю в нем веру в себя, воспитываю у него чувство долга перед самим собой, перед рабочим классом, перед человечеством, я говорю ему о его человеческой и рабочей чести. Оказывается, это все ересь. Нужно воспитать классовое самосознание (между нами говоря, научить трепать языком по тексту учебника политграмоты).

ВВ Да, вас быют педагогическими догмами за внутренний бунт против трепки языком о «классовом самосознании»; потом вас будут бить за излишний гуманизм и демократизм, за идеи о самоуправлении в детском коллективе; против вас выступят Н.К.Крупская и А.В.Луначарский; потом ваши книги будут объявлены вредными для советского воспитателя; будут говорить, что вы идете против партийных постановлений о школе, что вы нарушаете марксистско-ленинские идеи о трудовом воспитании, что вы искажаете революционную действительность. Так наступают непонятные для вас 1937 и 1938 годы. Нет в живых А.М.Горького, который мог бы защитить вас. В возрасте творческого расцвета, вы вдруг уйдете из жизни. Но спустя несколько лет вас сделают классиком, не мировой педагогики, каким вы были и остались, а «советской» педагогики, и возведут вас в ранг новых педагогических догм, против чего протестовала вся ваша сущность. И представьте только, через вас будут бить уже другие таланты, тоже ищущие крупницы педагогических истин! Так мы жили, так жила советская педагогика со всеми своими пороками авторитаризма и непогрешимости.

Дело окончится тем, что мы разберемся. Но это в будущем. Сейчас мы боремся и уступать не думаем. Если меня быют педагогическими догмами, то я быю живым коллективом 400 горьковцев, бодрых, веселых, энергичных, знающих себе цену и с прекрасной рабочей «установкой». Если этот мой аргумент недействителен, то значит и бороться не за что.

Дорогой Алексей Максимович, очень прошу Вас, не беспокойтесь и не огорчайтесь нашей борьбой. Вам нельзя нам помогать — наша борьба слишком мелка для того, чтобы втягивать в нее Ваше имя.

Остроменцкая написала в «Народном учителе» статью о нашей колонии «Навстречу жизни». Она писала мне, что послала книгу Вам. В статье в общем хорошо нарисован общий тон нашей колонии, но есть отдельные ошибки. Я не Кузьма Прутков и не Хулио Хуренито и решительно отказываюсь от тех афоризмов, которые мне там приписываются. Возможно, что я просто дразнил при помощи двух-трех парадоксов какого-нибудь туриста. Точно так же история с палками и дубинами — явный гротеск. Наши ребята любят сочинять обо мне легенды.

Простите, что длинное письмо.

Ребята благодарят Вас за книжки и карточку и все толкуют об одном: «а когда же он приедет». Мы Вас ждем и готовимся: белым, красным, шьем.

За библиотечку большое спасибо. Если у Вас есть книги, которые Вам не нужны, конечно, пришлите их нам. Это для нас не только вещи, но и реликвия.

Преданный Вам

А. Макаренко.

Дорогой т. Макаренко, —

горестное письмо Ваше получил вместе со статьей Остроменцкой; читая статью, едва не разревелся от волнения, от радости. Какой Вы чудеснейший человек, какая хорошая, человечья сила. Настроение Ваше, тревогу Вашу — я понимаю, это мне знакомо, ведь и у меня растаптывали кое-какие начинания, дорогие душе моей, напр. — «Всемирную литературу». Но — не верю я, что Ваше прекрасное дело может погибнуть, не верю! И — позвольте дружески упрекнуть Вас: напрасно Вы не хотите научить меня, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь? Вашу гордость борца за свое дело я также понимаю, очень понимаю! Но ведь дело это как-то связано со мною, и стыдно, неловко мне оставаться пассивным в те дни, когда оно требует помощи.

Мне известно стало, что Вами заявлено требование субсидии в 20 т. Я осведомлен, что деньги эти Вы получите. Книги Вам буду посылать, семь пакетов посылаю вместе с этим письмом, из Москвы выпило все свои книжки. Было бы хорошо, если б Вы составили список нужных Вам и послали его в Москву, Чистые пруды, Машков переул. 1, кв. 16.

Затем: мне очень хочется подарить ребятам инструменты для духового оркестра и для оркестра балалаечников. Разрешите? Может быть, среди ребят окажутся талантливые музыканты. А я имею возможность приобрести все это очень дешево.

В Россию еду около 25-го мая, у Вас буду во второй половине июня.

Передайте мой сердечный привет ребятам и научите меня сделать что-нибудь приятное для них. Дорогой друг, — я очень хорошо знаю великое значение маленьких радостей, испытанных в детстве.

Крепко жму Вашу талантливую руку, будьте здоровы!

9.V.28.

Sorrento

А. Пешков.

Харьков,
8 июня 1928.

Дорогой Алексей Максимович!

Мы живем сейчас исключительно под знаком Вашего приезда, думаем только о Вас, говорим только о Вас; работаем только для того, чтобы увидели Вы нашу работу. И я вместе с ребятами могу сейчас думать, говорить и писать только о Вашем приезде. Ваше последнее письмо для меня какое-то неожиданное, незаслуженное высшее достижение моей жизни, и я не пытаюсь даже искать слова, чтобы выразить Вам чувства благодарности и благоговения. Если Вы еще приедете к нам, мне уже ничего не останется хотеть.

Мы все крепко уверены, что Вы у нас будете во второй половине июня. Но так как в этой половине 15 дней, то мы и не можем считать дни до Вашего приезда, а нам это страшно нужно.

Чтобы реальнее для нас сделался Ваш приезд, посылаю к Вам двух ребят. Один из них Шершневу — наш бывший воспитанник, теперь студент Харьковского Медицинского Института, очень славный душевный человек, умеющий искать правду жизни без лишних криков и истерик. Это одно из моих «достижений», которое далось мне довольно трудно. Другой, Митька Чевелий — один из самых первых горьковцев, мой друг, теперь дзержинец, человек, не обладающий большими способностями, но сумевший из чисто воровской «психологии» сделать искреннюю, горячую и благородную натуру.

Они оба Вам не надоедят, так как оба по-горьковски лаконичны, сделают дело и уедут. В области выражения чувств они также умеют быть сдержанными.

Дорогой Алексей Максимович, не откажите им сказать, когда Вы приедете, сколько времени думаете у нас пробыть, кто еще приедет с Вами? Наши желания по всем этим вопросам мы даже не смеем высказывать, но, конечно, они у нас максимальны.

Я в страшном затруднении: Вы хотите подарить нам два оркестра и еще что-то для всех колонистов. Конечно, Ваша воля, дорогой Алексей Максимович, но, поверьте, нам страшно будет

неловко вводить в такие расходы, ведь духовой оркестр стоит несколько тысяч. Может быть, совершенно невозможно, чтобы благодаря нашему существованию Вы переживали материальную заботу, а для нас так трудно связать Ваше имя с материальной ценностью. С другой стороны, всякая вещь, связанная с Вашим именем, дорога для нас, независимо от того, сколько она стоит. И если Вы хотите доставить ребятам радость сверх той радости, какая заключается в Вашем приезде, то подарите им какую-нибудь небольшую вещь вроде ножа, чтобы она всегда могла остаться на память о Вашем приезде.

У Вас так много забот сейчас и Вы так заняты в Москве, что я позволяю себе не послушаться Вас и не посылаю списка книг.

В Москве так много Вам приходится видеть людей и говорить с ними, что мне страшно совестно затруднять Вас еще нашей делегацией. Вы простите.

9.VI.28.

Преданный Вам
А. Макаренко.

Сейчас получили перевод 20000 рублей по Вашему приказу. Я даже не способен понять, что случилось. И я не способен ничего сказать, кроме слов удивления и преклонения перед Вашей живой личностью. Но здесь есть недоразумение. Я просил у разных учреждений 20000. Наконец, я получил 16000 рублей в Харькове на ремонт. Вы, конечно, об этом не знали. Я очень виноват перед Вами, что не сообщил Вам об этом, и у Вас осталось преувеличенное знание о нашей нужде. Я очень боюсь, что сейчас дело непоправимо, но я буду ждать встречи с Вами, чтобы просить у Вас прощения и совета, как поступить.

Преданный Вам
А. Макаренко.

Харьков,
27 июня 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Наши хлопцы, бывшие у Вас, рассказывали, сколько Вы писем получаете, и теперь прямо стыдно писать Вам длинное письмо.

Но и коротко нам так легко рассказать о себе. Мы ждем Вас, в этих словах вся наша жизнь. Ждем между пятым и десятым. Если Вы приедете в Харьков, мы на вокзале Вас потихоньку встретим так, что никто не будет знать. Вы обещали нам написать о дне и часе Вашего прибытия. Я этот день и час скрою даже от колонистов, чтобы действительно Вас никто не беспокоил. У нас в колонии мы также не будем Вас затруднять никакими речами. Вы у нас даже сможете отдохнуть.

Никаких подарков не нужно больше, дорогой Алексей Максимович, и так мы Вам уже чересчур дорого стоим.
Ждем.

Искренно преданный Вам
А. Макаренко.

Харьков,
Коммуна им. Дзержинского.
22 ноября 1928 года.

Дорогой, родной Алексей Максимович!

Спасибо, что вспомнили обо мне в Вашем письме к горьковцам. Я давно должен был написать Вам и должен был объяснить Вам причины моего ухода из колонии, но мне все казалось, что моя переписка с Вами внесет новую тревогу и новую нервность в жизнь горьковской колонии. Насколько я дорожил ее покоем и правильным развитием, Вы можете судить по тому, что я уехал из колонии, даже не простившись с ребятами и товарищами, уехал ранним утром, как будто в отпуск, и больше в колонии не был. Я тем более должен был так поступить, что в колонии тогда оставались на работе все мои друзья, с которыми я вел колонию 8 лет. Волновать ребят и проливать слезы мне представлялось вредным для самого дела. По этим же причинам я решил не писать Вам, решил, так сказать, исчезнуть с колониальных горизонтов.

Вся эта моя дипломатия оказалась напрасной: кроме меня нашлось много охотников приложить руки к колонии. Прежде всего сгнали персонал — большинство старых работников не могло выдержать постоянных обвинений в «макаренковщине» и ушло, кто куда мог. На место завкола долго искали педагога, не нашли и назначили неграмотного столяра, человека хорошего, но, разумеется, неспособного справиться с 400 характерами наших горьковцев. Он скоро сделался предметом насмешек со стороны ребят и, вероятно, должен будет скоро уйти. Колония пока что держится благодаря нечеловеческим усилиям Весича, м.б. помните, человека с рано поседевшей головой. Он был при мне заместителем заведующего и остался им и теперь. Много зла приносил в колонию Гойдарь, бывший заведующий одной из колоний в Полтаве, уволенный за побои и теперь старающийся восстановить свое реноме в должности заведующего педагогической частью колонии им. Горького. Колония благодаря его деятельности принимает постепенно обычный вид наших детских домов: ленивый шкурнический персонал, кое-как отбывающий свои часы, склонный и вздорный, готовый из-за каждого пустяка утопить товарища, подсесть, донести. Ленивый, скрытный, сонный ребячий состав, смотрящий на колонию как на временное пристани-

ше, как на «казенный» котел, в котором можно пожить до того счастливого времени, когда можно будет устроиться на какой-нибудь работе, пить водку и носить клеш. Поэтому отношение к колонии у ребят сугубо утилитарное — уже сейчас дошло дело до кражи пассов в столярной мастерской и на электростанции.

Для того чтобы подкупить ребят, откровенно брошен лозунг: «Вас эксплуатировали, теперь вас будут учить». Но учить некому, да и какая учеба без рабочего настроения, без рабочего пафоса, без рабочих традиций. Разрушение этих традиций главное зло. Их нельзя сделать в неделю при помощи безответственной болтовни, они создаются годами, в колонии Горького они складывались в течение восьми лет.

Для чего нужно было губить нашу колонию, трудно сказать. В самый день Вашего пребывания в колонии туда приехал предглавсоцвоса Арнауты и поставил мне ультиматум: или перейти на обычную соцвосовскую систему, или уйти. На другой день после Вашего отъезда я сдал колонию, не мог же я серьезно поставить крест и над своей восьмилетней работой, и над самой колонией.

Но интереснее всего то, что вот уже четыре месяца, как я ушел из колонии, а система все-таки держится. Именно то, против чего особенно возражали — отряды и командиры, салюты и рапорта, — осталось неприкосновенным. Для гибели колонии никаких серьезных причин вообще не было. Было обычное коллективное головотяпство, в котором и виновных не сыщешь. Отдельные лица, особенно старавшиеся в травле колонии, уже успели бросить свою полезную педагогическую деятельность и даже уехали из Харькова, остальные продолжают жевать свою жвачку за письменными столами и сонно посматривать на гибель колонии — что им такое колония Горького, одной колонией меньше, одной больше.

Моя личная трагедия, конечно, меньше всего может занимать даже меня самого, — мало ли у кого глупые руки отнимали дело целой жизни. Жаль колонии.

Сейчас я занят книгой, которую почти закончил. В ней я описываю историю работы и гибели колонии и стараюсь изложить свою воспитательную систему. Книга получается большая и кажется интересною, но я боюсь, что ее предварительно отправят на заключение Наркомпроса и там съедят. Называю я ее «Педагогическая поэма».

Я очень надеюсь, что Вы разрешите посвятить ее Вам. Это дело не только моего преклонения перед Вами, как перед великим художником, но и дань чисто деловой благодарности, — в Ваших книгах я нашел для себя педагогические откровения. Не может быть воспитания, если не сделана центральная установка о ценности человека.

Я буду Вам без конца признателен, если пришлете две-три строчки. Для меня они принесут запасы сил надолго.

Работаю я сейчас в коммуне Дзержинского. Здесь 80% горьковцев и горьковская педагогика. Мы все-таки не умерли.

Мне хочется надеяться, что наша правда восторжествует и мне удастся где-нибудь возродить колонию Вашего имени.

Будьте здоровы, дорогой Алексей Максимович. Спасибо Вам за любовь и внимание к нашей колонии и за те начала силы, которые мы в своей работе находили благодаря Вам.

Искренно преданный Вам

Харьков.

А. Макаренко.

Дорогой Антон Семенович —

Ваш уход из колонии поразил и глубоко огорчил меня. Если б я знал об ультиматуме Арнаутова, я, конечно, действовал бы более энергично. Но у меня было обещание т. Б. в Харькове «не мешать» Вам в работе Вашей. В Москве я тоже говорил о том, чтоб Вас не трогали, и тоже был успокоен обещанием не делать этого. И — все-таки! Очень боюсь, что в это дело замешаны тенденции «националистического» характера.

Пишу в Москву, настаивая на необходимости Вашего возвращения в Кураж. В январе будет напечатана моя статья о «беспризорных» и колонии, созданной Вашей энергией. Разрушать такие дела — преступление против Государства, вот как я смотрю на эту историю.

Антон Семенович — Вы энергичный, умный человек. Я знаю, как должно быть больно Вам, но — не падайте духом! Все наладится.

За предложение посвятить мне Вашу «Педагогическую поэму» сердечно благодарю. Где Вы думаете издать ее? Советую — в Москве. Пошлите рукопись П.П.Крючкову, по адресу: Москва, Госиздат. Он Вам устроит печатание быстро и хорошо. Думаете ли Вы иллюстрировать ее снимками? Это надо бы сделать. Не опасайтесь, что этим книга станет дороже.

Крепко обнимаю Вас, дорогой друг, будьте здоровы!

6.XII.28.

А. Пешков.

Передайте привет мой колонистам Дзержинского. А своих видите? Они ведь, наверное, знают, где Вы?

А. П.

Дорогой Алексей Максимович!

Простите, что я Вас беспокою. Когда я у Вас был, Вы мне рекомендовали издавать мою книгу не у «Народного Учителя», а в Госиздате.

В моей книге выходит к последнему времени, когда я прибавил несколько совершенно необходимых теоретических глав, до 20 листов. Такую солидную книгу мне самому не хочется издавать в «Народном Учителе».

Наконец мне просто хочется поступить так, как Вы советуете. Вы, вероятно, имеете для этого основания.

В связи со всем этим у меня к Вам большая просьба. Не откажите дать для моей книги небольшую рекомендательную записку. Пока что мне нужно только одно: чтобы ее не заложили куда-нибудь далеко и хотя бы прочитали, чтобы судить, годится она или не годится.

Потом, если она будет признана достойной издания, я буду просить Вас просмотреть ее.

Если Вы такую записку пошлете в ГИЗ, попросите Петра Петровича мне об этом сообщить.

В моей книге 3 части. Первую я отправлю в ГИЗ немедленно после того, как получу письмо от Петра Петровича.

Преданный Вам и любящий Вас

А. Макаренко.

Харьков,
почтовый ящик № 309,
А.С.Макаренко
(1929 г. сентябрь, октябрь)

Дорогой Макаренко, —

ввиду того, что Халатов уехал в Сибирь и пробудет там не менее месяца, я рекомендую Вам передать рукопись в изд-во «Земля и фабрика» Илье Ионовичу Ионову. Письмо к нему прилагаю.

Жму руку, всего доброго.

10.X.29.

А. Пешков.

Харьков,
5 октября 1932 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вместе с коммунарами-дзержинцами я приветствовал сорокалетие Вашей работы, и наше приветствие было напечатано в «Правде» в номере, посвященном Вам. Заметили ли Вы его?

А сейчас у меня появилась надежда, что Ваш юбилей поможет возродиться идее горьковской колонии, правда, уже в другом месте. Третьего дня в московских газетах было напечатано, что МОНО ре-

шил открыть образцовую коммуну для беспризорных Вашего имени. Мне показалось, что я имею преимущественное право просить поручить эту коммуну мне. Кого просить? Может быть, в Москве меня мало знают. Я решился затруднить Вас напоминанием о себе.

Это письмо, вероятно, выйдет длинным, простите за это, но, мне думается, Вы не будете сердиться за мой рассказ, если вспомните, что мы с Вами долго переписывались.

После Вашего посещения колонии им. Горького, если Вы помните, я из колонии должен был уйти, так как не хотел поступиться ни одним словом из своих педагогических верований. Вы тогда выступили на мою защиту, но даже Ваше слово не пробilo толщу наробразовских предрассудков и завирательной болтовни. Я спас остатки своего дела в коммуне им. Дзержинского, куда вместе со мной перекочевала сотня горьковцев и часть персонала. Они и до сих пор еще называют себя «старыми горьковцами».

Мне кажется, что Вам коммуна им. Дзержинского не совсем понравилась. Вас, вероятно, смутило кажущееся внешнее богатство. Но за этим богатством скрывался хороший рабочий ребячий коллектив, воспитанный в горьковской колонии. За прошедшие с тех пор четыре года дзержинцы многого достигли: давно уже перешли на полную самоокупаемость, открыли у себя рабфак, построили новый во всех отношениях замечательный завод, приняли много новых беспризорных. Сейчас это во всех отношениях интересное учреждение, красивое и культурное, делающее большую и нужную работу. В этом году мы выпустили в вузы двадцать четыре человека.

Я не спускал глаз с горьковской колонии, она пережила много тяжелых дней. В ней несколько раз менялись заведующие, это

ВВ *Восхищаюсь вашей преданностью и мужеством! Запрещают, ставят ультиматумы, проверяют, травят, разгоняют... И в этих муках и переживаниях рождается «Педагогическая поэма» — ваша жизнь, ваша совесть. Спасает и вдохновляет вас только Алексей Максимович, который верит в вас.*

было плохо. Еще хуже было то, что Наробраз провел настоящую победоносную войну против всех остатков «макаренковщины», разогнал всех моих помощников, а многие ребята и сами ушли. В результате всех этих мероприятий к весне этого года колония страшно обеднела и упала во всех отношениях: побеги, воровство, пьянство, об этом писались целые страницы в харьковских газетах.

В марте «старые горьковцы» — и живущие в коммуне, и давно вышедшие в самостоятельную жизнь, врачи,

агрономы, педагоги, поставили вопрос о возрождении колонии. Горьковские ребята, а они все знают о старом блеске колонии, встретили эту мысль с настоящим энтузиазмом. Было несколько встреч и общих собраний дзержинцев и горьковцев, побывал и я в колонии. Намечалось объединение двух колоний на началах федерации под моим общим руководством. В Наробразе давно ис-

чезли старые противники моей системы, давно уже признаны достижения коммуны Дзержинского, возражений с этой стороны не было. Но не захотели такого объединения мои теперешние шефы. Мне пришлось отказаться от продолжения горьковской истории.

Сообщение в московских газетах об открытии новой коммуны Вашего имени меня снова взволновало. Я предъявляю мое право на работу в колонии Вашего имени и считаю, что это право никто оспаривать не может: с двадцатого года я, кажется, один во всем Союзе стоял во главе коллектива горьковцев. Ведь нас объединяло не только официальное Ваше шефское имя, но и реальное объединение наше вокруг Вашей личности, жизни и Вашей мысли. Много моих воспитанников сейчас работают в Союзе, и они до сих пор с гордостью называют себя горьковцами и не теряют связи ни со мной, ни друг с другом. И вот мы, горьковцы, считаем, что организация новой коммуны горьковцев должна быть нашим делом. Нас интересует в данном случае не только желание снова работать в горьковской колонии, но и чисто деловые соображения: ни для кого не секрет, что детские дома и колонии у нас плохо живут и работать в них до сих пор не умеют. А колония Вашего имени должна быть во всех отношениях образцовой. Мы чувствуем за собой и силу и опыт такую колонию создать. И есть какая-то красота в том, что новую Вашу колонию создадут не бюрократические деятели, а Ваши старые друзья — горьковцы.

Важно еще одно обстоятельство: в той же телеграмме из Москвы сказано, что создается и техникум им. М. Горького для подготовки работников внешкольного типа — педагогов. Прямо не пойму, почему именно внешкольного, когда у нас совершенно нет работников для детских домов, а готовить их наши педвузы не умеют. Я считаю, что при коммуне имени Горького надо иметь техникум для подготовки работников таких коммун. Я не хвастун, но ручаюсь, что такой техникум могу создать только я и, может быть, еще три-четыре человека в Союзе, ведь для этого нужно иметь огромный опыт работы с беспризорными, а у нас этого опыта редко кто выдерживал больше двух-трех лет. Для подготовки таких работников нужна совершенно особая программа. В глубине души я думаю, что эта программа пригодится вообще для создания советской школы воспитания, но это пусть так и будет в глубине.

Я Вас прошу: помогите сделать это большое и нужное дело, помогите это дело сделать нам, горьковцам. Сколько их я смогу насобирать, я еще хорошо не знаю, но за успех я ручаюсь.

Никаких своекорыстных мотивов у меня, конечно, нет. В коммуне им. Дзержинского меня ценят и любят, хорошо платят, и дело способно удовлетворить работника, но здесь уже все сделано, осталось наводить последний лоск. Правда, и здесь не дают мне полной свободы творчества, и здесь находятся охотники потребить то, что добыто огромным моим напряжением, но ведь от этого нигде не избавишься. И еще одно — мне надоела Укра-

ина, ибо я всегда был просто русским человеком. А Москву люблю. Но это все соображения второстепенные.

Я знаю, что первые годы в новой коммуне для беспризорных всегда каторга, но к этому влечет по привычке, а ведь в Москве пахнет горьковской колонией — вот, даже странно как-то представить, что колония им. Горького и вдруг без меня.

Я, наверное, слишком многословен, а Вы и так уже увидели и почувствовали мою правду.

Я не знаю, как это сделать, мне кажется, что Вы имеете право выбирать заведующего Вашей коммуной. Мне бы хотелось участвовать в самом проектировании колонии, потому что тогда легче всего наделать всяких глупостей.

В МОНО меня когда-то знали, о коммуне им. Дзержинского знают наверняка. На днях выйдет в ГИХЛ'е моя книга *«Марш тридцатого года»*, которая о коммуне много расскажет интересного. Может быть, и это поможет.

Кстати, о моей литературной деятельности: в ГИХЛ'е принята и вторая рукопись «ФД-1», большой очерк листов на двенадцать, а самая дорогая для меня работа, «Педагогическая поэма», изображающая не сладкие достижения, а тяжелейшую борьбу в горьковской колонии, полную не только пафоса, но и преступлений, между прочим моих собственных, книга, посвященная Вам, лежит у меня дома: как-то страшно выворачивать свою душу перед публикой с такой щедрой искренностью.

Все-таки простите за такое длинное письмо. Но если Вы его прочитали, я почему-то уверен, что колония им. Горького будет в моих руках, серьезно, иначе быть не может, это было бы просто недопустимо.

Преданный Вам
А. Макаренко.

Харьков, 54
Коммуна им. Дзержинского,
А.С.Макаренко

Дорогой Антон Семенович —

вчера прочитал Вашу книжку «Марш 30-го года». Читал — с волнением и радостью, Вы очень хорошо изобразили коммуну и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренно поздравляю с этой книгой. Вероятно, немножко напишу о ней. Колонисты Куряжа не пишут мне. Не знаю о них ничего. Прискорбно, какие хорошие ребята были там.

Крепко жму Вашу руку.

Передайте ребятам привет мой, скажите, что я страшно рад был прочесть, как они живут, как хорошо работают и хорошо, дружески — по-настоящему — относятся друг к другу.

17.XII.32.
Sorrento

М. Горький.

Дорогой и глубокоуважаемый
Алексей Максимович!

Ваше письмо о моей книге — самое важное событие в моей жизни, к этим словам я ничего уже не могу прибавить, разве только то, что я просто не понимаю, как это можно иметь такую большую душу, как у Вас.

А я о своем писании был очень плохого мнения. Писательский зуд просто оказался сильнее моей воли, а по доброй воле я не писал бы. Ваш отзыв перепутал все мои представления о собственных силах, теперь уже не знаю, что будет дальше. Впрочем, к писательской работе меня привлекает одно — мне кажется, что в нашей литературе (новой) о молодежи не пишут правдиво, а я очень хорошо знаю, какая это прелесть — молодежь, нужно об этой прелести рассказывать. Но это очень трудно, для этого нужен талант и еще... время. У меня как будто не было ни того ни другого. Пишу сразу в чистовку, получается неряшливо, а через каждые две строчки меня «пацаны» отрывают, писать приходится все в том же «кабинете».

Поэтому все, что я написал, меня смущало. Сейчас в ГИХЛ'е лежит моя рукопись «ФД-1» из истории последних лет коммуны Дзержинского. В редакции относятся к ней очень сдержанно,

В Конечно, надо бояться!
Это ведь уже 1933 год!
«Слишком много правды» —
значит крик души, жажда
свободы, восстание
против диктатуры.

наверное, она будет издаваться тоже два года, как и «М. 30 г.». А самая дорогая для меня книга, давно законченная, «Горьковцы», листов на 20, лежит у меня в столе, там слишком много правды рассказано, и я боюсь.

Есть еще у меня и пьеса. Даже стыдно писать Вам о таком обилии.

Недавно я писал Вам в Москву, наверное, Вы не получили моего письма. В нем я писал и о колонии в Кураже. В московских газетах было сообщение об открытии «образцовой колонии» им. М. Горького. Я просил Вас поручить эту колонию нам, «горьковцам». На это дело пошли бы лучшие ребята, выпущенные из колонии в Кураже, теперь педагоги, инженеры, врачи.

Куражскую колонию возродить уже нельзя. В прошлом году дзержинцы поставили вопрос об объединении с Куражем в «дивизию», но начальство не согласилось. Колония живет плохо, после меня переменялось уже четыре заведующих, глупости там наделаны непоправимые, коллектива нет, проход-

ной двор. Монастырское старье давно нужно было развалить, нужно было строить, богатеть, а там до сих пор штукатурка 1928 года. Нехорошо. Коммуна Дзержинского на днях праздновала свое пятилетие. Ребята постановили передать Куряжу помощь 10000 рублей, но это чепуха. Там деньги не помогут. Там нужна большая работа, все нужно сначала. А если сначала, так лучше уже на новом месте. Ваше имя в Куряже нужно снять.

Простите за длинное письмо. Ваши слова ребятам я передал на общем собрании. Они горды и сейчас Вам пишут.

Посылаю Вам наш юбилейный сборник.

Спасибо за Ваше внимание и поддержку, если можно за это благодарить.

Преданный Вам
А.Макаренко.

Харьков, 54.
Коммуна Дзержинского
1.1.1933 г.

Дорогой Антон Семенович —

я, стороною, узнал, что Вы начинаете уставать и что Вам необходим отдых. Собственно говоря — мне самому пора бы догадаться о необходимости для Вас отдыха, ибо я, в некотором роде, шеф Ваш, кое-какие простые вещи должен сам понимать. 12

NB *Алексей Максимович первым увидел, угадал и оценил мировое значение вашей педагогики! В тогдашнем Советском Союзе еще долго будут канонизировать ваши труды. Кое-что скроют от общественности. Но вот сотрудники Марбургского университета в Германии в начале 60-х годов создадут макаренковскую лабораторию и издадут почти полное собрание ваших сочинений с теми страдальческими письмами, которые пока еще нам неизвестны.*

Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу, дорогой друг мой. Я просил, чтоб из Москвы Вам выслали денег. Будьте здоровы, крепко жму руку. Всего доброго!

30.1.33.

А. Пешков.

Дорогой Антон Семенович —

не отвечал Вам, ожидая, когда получу возможность ответить конкретным предложением.

Но покамест еще не вижу этой возможности и пишу только для того, чтоб Вы знали: письмо Ваше получено мною и о Вашем переводе в Москву я — забочусь.

Будьте здоровы!

10.VIII.33.

А. Пешков.

Макаренко.
Харьков.
25 авг. 1933.

Дорогой Алексей Максимович!

Получил Ваше письмо. Поверьте, нет в моем запасе таких выразительных слов, при помощи которых я смог бы благодарить Вас. Если я вырвусь из моей каторги, я всю свою оставшуюся жизнь отдам для того, чтобы другим людям можно было вести воспитательную работу не в порядке каторги. Это очень печально: для того, чтобы воспитать человека, нужно забыть, что ты тоже человек и имеешь право на совершенствование и себя и своей работы.

Отсюда вырваться без Вашей помощи мне не удалось бы никогда.

Сейчас я выпустил 45 человек в вузы, и для моей совести сейчас легче расстаться с коллективом. Вырваться от начальства гораздо труднее, оно очень привыкло к безграничной щедрости, с которой здесь я растрчивал свои силы, растрчивал при этом не столько на дело, сколько на преодоление самых разнообразных предрассудков.

Простите, дорогой Алексей Максимович, что я занимаю Вас своей персоной. В Вашей работе, наверное, много более ценных объектов, но что же делать, если мне выпало такое счастье — заслужить Ваше внимание.

В начале сентября я буду в Москве, и, надеюсь, Вы разрешите Вас посещать.

Преданный Вам
А. Макаренко.

Дорогой Антон Семенович —

на мой взгляд «Поэма» очень удалась Вам. Не говоря о значении ее «сюжета», об интереснейшем материале, Вы сумели весьма удачно разработать этот материал и нашли верный, живой искрен-

ний тон рассказа, в котором юмор Ваш — уместен как нельзя более. Мне кажется, что рукопись не требует серьезной правки, только нужно указать постепенность количественного роста колонистов, а то о «командирах» говорится много, но армии — не видно.

Рукопись нужно издавать. Много ли еще написано у Вас? Нельзя ли первую часть закончить решением переезда в Куряж?

(25 сентября 1933)

М. Горький.

7 марта 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо Вам. Благодаря Вашему вниманию, поддержке, а может быть и защите, моя «Педагогическая поэма» увидела свет, да еще в таком совершенно уже незаслуженном соседстве с Вашей пьесой.

Для меня выход «Поэмы» — важнейшее событие в жизни. Я не способен судить, насколько это важно или нужно для людей. Здесь, в своей харьковской каторге, я вообще слишком мало ощущаю из широкой литературной жизни и не могу даже следить за критическими статьями, не знаю даже, есть они или нет.

И меня очень затрудняет вопрос о том, что дальше делать с поэмой? Следует ли добиваться отдельного издания первой части, или она не стоит того, чтобы ее отдельно издавать? Отдельное издание меня интересует больше всего потому, что можно будет восстановить несколько глав и отдельных мест (всего около 4-х печатных листов), не напечатанных в альманахе за недостатком места; мне, как, вероятно, и каждому автору, кажется, что места эти очень хороши и очень нужны, что без них «Поэма» много в своей цельности теряет.

Писать ли вторую часть или не стоит? Тов. Авербах говорил мне: «Обязательно пишите», а я все думаю, ибо нет у меня никакой писательской уверенности.

Материал для второй части у меня как будто богатый. Это лучшее время горьковской колонии. В первой части я пытался изобразить, как складывается коллектив, во второй части хочу описать сильное движение развернутого коллектива, завоевание Куряжа и харьковскую борьбу — до самого Вашего приезда. Закончить хочу Вашим приездом в Куряж.

Вторая часть для меня труднее, чем первая. Я не представляю себе, как я справлюсь с такой трудной задачей: описывать целый коллектив и в то же время не растерять отдельных людей, не притушить их яркости. Одним словом, боюсь.

Не знаю также, уместно ли разбавлять повествование теоретическими отступлениями по вопросам воспитания, у меня есть такой зуд — хорошо ли это?

И еще одно затруднение. Ваш приезд — это кульминационный пункт развития коллектива горьковцев, но это и его конец. До Вашего еще приезда мне удалось спасти 60 человек в коммуне Дзержинского. Эти 60 человек и продолжают традиции горьковцев уже на новом месте. Я всегда думал, что история дзержинцев составит тему третьей части «Педагогической поэмы». На деле, однако, мне не удалось сохранить цельность развития коллектива. Здесь набегало много людей, они дружно растащили коллектив в разные стороны, и в настоящее время, вместо одного цельного явления, я стою перед целой кучей проблем, получившихся исключительно благодаря неумению многих людей.

Для окончания «Поэмы» здесь нет хорошей правды, врать не хочу, закончить же 28-м годом тоже как будто неудобно. Простите, дорогой Алексей Максимович, что затрудняю Вас своими делами. Просто хочу поделиться с Вами. Если Вы только одним словом отзоветесь — стоит ли писать продолжение? — мне больше ничего и не нужно. А что выйдет, я все равно Вам покажу, тогда будет видно.

Страшное спасибо Вам за Ваше письмо Серафимовичу. Оно многим людям показывает дорогу.

Желаю Вам здоровья и радости.

Преданный Вам
А. Макаренко.

Харьков, 54.
Коммуна им. Дзержинского

Дорогой Антон Семенович!

рукопись Ваша сокращена по недоразумению, сократить нужно было не ее. Но я живу за городом и — «не досмотрел». А на других положиться — нельзя, как Вы знаете.

Очень огорчен тем, что Вы еще не принимались работать над второй частью, и очень Вас прошу: начинайте!

Первая часть хорошо удалась Вам, все, кто читал ее — читали с наслаждением и все говорят: нет конца! Первую часть нужно издать, включив, конечно, выпавшие четыре листа. П. П. Крючков возьмет на себя хлопоты по изданию. Особенно резко полемизировать по поводу Вашего метода воспитания Вам не стоит, метод этот оправдан на Б.-Б. водном пути по Печоре — книга «Большой шанс» Канторовича и другие. Замалчивать правду, разумеется, не рекомендую.

Крепко жму руку, рукописей жду.

14.III.34.

Ваш А.Пешков.

Харьков, 54.
Коммуна им. Дзержинского
14 июня 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Давно должен был написать Вам, но не хотел тревожить Вас моими делами во время таких горестных для Вас событий, которые и мы здесь встретили с глубокой и искренней печалью. Непереносимо тягостно было представить себе Ваше страдание, так это все не вяжется с Вашей личностью и с любовью к Вам. Нет ничего отвратительнее для меня знать, что и по отношению к Вам возможны подобные издевательства этих дурацких мировых неустройств. Так это возмутительно, и так себя неуютно чувствуешь в мире: ведь по справедливости и по здравому смыслу умирать должны только те люди, которые уже не нужны для жизни.

Я пишу вторую часть «Педагогической поэмы». Подвигается она чрезвычайно медленно, мешают коммунарские дела, напряженные, как всегда. К коммунарским делам прибавилось еще одно, увлекательное до высшей степени. Здесь в Харькове организован Комитет для открытия новых детских трудовых коммун на 12 000 человек. И меня ввели в состав комитета. Я настойчиво предлагаю всем открыть одну коммуну на 12 000 детей на берегу Днепра недалеко от Черкасс или при впадении Сейма в Десну. Я представил подробный план, составленный целой группой людей, понимающих в этом деле, и настоящих энтузиастов. План деловой и точный. Я прошу 33 миллиона выдать в течение 3-х лет. Обязуюсь потом возратить эти деньги в течение десяти лет, а сверх того ежегодно увеличивать коммуны на 2000 человек. Вообще, начиная с четвертого года, коммуна должна быть на хозяйском расчете.

О деньгах никто не спорит. На борьбу с беспризорностью ежегодно расходуются гораздо большие деньги и без всяких материальных и педагогических последствий. И если открыть не одну, а двенадцать коммун на 12 000 человек, то это будет стоить не 33 миллиона, а больше ста.

Не денег жалеют, а просто боятся поднять серьезное большое дело, боятся тронуться с насиженного, хотя и дрянного места, на котором давно стоит беспризорный вопрос. Я уже многих убедил, но многие еще сомневаются и чего-то боятся.

Если бы дали в руки такое дело, да еще если бы назвали новую коммуны Вашим именем, я уже не мог бы ручаться за скорое окончание «Педагогической поэмы». Это, конечно, очень грустно, но отказаться от такой коммуны я все равно не в силах.

Первая часть «Педагогической поэмы» давно сдана в «Советскую литературу», но с изданием там не спешат, говорят, что до августа она в производство не пойдет. Почему так долго, не знаю, может быть, так и нужно. Вероятно, украинский перевод

выйдет раньше, так как «Радянська література» спешит обогнать Москву, справедливо рассчитывая, что читатель будет читать по-украински только в том случае, если рядом нет лучшего.

Сдал я и «Мажор» в МХАТ товарищу В. Около месяца поработал над пьесой, считаю, что она теперь лучше, чем была раньше, но бабы прибавить не сумел — я еще очень слабый техник. В. сказал, что с Вами будут советоваться. Здесь в Харькове есть симпатичный и культурный театр русской драмы. Коллектив этого театра очень воодушевленно и красиво шефствует над коммуной им. Дзержинского. Просили дать им «Мажор» к постановке, но я не хочу ставить пьесу в том городе, где так хорошо знают коммуны, — будут копировать, а это совсем не то: в «Мажоре» есть много от мечты о ближайших будущих днях.

В конце июля коммунары уезжают в отпуск. Становимся лагерем в Сосновом лесу на берегу Днепра. Как и в прошлом году, ребята воображают, что это замечательная вещь — лагерь на Днепре, и собираются приглашать Вас. Главное, чем они собираются Вас завлечь, это маленький пароходик в распоряжении лагеря. Ездить на пароходике по Днепру и снимать берега собственной «Лейкой» — конечно, высшее блаженство.

Между прочим, «Лейки» (по-нашему — «ФЭД» — «Федыки») нашего нового завода выходят нешлюхие. Остался еще недоступным секрет одного лака. Когда этот секрет будет освоен и «ФЭД» примет настоящий нарядный вид — коммунары мечтают, что Вы примете от них образец, — ведь это тоже «Наши достижения».

Простите за длинное письмо.

Преданный Вам
А. Макаренко.

В «Литературной газете» было напечатано, что в Союз писателей принят Макаренко. По некоторым данным это я. Но я так не верю в это счастье, что боюсь страшно разочарования. Недавно жена была в Москве, но я ей прямо запретил заходить в ССП, а вдруг скажут:

— Н-нет... это другой товарищ.

Дорогой мой друг Антон Семенович —

спасибо за письмо!

Очень обрадован намерением правительства широко организовать детские трудкоммуны, очень ясно сознаю необходимость Вашего участия в этом прекрасном деле, но — огорчен тем, что вторая часть «Педагогической поэмы» Вашей «подвигается медленно».

Мне кажется, что Вы недостаточно правильно оцениваете значение этого труда, который должен оправдать и укрепить Ваш метод воспитания детей. Вы должны сделать что-то, чтоб «Поэма» была кончена Вами и прочитана в момент организации но-

вых коммун. Этим актом Вы поможете поставить дело правильно, как оно было поставлено в Куряже и в коммуне Дзержинского. Убедительно прошу Вас — напрягитесь и кончайте вторую часть «Поэмы». Настаиваю на этом не только как литератор, а — по мотиву, изложенному выше.

Крепко жму руку, будьте здоровы и — за работу!
(Июнь, после 16, 1934)

М. Горький.

Дорогой Антон Семенович —

вторая часть «Поэмы» значительно менее «актуальна» чем первая; над работой с людьми и землей преобладают «разговоры». В них много юмора, они придают «Поэме» веселый тон, — это, конечно, еще не порок, если не снижает серьезнейшее тематическое, а также историческое значение социального опыта, проделанного колонией.

Мне кажется, что эта часть поэмы весьма выиграет, если Вы сократите ее. Сокращать надо незначительное, чтоб ярче оттенить значительнейшее. Длинновата сцена покупки лошади. Очень хороша свадьба. Недостаточно ясна Ваша полемика с НКПр. о методах воспитания. Не звучит ли некое «Скрипниковское» в указании НКП на применяемую Вами «военизацию»? Думается, что Вы недостаточно подчеркнули воспитательное значение этой игры, а она ведь настраивала ребят серьезно.

Я «придираюсь», потому что глубоко убежден в серьезнейшем значении «Поэмы», в правде метода, в поучительности опыта. Но чтоб опыт был ясен читателю, — даже тогда, когда он — профессионал-педагог, — Вам необходимо более четко изображать постепенность перерождения ребят. В этой части личная Ваша фигура и работа оставляет ребят несколько в тени. И это — потому, что работу Вы освещаете словами, тогда как освещение ее требует фактов. Незаметно, как ребята пришли к необходимости учиться в рабфаках, решение это является неожиданным.

Вообще очень прошу Вас внимательно прочитать и — местами сократить, а кое-где дополнить рукопись. Крайне важно дать эту Вашу работу в форме — по возможности — совершенной.

Крепко жму руку.

10.IX.34.

М. Горький.

Дорогой, родной Алексей Максимович!

Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою благодарность и любовь. Одно знаю хорошо, что ни я, ни моя поэма не стоят того исключительного внимания, которое Вы оказываете нам, и не стоят огромного труда, который Вы нам дарите.

О второй части у меня нет ясного представления: то она кажется мне очень хорошей, гораздо лучше первой, то чрезвычайно слабой, ничего не стоящей. Писал я ее в ужасных условиях, во время большой напряженной работы в коммуне, в летнем походе коммунаров: в вагоне, на улицах городов, в передышках между торжественными маршами.

И поэтому, и по моей неопытности и слабости, в ней, конечно, много недостатков, которые я в особенности ясно увидел после Вашего отзыва: много «разговоров», выпирает моя фигура, есть лишнее зубоскальство. Я постарался вычеркнуть все то, что бросается в глаза, всего вычеркнул больше двух печатных листов, но как-нибудь основательно переделать всю часть я уже потому не могу, что вся она построена по особому принципу, который я считаю правильным, но который, вероятно, плохо отобразил в своей работе над книгой.

Я очень прошу Вашего внимания к следующему:

Моя педагогическая вера: педагогика — вещь прежде всего диалектическая — не может быть установлено никаких абсолют-

В *Полностью солидарен. Педагогика в первую очередь есть область общечеловеческого мышления и творческой практики и лишь после всего этого — наука.*

но правильных педагогических мер или систем. Всякое догматическое положение, не исходящее из обстоятельств и требований данной минуты, данного этапа, всегда будет порочным.

Единственно, что я хочу утверждать: в коммунистическом воспитании единственным и главным инструментом воспитания является живой трудо-

вой коллектив. Поэтому главное усилие организатора должно быть направлено к тому, чтобы создать и сберечь такой коллектив, устроить его, связать, создать тон и традиции, направить...

В первой части «ПП» я хотел показать, как я, неопытный и даже ошибающийся, создавал коллектив из людей заблудших и отсталых. Это мне удалось благодаря основной установке: коллектив должен быть живой, и создавать его могут настоящие живые люди, которые в своем напряжении и сами переделываются.

Во второй части я сознательно не ставил перед собою темы переделки человека. Переделка одного, отдельного человека, обособленного индивида, мне представляется темой второстепенной, так как нам нужно массовое новое воспитание. Во второй части я задался целью изобразить главный инструмент воспитания, коллектив, и показать диалектичность его развития.

Инструментовку коллектива я хотел изобразить в следующих главных чертах:

1. Пролетарская классовая направленность — отрицание индивидуального крестьянского хозяйства.
2. Превалирование интересов коллектива над интересами личности.
3. Дисциплина.

4. Бодрость.
5. Коллективный труд и хозяйство.
6. Образовательный и культурный процесс.
7. Настоящие живые люди (Калина, Силантий, Мария Конд-
ратьевна).
8. Стремление вперед, обязательное развитие.
9. Традиции, в том числе и внешние.
10. Эстетическое оформление жизни.

Может быть, это все мне плохо удалось, это другое дело.

В третьей части я этот коллектив хочу показать в действии: в массовой переделке уже не отдельных личностей, а в массе — триста куряжан. В третьей части у меня богатый материал для изображения такой переделки и доказательства того, что силами коллектива эта переделка легче и быстрее.

В третьей же части я хочу изобразить и сопротивление отдельных лиц в НКП. Во второй я хотел показать только первые предчувствия, первые дыхания борьбы. Нападение НКП на мою работу было вызвано именно обстоятельствами активной деятельности коллектива горьковцев в Куряже.

В третьей же части я хочу показать, как здоровый коллектив легко размножается «почкованием» (дзержинцы).

Это моя схема. Очень возможно, что я не умел и не умею рассказать все так, чтобы и читателю было ясно. Страшно хорошо, что это обнаруживается сейчас: в третьей части я теперь постараюсь все прояснить, если хватит у меня способности.

Еще раз спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович. Ужасно тяжело, что я не увидел Вас, и еще тяжелей, что Вы хвораете.

Желаю Вам здоровья и бодрости.

Москва. 18.IX.34.

Преданный Вам
А.Макаренко.

Дорогой Алексей Максимович!

Если Вы помните, весной прошлого года я был принят Вами и представил Вам свою пьесу «Мажор», которая перед тем побывала на конкурсе Совнаркома и удостоилась даже рекомендации.

В общем Вы пьесу мою одобрили, предложили кое-что исправить. Я драматург молодой, и мне легче написать новую пьесу, чем исправить старую. Я все-таки еще поработал над «Мажором» и передал ее для печати в Гос. изд. «Художественная литература». Оттуда я получил очень хороший отзыв, скоро она должна выйти в свет. Ваше положительное отношение к моему драматургическому дебюту и потом успех пьесы в «Художественной литературе» меня настолько окрылили, что я даже пренебрег полной неудачей моих попыток пристроить ее в театре (МХАТ

отозвался отрицательно, все другие даже не ответили), тем более что эти попытки не отличались особенной энергией.

Короче говоря, я написал еще одну пьесу «Ньютоновы кольца» (почему-то скрываюсь под фамилией Гальченко). Меня увлекла тема изобразить игру мельчайших бликов, зайчиков на очень ограниченном участке нашей борьбы, мне хотелось этой радужной игрой подчеркнуть величие и уверенность нашего движения. Сегодня я прочитал Вашу статью «Литературные забавы», и теперь я понимаю, что меня в моей пьесе интересовала «химия» явлений среди наших людей. Очень возможно, что такой химии у меня не получилось, я не имею никакого понятия о качестве «Ньютоновых колец». Но так как в эту работу я вложил кое-что и так как в ней есть рисунки настоящих живых людей и живых конфликтов, которые я наблюдал вокруг себя, то я осмеливаюсь просить Вас, если позволяет Ваше здоровье и если у Вас найдется время, прочитайте «Ньютоновы кольца», которые я Вам одновременно посылаю. Внимание и забота, которые Вы мне всегда оказывали, позволяют и теперь обратиться к Вам с этой просьбой.

Начал третью часть «Педагогической поэмы», которую надеюсь представить к альманаху седьмому. Очень хочу, чтобы третья часть вышла самой лучшей, поэтому постараюсь ее закончить раньше, чтобы успеть сделать исправления, а может быть, даже написать наново, если потребуется.

Простите, что письмо на машинке — уже две недели как лежу в постели, немножко надорвался — нервы.

Преданный Вам
А. Макаренко.

Харьков,
Коммуна Дзержинского.
26 января 1935.
[8 февраля 1935]

Дорогой Антон Семенович —

на мой взгляд «Ньютоновы кольца» пьеса веселая, и — если хотите — я могу передать ее в театр Корша или же Вахтангова.

Но — мне хочется ругать Вас. Напрасно Вы прервали работу над «Педагогической поэмой», значение которой гораздо солиднее пьес. Вот уже первые части «Поэмы» вышли, а — где третья? Очень прошу Вас: продолжайте эту работу! Я думаю, что 3-ю часть нужно довести до момента Вашего ухода и на нем — кончить.

Копию Вашего письма П. П. о Куряже я сообщил Павлу Петровичу Постышеву, вероятно, он Вас вызовет «для разговора».

Будьте здоровы! Работайте.

А. Пешков.

[1935 г. февраль]

Дорогой Алексей Максимович!

Ругаете Вы меня или помогаете, а я все равно не умею так написать Вам, чтобы хотя бы на минутку Вы почувствовали всю глубину и теплоту моей благодарности и любви к Вам. И я страшно злюсь на себя и на наш век за то, что теперь люди такие деловые и суровые, что они умеют только

ВВ *Вот где ваша главная боль, дорогой Антон Семенович! Вы злитесь на ваш век, а в век этот — страшные 30-е годы — люди стали суровые, они только с материей возятся, а явления в собственных душах для них стали непосильными. Вы говорите о душе человека, которую упускает воспитание, которую вы всегда имели в виду в живом творческом педагогическом процессе. Вот почему я верю, что главный храм в Куряже вам не помешал бы.*

возиться с материей, что явления в собственных душах такие для них стали непосильные.

Спасибо, что обругали. Это у Вас так сильно и ласково выходит, что мне может позавидовать любой мой воспитанник. Секрет педагогического воздействия таким образом еще и до сих пор для меня проблема. Во всяком случае после Вашей проборки мне хочется написать не третью часть «Педагогической поэмы», а третью часть чего-то страшно грандиозного.

Это, однако, не мешает «жалкому лепету оправданий». «Педагогическая поэма» — это поэма всей моей жизни, которая хоть и слабо отражается в моем рассказе, тем не менее представляется мне чем-то «священным». Я не

могу писать поэму в сутолоке моей работы в коммуне. Для поэмы мне нужен свободный вечер или какое-нибудь уединение. А пьесы я набрасываю в коммунарском кабинете в трехминутных перерывах между деловыми разговорами, выговорами, заседаниями, удовлетворяя писательский зуд, который так поздно у меня разгорелся в значительной мере благодаря Вашему ко мне вниманию. Теперь я уже не в состоянии пройти безучастно мимо интересных людей и коллизий. А так как мне записывать некогда, то хочется написать скорей, пока не забыл ничего.

Оправдался? Кажется, нет. Поэтому даю Вам слово не писать ничего, пока не окончу «Педагогическую поэму», кстати, конец уже недалеко.

А после «Педагогической поэмы» я мечтаю не о пьесах, а о таком большом деле... Я хочу написать большую, очень большую работу, серьезную книгу о советском воспитании. Если у меня хватит здоровья, я уверен — это будет очень важный и капитальный труд. Я однажды приступил к нему, но увидел, что такую книгу нужно писать в полном отрешении от текущей работы и обязательно «с книгами в руках», просмотрев все высказывания старого опыта, истории, художественной литературы. Вы даже

представить себе не можете, Алексей Максимович, сколько у меня скопилось за 30 лет работы мыслей, наблюдений, предчувствий, анализов, синтезов. Жалко будет, если все это исчезнет вместе со мной. Я потом и буду просить... чтобы мне дали возможность жить в Москве, поближе к книгам и к центрам мысли, и работать. Мне понадобится два года.

Видите, я не очень отравлен драматургией и помню Ваше указание — писать о педагогическом деле. Но сейчас мои мозги очень скомканы коммуной: ведь у нас 520 ребят, а я уже достаточно заморился.

Не знаю, как сказать, как благодарить Вас за то, что прочитали «Ньютоновы кольца». Совесть мучит меня, что я затруднил Вас этой работой, но утешаюсь тем, что в «Ньютоновых кольцах» тема тоже педагогическая. Ведь теперь перевоспитываются не только дети. В пьесе я и хотел захватить кусочек великого процесса перевоспитания, только выражая его не в «небывалых чудесах», а в простой «химии». Перевоспитывается не только Хромов, а и Рязанова, и Луговой, и Ходиков, и Елочка. И не потому перевоспитывается, что стоит над душой гениальный педагог, а потому, что вся атмосфера, весь тон жизни и отношений новые. Конечно, все это тонкие штуки, и поэтому сократить, дописать, доработать пьесу наедине с самим собой я не сумею. Если пьеса того заслуживает, если она станет объектом работы режиссера или театрального коллектива, я с большим успехом смогу ее улучшить. И Вы так пишете. Поэтому, если Вам придется говорить о моей пьесе с режиссером, Вы считайте, что за моими исправлениями остановки не будет.

Спасибо еще раз за Ваше великое человеческое внимание ко мне и за ласку.

Преданный Вам
А. Макаренко.

Харьков, 54.
Коммуна им. Дзержинского.
А. С. Макаренко.

Киев, 28 сентября 1935 г.
Ул. Леонтовича, 6, кв. 21.

Дорогой Алексей Максимович!

Сегодня авиапочтой выслал Вам третью часть «Педагогической поэмы». Не знаю, конечно, какой она получилась, но писал ее с большим волнением.

Как Вы пожелали в Вашем письме по поводу второй части, я усилил все темы педагогического расхождения с Наркомпросом,

это прибавило к основной теме много перцу, но главный оптимистический тон я сохранил.

Описать Ваше пребывание в Куряже я не решился, это значило бы описать Вас, для этого у меня не хватило совершенно необходимого для этого дела профессионального нахальства. Как и мои колонисты, я люблю Вас слишком застенчиво.

Третью часть пришлось писать в тяжелых условиях, меня перевели в Киев помощником начальника Отдела трудовых колоний НКВД, обстоятельства переезда и новой работы — очень плохие условия для писания, в сутки оставалось не больше трех свободных часов, а свободной души ничего не оставалось.

Работа у меня сейчас бюрократическая, для меня непривычная и неприятная, по хлопцам скучаю страшно. Меня вырвали из коммуны в июне, даже не попрощался с ребятами.

Дорогой Алексей Максимович! Большая и непривычная для меня работа «Педагогическая поэма» окончена. Не нахожу слов

NB *Подумать только — большая, очень большая, серьезная, капитальная книга о воспитании! Она была в человеке, но не была написана! И так вы уходите из жизни, обозленный на ваш век (а ведь он был и нашим), оклеветанный современниками (так были оклеветаны и после вас многие талантливые искатели истины). Нам остается быть вечно благодарными за ваш титанический труд, за ваше педагогическое мужество, за ваше гуманное наследство.*

и не соберу чувств, чтобы благодарить Вас, потому что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи, я никогда этой книжки не написал бы.

У меня сейчас странное ощущение. Работа окончена, но остались уже кое-какие навыки письма, кое-какая техника, привычка к этой совершенно особенной, волнующей работе.

А в то же время я вдруг опустошился, как будто всю свою жизнь до конца выложил, нечего больше сказать.

Я очень хочу надеяться, что Вы не бросите меня в этой неожиданной пустоте.

Посоветуйте, как сначала наладить мое писательское самочувствие, куда броситься, как сохранить те элементы стиля, которые, вероятно, все-таки есть в моей работе?

Искренно преданный Вам
А. Макаренко.

P.S. Второй экземпляр выслал в редакцию альманаха «Год XVIII».

В Москве буду числа 6-го—12-го. Если нужно, вызовите меня телеграммой, а то так не пускают.

В случае надобности, я думаю, можно выбросить главы «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику».

А. М.

Дорогой Антон Семенович —

третья часть «Поэмы» кажется мне еще более ценной, чем первые две.

С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжцами, да и вообще очень многое дьявольски волновало. «Соцвосовцев» Вы изобразили так, как и следует, главы: «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику» — нельзя исключать.

Хорошую Вы себе «душу» нажили, отлично, умело она любит и ненавидит. Я сделал в рукописи кое-какие мелкие поправки и отправил ее в Москву.

Вы спрашиваете, «как сохранить элементы стиля» и т.д. Очень просто: ведите аккуратно ежедневную запись наиболее ясных мыслей, характерных фактов, словесной игры: удачных фраз, афоризмов, «словечек». Пишите ежедневно хоть десяток строк, но так экономно и туго, что[бы] впоследствии их можно было развернуть на две, три страницы. Дайте свободу Вашему юмору. Делая все это, Вы не только сохраните приобретенное работой над «Поэмой», но расширите его.

Напоминаю Вам сказанное в «Поэме» о «чекистах». Так же, как Вы, я высоко ценю и уважаю товарищей этого ряда. У нас писали о них мало и плохо и писали не от удивления пред героями, а, кажется, «страха ради иудейска». Сами они, к сожалению, скромны и говорят о себе молча. Было бы очень хорошо, если б, присмотревшись к наркомвнудельцам, Вы написали очерк или рассказ «Чекист». Попробуйте. Героическое Вы любите и умеете изобразить.

Если Вас тяготит «бюрократическая» работа и Вы хотели бы освободиться от нее — давайте хлопотать. Я могу... просить... чтоб Вас возвратили к ребятам.

Ну — что же? Поздравляю Вас с хорошей книгой, горячо поздравляю.

М. Горький.

Р.С. Вы, конечно, использовали не весь материал — дайте десяток портретов беспризорников. Говорят, что теперь они — грамотнее, легче идут на работу, быстрее дисциплинируются. И, будто бы, причиной ухода из семьи на улицу служат: мачехи, вотчимы и «скука жизни» в семье. Отцам-матерям некогда заниматься детьми, детям — не о чем говорить с родителями.

8 октября 1935 г.

М. Г.

КОММЕНТАРИИ

К стр. 32 **Воспитание и развитие личности**

¹ Заведующий губернским отделом народного образования.

К стр. 46 **Педагогическая логика**

¹ Приведенные полностью тезисы «Проблемы школьного советского воспитания» написаны А.С.Макаренко при подготовке к первой лекции «Методы воспитания», с которой педагог выступил перед сотрудниками Наркомпроса РСФСР в январе 1938 г.

К стр. 62 **Программа личности**

¹ Под фамилией Карабанов в «Педагогической поэме» изображен один из первых воспитанников А.С.Макаренко Семен Афанасьевич Калабалин, известный советский педагог. В последние годы своей жизни он возглавлял Клеоновский детский дом в Егорьевском районе Московской области.

² Борисов Федор — выпускник коммуны им. Ф.Э.Дзержинского. Работал инженером-механиком. Погиб на фронте во время Великой Отечественной войны.

К стр. 76 **Личность и коллектив**

¹ Под фамилией Шере в «Педагогической поэме» изображен Николай Эдуардович Фере, впоследствии кандидат экономических наук, профессор Сельскохозяйственной академии им. К.Е.Тимирязева, автор книги о Макаренко — «Мой учитель».

К стр. 87 **Мастерство педагога**

¹ С небольшими сокращениями публикуется записка А.С.Макаренко под названием «Вроде методического плана клубной работы», написанная для сотрудников коммуны им. Ф.Э.Дзержинского в начале 1928 г. Содержит лаконичную характеристику принципов и методов клубной педагогики.

К стр. 102 Педагогика реального гуманизма

¹ Прототипом Екатерины Григорьевны в «Педагогической поэме» являлась близкий друг Макаренко Е.Ф. Григорович. С самого начала работы она была ближайшим помощником Антона Семеновича в колонии имени Горького, а затем до 1931 г. и в коммуне имени Дзержинского.

К стр. 113 Художественная литература о воспитании детей

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 150, л. 20—29, с об. Стенограмма лекции, машинопись с правкой А.С. Макаренко. См. также: Рукописный отдел Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, ф. 114, оп. 1, д. № 2. Впервые опубликовано, с сокращениями: *Макаренко А.С. Педагогические сочинения.* — М.; Л., 1948.

Лекция прочитана 21 апреля 1938 г. в Большой аудитории Государственного Политехнического музея в Москве по поручению лекционно-экскурсионного бюро Московского областного совета профессиональных союзов (афишу лекции см.: ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 433, тема лекции — «Художественная литература о воспитании безнадзорных детей»). На ней присутствовали бывшие коммунары-дзержинцы. А. С. Макаренко назвал лекцию беседой.

А. С. Макаренко значительно расширил тему лекции. Указывая на решающее значение педагогических позиций писателя в художественной литературе о воспитании, он остановился на такой проблеме воспитания, как создание «активной большевистской педагогики», основанной на новом отношении к человеку, безграничной вере в могущество воспитательной силы социалистического строя и колоссальных возможностях социального и нравственного развития воспитательного коллектива. Оптимизм и гуманизм советского общества, по мнению А. С. Макаренко, создают новый стиль воспитания, революционизируют его содержание, соединяя «огромное доверие с огромным требованием».

Важным является выделение трех взаимосвязанных аспектов изучения педагогических явлений: характеристика воспитанников, анализ применяемых методов воспитания и исследование подхода к оценке педагогических результатов.

Макаренковская характеристика изданной в 1927 г. повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика ШКИД» совпала с оценкой этой книги Н. К. Крупской (На путях к новой школе, 1927, № 4, с. 158—159) и Институтом методов школьной работы (там же, № 5, с. 135—138). См. также предисловие С. Маршака к изданию «Республики ШКИД» (Л., 1965).

¹ См. т. 1 цитируемого издания, с. 355, п. 4. Постановление «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» было принято ЦК ВКП(б) 4 июля 1936 г.

² *Ломброзо, Чезаре* (1835—1909) — итальянский судебный психиатр и антрополог, основоположник теории так называемой прирожденной преступности.

³ Сказанное не означает, что А. С. Макаренко недооценивал роль воспитания гармонической личности. Все его педагогическое творчество

во проникнуто идеей формирования всесторонне развитой личности. О задаче воспитания «цельной коммунистической личности» см. с. 153 данного тома, а также статью «Цель воспитания» в т. 4 настоящего издания и т. 1, с. 43, п. 9.

⁴ См. т. 3 настоящего издания, с. 442—444. Цитируемый далее фрагмент см. там же, с. 442. О «свободе проявления» и «саморазвитии» см. также на с. 390.

⁵ См.: там же, с. 293.

⁶ Рассказ Л. Сейфуллиной «Правонарушители» вышел отдельным изданием в 1922 г. (г. Новониколаевск, Сибирское обл. гос. изд-во). Отношение А. С. Макаренко к этому произведению, как и к «Республике ШКИД», изменялось. Оно стало впоследствии более критическим. Представления А. С. Макаренко о методике воспитания постоянно обогащались реальным опытом колонии горьковцев, коммуны дзержинцев и осмыслением новых общественно-педагогических явлений, что вело к пониманию им дальнейшего развития содержания, целей и принципов воспитания.

⁷ Калабалин, Семен Афанасьевич — один из первых колонистов-горьковцев, впоследствии заслуженный учитель школы РСФСР.

⁸ Старшие классы общеобразовательной школы были открыты в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского в 1934 г. в составе «школьного комбината», включавшего также техникум и курсы ФЗУ (см. т. 1 настоящего издания, с. 204).

⁹ Говорится, вероятно, о выпускнике коммуны им. Ф. Э. Дзержинского Л. В. Конисевиче, награжденном орденом за участие в эвакуации испанских детей из порта Бильбао в 1936 г.

¹⁰ Здесь и далее А. С. Макаренко, называя персонажей «Педагогической поэмы», рассказывает о дальнейшей судьбе их прототипов, бывших колонистов-горьковцев: Н. П. Лапотецкого, П. Ф. Шершнева, А. Браткевича. А. Ужиков — собирательный образ, его прототипы — Фейгельсон и один из Ивановых.

¹¹ При жизни А. С. Макаренко «Педагогическая поэма» была издана в Западной Европе в переводе на английский, французский и голландский языки. Книга вызвала оживленные комментарии в английских, американских и французских газетах разных направлений. В одной из газет говорилось: «Книга Антона Макаренко стоит тысячи пропагандистских книг» (см.: Литературная газета, 1937, март, № 14 (650)).

¹² Говорится о сценарии, который затем стал основой для книги «Флаги на башнях» (см.: ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 18; см. также: ед. хр. 46—49).

¹³ Художественное описание огневой церемонии см. в повести «Флаги на башнях» (см. т. 6 настоящего издания, с. 101).

¹⁴ Коллектив и далее продолжал вести работу с воспитанниками. Их воспитанием руководил комитет комсомола, в помощь новичкам выделялись старшие товарищи-шефы.

¹⁵ Говорится о Киевской трудовой колонии НКВД УССР № 5 в Броварах, которой А. С. Макаренко руководил с октября 1936 г. по январь 1937 г., по совместительству работая заместителем начальника отдела

трудовых колоний НКВД УССР. Об этой работе он рассказывал в выступлении на заводе «Шарикоподшипник» (см.: т. 4 настоящего издания, с. 27—34). (См. также: *Бабич И. А. С. Макаренко в Броварах // Народное образование*, 1964, № 3.)

¹⁶ Имеется в виду постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (опубликовано в «Правде», 1935, 1 июня).

¹⁷ В связи с 5-летним юбилеем коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 29 декабря 1932 г. коллегией ГНУ СССР А. С. Макаренко был награжден грамотой и именными золотыми часами. Правление коммуны присвоило ему звание ударника с вручением значка. Наркомпрос УССР и Комиссия по борьбе с детской беспризорностью Харьковского облисполкома отметили его многолетнюю работу грамотами.

¹⁸ *Макаренко (Салько), Галина Стахивна* — жена педагога-писателя, его соратник в педагогической, литературной и общественной деятельности с осени 1929 г.

¹⁹ Позднее, осенью 1938 г., А. С. Макаренко говорил: то, что применялось им в практике наказания, «было бы полезно в школе» (т. 4 настоящего издания, с. 238).

²⁰ Говоря о персонажах «Педагогической поэмы» Вере Березовской и Наташе Петренко, А. С. Макаренко рассказывает о судьбе их прототипов.

²¹ *Сердюк Калина Иванович* — заведующий хозяйством колонии им. М. Горького, с сентября 1920 г. до мая 1922 г.

К стр. 141 **Стиль детской литературы**

Впервые опубликовано в журнале «Детская литература», 1938, № 7, с примечанием: «Редакция приглашает тт. писателей, критиков, работников детской книги высказаться по вопросам, затронутым в статье т. Макаренко».

А. С. Макаренко развивает тему, поднятую им в статье «Воспитательное значение детской литературы». Его выводы о специфике детской литературы основаны на многолетнем опыте педагогической работы, где огромное внимание уделялось детскому чтению (применительно в основном к среднему и старшему возрасту). Статья показывает глубокое знание им возрастной психологии. Важной является идея целостного восприятия художественного произведения.

«Особенность литературы для детей и юношества А. С. Макаренко видит в «тенденциях стиля», которые должны опережать «возрастной комплекс психики», подчиняясь задаче воспитания активной и жизнерадостной личности социалистического типа. Этот тезис имеет методологическое значение, согласуясь со взглядами советского психолога Л. С. Выготского, который одним из первых выдвинул идею о ведущей роли обучения и воспитания в развитии детской психики и качественно новом принципе определения возрастных психологических особенностей в их динамике, с использованием представления о «зоне ближайшего развития», т. е. тех психических качествах и проявлениях формирующейся личности, на которых следует сосредоточивать внимание и

усилия педагогов. Взгляды Л. С. Выготского, развитые впоследствии другими представителями советской психологической школы (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев и др.), помогли А. С. Макаренко обосновать выдвинутую им идею «перспективных линий» в воспитательном процессе коллектива и личности. В статье критикуется тенденция ряда детских писателей пассивно следовать за «возрастным комплексом психики» ребенка, в чем Макаренко видел проявление в литературе для детей педологических идей и установок.

¹ *Айртон* — персонаж книги «Таинственный остров».

² Приводятся слова из пьесы А. П. Чехова «Чайка» (действие IV), они встречаются также в письме А. П. Чехова брату Александру от 10 мая 1886 г. Говорится о роли художественной детали в воссоздании целостной картины изображаемого.

К стр. 148 **Детство и литература**

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 113, вырезка из «Правды», 1937, 4 июля. В статье развиваются идеи, высказанные А. С. Макаренко в лекции «Художественная литература о воспитании детей».

¹ *Пантеизм* — философское учение, утверждающее тождество Бога и природы.

К стр. 153 **Воспитательное значение детской литературы**

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 113, фотокопия статьи в «Литературной газете», 1938, 15 мая.

Материалы А. С. Макаренко о детской литературе показывают, что его педагогическая система базируется на тщательном изучении психологии детства и юности, пристальном внимании к развитию индивидуальности в коллективе. Это нашло яркое отражение также в его художественных произведениях.

¹ Размышления А. С. Макаренко о детском чтении см. также в т. 4 настоящего издания («Мои педагогические воззрения», с. 343—364).

ЛИТЕРАТУРА

Труды А.С.Макаренко

Макаренко А.С. Пед.соч.: В 8 т. / Сост. М.Д.Виноградова, Л.Ю.Гордин, А.А.Фролов; Редколлегия: М.Кондаков (гл.ред.), В.М.Коропов и др. — М., 1983—1986.

Макаренко А.С. Избр. пед.соч.: В 2 т. / Сост. Л.Ю.Гордин; Под ред. И.А.Каирова (отв. ред.), В.М.Коропова, Б.Т.Лихачева. — М., 1977—1978.

Макаренко А.С. Избр. произв.: В 3 т. — 2-е изд., испр. — Киев, 1985.

Литература о педагогическом опыте и идеях А.С.Макаренко

Козлов И.Ф. Педагогический опыт А.С.Макаренко. — М., 1987.

Павлова М.П. Педагогическая система А.С.Макаренко и современность. — М., 1980.

Развитие идей А.С.Макаренко в теории и методике воспитания. — М., 1989.

Терский В.Н. Клубные занятия и игры в практике А.С.Макаренко. — М., 1961.

Терский В.Н., Кель О.С. Игра. Творчество. Жизнь. Организация досуга школьников. — М., 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Педагогика завтрашнего дня, или еще не востребованный Макаренко (от составителя)	5
Воспитание и развитие личности	32
Педагогическая логика	46
Программа личности	62
Личность и коллектив	75
Мастерство педагога	87
Педагогика реального гуманизма	102
Художественная литература о воспитании детей	113
Стиль детской литературы	141
Детство и литература	148
Воспитательное значение детской литературы	153
Переписка А.С.Макаренко с А.М. Горьким	157
<i>Комментарии</i>	217
<i>Литература</i>	222

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В «Антологии»
используется ранее
не применявшийся
в практике Российского
учебного книгоиздания
прием фокусирования
на страницах книги
не всегда совпадающих
позиций —

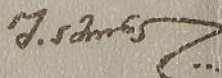
автора классического
наследия;

составителя тома, ученого,
излагающего свои взгляды
во вступительной статье
и комментариях,

и первого читателя,
учителя, сегодня смотрящего
в глаза своим ученикам,
призванного сегодня
реализовывать идеи
гуманной педагогики.

«Люди стали суровые, они
только с материей возятся,
а явления в собственных
душах для них стали
непосильные...»

Эта скрытая боль Антона
Семеновича есть ключ
к пониманию его наследия,
в котором гуманная основа
замаскирована и тем самым
убережена от тьмы
30-х годов.

Шалва Амонашвили